

"Искушения Парижа (Девственница в Париже; Ах, Париж!)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Барбара Картленд

Искушения Парижа

Глава первая

— Это тот самый дом? — взволнованно спросила Гардения по-французски, когда старенький фиакр, приблизившись к большому особняку с главным входом в виде портика, замедлил ход и свернул к обочине дороги, параллельной Елисейским полям.

— Oui, Ma'm'selle 1, — ответил извозчик. — Наверняка тот самый. Его трудно спутать с каким-нибудь другим. — Он натянул поводья и небрежно сплюнул в дорожную пыль.

Гардения поежилась от неловкости. Было что-то устрашающее и в дерзком поведении кучера, и в том, как выглядел роскошный дом, — он утопал в ярких огнях. Судя по всему, в настоящий момент в нем отмечали какой-то праздник.

Подъехать к лестнице парадного входа не представлялось возможным. Посыпанная гравием дорога, ведущая к ней, была заставлена блестящими автомобилями и элегантными двухместными экипажами, запряженными лошадьми в серебристой сбруе. Все это охраняли наемные шоферы в нарядных форменных гамашах и двубортных пиджаках, извозчики в фуражках с кокардами и накидках с капюшонами, а также лакеи в одеждах цвета бордо.

Гардении, не привыкшей к подобному, показалось, что она видит фрагмент красочного театрального представления.

Кучер спрыгнул с козел своего старомодного экипажа, не трудясь удерживать лошадь, — животное было настолько уставшим и изможденным, что без принуждения и так больше не сдвинулось бы с места.

— Вы попросили привезти вас именно сюда, Ma'm'selle, — сказал он. — Может, уже передумали?

Его голос прозвучал несколько странно, а глаза по-особому блеснули, поэтому Гардения еще больше напряглась.

— Нет-нет, — поспешно ответила она. — Я не передумала.

Сколько с меня?

Кучер назвал непомерно высокую сумму. Гардения знала, что плата за подобную поездку должна быть гораздо ниже, но не решилась вступать с наглцом в спор в присутствии столь многочисленной толпы шоферов и извозчиков, рассматривавших ее с нескрываемым любопытством.

Открыв кошелек и пересчитав оставшиеся деньги, она убедилась, что их даже больше, чем просит кучер, и отдала ему почти все. Не потому что он этого заслуживал, а просто из желания сделать красивый жест.

— Будьте добры, внесите мой чемодан в дом, — спокойно и вежливо, как подобает настоящей леди, попросила она, и извозчик не посмел ответить отказом.

Гардения неторопливо прошла по дороге, покрытой гравием, и поднялась по каменной

лестнице к парадному входу.

Двери были приоткрыты. Откуда-то изнутри раздавались звуки чудесной веселой мелодии. Игнали на нескольких скрипках. Звучали также, едва не заглушая музыку, чьи-то громкие голоса и резкий необузданный смех.

Совершенно неожиданно двери распахнулись, и все внимание Гардении сконцентрировалось на открывшем их лакее в бриджах по колено и темно-красной ливрее — точно такого же цвета, как одежды слуг во дворе. Ливрея эта была отделана золотистыми лентами и бесчисленным количеством блестящих золотых пуговиц. На руках лакея белели перчатки. Создавалось такое впечатление, что они ему великоваты. У него на голове красовался напудренный парик. Слуга смотрел поверх головы Гардении, застыв в напряженном ожидании, гордо приподняв подбородок.

— Я хотела бы видеть герцогиню де Мабийон, — сказала Гардения дрожащим от волнения голосом и шагнула в холл.

Лакей не ответил. К нему подошел другой человек, еще более блистательного вида, скорее всего дворецкий.

— Ее светлость ожидает вас, Ma'm'selle? — спросил он, многозначительно вскидывая брови и ясно давая таким образом понять, что он сильно удивится, если услышит положительный ответ.

Гардения покачала головой и пробормотала:

— Боюсь, что нет. Но если вы сообщите ее светлости мое имя, уверена, она согласится меня принять.

— Сегодня вечером ее светлость занята, — с важным видом провозгласил дворецкий. — Если бы вы пришли завтра... — Он резко замолчал, увидев человека, несущего по лестнице старый потертый кожаный чемодан. Лицо его исказилось от возмущения.

Извозчик поднялся по ступеням, вошел в холл, шумно опустил свою ношу на мраморный пол и шагнул вперед.

— Imbecile! 2 — крикнул дворецкий по-французски. Гардения не знала этого слова и могла лишь догадываться о его значении. — Думаешь, в этот дом позволено вносить всякий хлам? Сию минуту возьми это и проваливай! Сию минуту!

— Я притащил сюда этот чемодан, потому что так мне было ведено, — уверенным голосом заявил извозчик, — Леди сказала: «Внесите это в дом», вот я и внес.

— Убери отсюда эту рухлядь! — багровея от злости, приказал дворецкий. — И поживее! У меня нет времени разбираться с каждым проходивцем!

Извозчик громко выругался. Его голос гулким эхом отдался в дальнем конце холла.

Гардения шагнула вперед.

— Этот человек всего лишь выполнил мое распоряжение.

Не разговаривайте с ним в таком тоне. И, пожалуйста, побыстрее сообщите тете о моем

приезде.

Последовала напряженная пауза.

— Votre tante, Ma'm'selle? З — спросил дворецкий с недоверием и едва уловимым оттенком уважения, значительно понизив голос.

— Да, я племянница ее светлости, — ответила Гардения. — Прошу вас передать ей, что я здесь. — Она повернулась к извозчику. — А вы можете идти.

Кучер приподнял край обшарпанного цилиндра.

— A votre service 4, Ma'm'selle, — сказал он и, ослабившись, шаркающей походкой вышел за дверь.

Некоторое время дворецкий в нерешительности молчал.

— Вы, наверное, поняли, что сегодня у ее светлости вечеринка, Ma'm'selle?

— Конечно, поняла, — ответила Гардения. — Но, уверена, что она не станет на меня сердиться, когда я объясню, почему была вынуждена приехать.

На широкой лестнице, покрытой толстым ковром, которая вела на второй этаж, появились несколько смеющихся нарядных мужчин и женщин. Они направлялись вниз, по-видимому, в расположенную в дальнем конце холла просторную комнату, сквозь приоткрытую дверь которой виднелся уставленный серебряной посудой стол.

Дворецкий поспешил к гостям.

Гардения почувствовала себя весьма неловко. Ей не предложили ни присесть, ни пройти. Она стояла одна в холле незнакомого дома в обществе единственного лакея у двери, который хранил напряженное молчание.

«Быть может, дворецкий расценил мое вмешательство в его разговор с кучером как неслыханную дерзость, — размышляла она. — Но если бы я промолчала, то разгорелся бы настоящий скандал».

От волнения и смущения у нее пересохло во рту, и сердце билось быстро и громко.

Она не имела возможности дождаться того момента, когда тетя получит ее письмо, и была вынуждена приехать раньше. А на телеграмму у нее просто не хватило бы денег.

Ей ужасно хотелось есть. Она отбыла на корабле из Дувра рано утром и с тех пор крошки в рот не брала. От усталости и голода голова у нее шла кругом. Шум и гам, царившие в доме, отдавались в висках неприятным звоном.

Совершенно смущенная, она присела на край своего старенького чемодана с потертыми углами, не защищенными металлическими пластинами.

Ее путешествие длилось почти целые сутки. В поезде она сделала все возможное, чтобы привести себя в порядок, но это оказалось весьма затруднительным: туалет в ее вагоне был крохотным и неудобным. Прибыв на станцию, она наняла самый ветхий и старомодный фиакр, так как решила, что за поездку на подобном не потребуют высокую плату.

Внезапно со стороны лестницы послышался громкий смех и крики, и Гардения, отвлекаясь от раздумий над своими бедами, повернула голову. Вниз по ступеням, приподняв края походивших на пену пышных нижних юбок, сбегала разодетая молодая особа. На ее обнаженной шее сверкали бриллианты.

вернуться

1

Да, мадемуазель (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

вернуться

2

Дурак, идиот (фр.).

вернуться

3

Вашей тете, мадемуазель? (фр.)

вернуться

4

К вашим услугам (фр.).

За нею мчались трое мужчин в белых накрахмаленных сорочках с поднятыми воротничками. Хвосты их вечерних смокингов колыхались в диком танце.

Женщину нагнали на самой последней ступени. Она хохотала и выкрикивала какие-то резкие, почти грубые, даже истеричные слова протеста. Мужчины тоже галдели и смеялись.

Гардения не могла понять, о чем они разговаривают. Улавливала лишь слово «выбирай», несколько раз произнесенное кавалерами. Дама что-то на него отвечала, вызывая тем самым очередной взрыв хохота. В конце концов мужчины подняли ее на руки и понесли обратно вверх по лестнице.

Гардения наблюдала за происходившим в полном недоумении. Конечно, она не могла знать, по каким правилам живут и общаются между собой представители великосветских кругов, потому что не входила в них. Но то, что разворачивалось перед ее глазами, казалось ей дерзким и невероятным: один из мужчин держал даму за ноги, двое других — за руки и плечи.

Гардения была настолько потрясена, что почувствовала панический страх и, зажмурившись, покачала головой, словно хотела отделаться от неприятного видения.

— Mon Dieu! 5 Лили приготовила для нас какой-то сюрприз! — послышался со стороны лестниц мужской голос.

Гардения вздрогнула и распахнула глаза.

На верхней ступени уже стояли двое других кавалеров. Они смотрели прямо на Гардению.

Тот, что произнес весьма странную фразу, был явно французом — молодым, темноволосым и очень привлекательным.

Его взгляд отличался особой пронизательностью. Создавалось такое впечатление, что от него не ускользнуло ни малейшей детали — он мгновенно оценил и черное бумазейное дорожное платье Гардении, старенькое и потрепанное, и простую шляпу с загнутыми наверх полями, и выбившиеся из-под нее завитки волос.

— Очаровательное создание! — воскликнул он по-английски.

Щеки Гардении густо покраснели, и она поспешно пере-7 вела взгляд на второго мужчину.

Определенно англичанин, сразу подумалось ей.

Этот человек тоже был привлекательным, но держался более сдержанно, чем его приятель. Именно поэтому Гардения решила, что он воспитывался не в шумном городе, подобном Парижу, а в каком-нибудь загородном английском имении.

В его взгляде промелькнуло вдруг нечто такое, что заставило Гардению смущенно опустить глаза. А еще ей показалось, что он смотрит на нее с некоторым презрением. Хотя...

Не исключено, что она просто ошиблась.

— Наверняка Лили приготовила для своих гостей какое-то новое развлечение, — вновь заговорил француз, поворачиваясь к англичанину. — По-моему, лорд Харткорт, нам не следует уходить с этой вечеринки прямо сейчас.

— Я с вами не согласен, — протяжно ответил англичанин. — Во всем необходимо знать меру, мой дорогой граф.

— Ошибаетесь, — заявил граф, решительными шагами спустился вниз по лестнице и, к великому удивлению и испугу Гардении, приблизился к ней и взял ее за руку. — Vous etes charmante 6, — сказал он. — Quel role jouez-vous? 7

— Простите, сэ-р, но я вас не понимаю, — растерянно пробормотала Гардения.

— Насколько я вижу, вы англичанка, — заметил лорд Харткорт, тоже сходя вниз. — Мой друг сгорает от любопытства, хочет узнать, каким образом вы развлекаете публику. Что у вас в чемодане? Музыкальный инструмент? Или костюм фокусницы?

Гардения уже приоткрыла рот, намереваясь ответить, но француз опередил ее.

— Нет, нет! Ничего не говорите! Позвольте, я отгадаю. Ваш номер — это нечто вроде чудесного превращения монашки в блистательную обольстительницу. Вы залезаете в свой чемодан, одетая в мрачные одежды — те, что на вас сейчас, — а когда появляетесь из него, почти обнажены. — Он сделал театральный жест, поцеловав кончики пальцев правой руки и вскинув ее вверх. — Наверняка тот наряд, в котором вы предстаете перед восхищенными зрителями, закрывает лишь самые сокровенные места и сшит из какой-нибудь чудесной ткани, непременно блестящей и золотистой. Я прав?

Гардения отдернула руку и поднялась на ноги.

— Возможно, я очень несообразительная, но абсолютно не понимаю, о чем вы ведете речь. Я сижу здесь, потому что жду, когда... о моем неожиданном приезде сообщат тете. — Она перевела дыхание и посмотрела не на графа, а на лорда Харткорта, как будто ожидала, что тот ее поддержит.

Граф запрокинул голову и залился смехом.

— Прекрасно! Неподражаемо! Вскоре о вас узнает весь Париж! — сказал он, немного успокоившись. — Где вы выступаете завтра? Я непременно приду, чтобы взглянуть на вас еще раз. Где? В «Майоле»? Или, быть может, в «Мулен Руж»?

Он дотронулся подушечками пальцев до подбородка Гардении, и она с ужасом осознала, что ему взбрело в голову ее поцеловать.

В тот момент, когда его красивое лицо, выражавшее уверенность и довольство, почти коснулось ее лица, она резко отвернула голову и обеими руками оттолкнула от себя француза.

— Нет, нет! Вы меня не правильно поняли! Я совсем не та, за кого вы меня принимаете! — протараторила она.

— Вы прелестны, — прошептал граф.

Гардения в ужасе наблюдала за его руками, беспардонно обвившими ее талию. Он был пьян — об этом красноречиво свидетельствовал запах его дыхания, которое она чувствовала на своей щеке.

— Нет, нет! Пожалуйста! — Охваченная легкой паникой, не зная, куда деваться, она в отчаянии забарабанила кулаками по груди пьяного француза. Его сопротивление девушки лишь забавляло.

Неожиданно ей на помощь пришел англичанин.

— Подождите, граф, — спокойно остановил он приятеля. — Мне кажется, вы чего-то недопонимаете.

Гардения моргнула, а в следующее мгновение между ней и графом уже стоял лорд Харткорт.

— Объясните ему, прошу вас... — взмолилась она дрожащим голосом и в эту самую секунду к своему огромному стыду и ужасу ощутила, что у нее подкашиваются ноги, а пол куда-то уплывает. На ее талию опять легла мужская рука.

Перед глазами у Гардении потемнело, и она провалилась во мрак, который как будто подкрался к ней из-под пола и захватил в плен...

Придя в сознание, Гардения испуганно огляделась по сторонам.

Она лежала на диване в незнакомой комнате. Голова ее покоилась на мягких атласных подушках. Шляпы не было. Кто-то держал у ее рта бокал с какой-то жидкостью.

— Выпейте это, — скомандовал негромкий мужской голос.

Гардения послушно обхватила посудину губами и сделала глоток. И передернулась.

— Я не употребляю алкоголь, — попыталась сопротивляться она, но стакан лишь плотнее прижали к ее рту.

— Тем не менее вы должны выпить еще немного, — сказал тот же самый голос. — Вот увидите, это поможет.

Гардения повиновалась — другого выхода у нее не было.

Бренди приятно обжигающей струйкой проник ей внутрь. Через пару мгновений ее сознание немного прояснилось, а с глаз как будто спала туманная пелена. Она повернула голову и увидела англичанина. И даже вспомнила, как его зовут — лорд Харткорт.

— Простите меня, пожалуйста... Мне очень стыдно... — пробормотала она, догадываясь, что именно этот человек принес ее сюда и уложил на диван. Ее щеки заалели.

— Думаю, с вами не произошло ничего страшного, — ответил англичанин. — Просто переутомились в дороге. Когда в последний раз вы что-нибудь ели?

— Довольно давно, — смущенно и с явной неохотой произнесла Гардения. — В поезде еда слишком дорогая, а выходить на станциях мне не хотелось...

— Тогда ваш обморок — явление естественное, — сухо заметил лорд Харткорт и, поставив на стол бокал, который до сих пор держал у лица Гардении, прошел к двери, приоткрыл ее и с кем-то заговорил приглушенным голосом.

Гардения обвела комнату более внимательным взглядом.

По всей вероятности, это была библиотека.

Несмотря на то что головокружение и сильная слабость еще не прошли, Гардения поднялась и, свесив ноги вниз, села на диване. И тут же принялась приглаживать волосы, сконфуженно представляя себе, как беспорядочно они выглядят.

вернуться

5

Боже мой! (фр.)

вернуться

6

Вы очаровательны (фр.).

вернуться

7

Какую роль вы играете? (фр.)

Лорд Харткорт закрыл дверь и вернулся к дивану.

— Вам не следовало подниматься. Я велел принести еду.

— Но я не могу продолжать лежать здесь, — ответила Гардения. — Мне необходимо разыскать тетю и сообщить ей, почему я была вынуждена приехать.

— Неужели вы и вправду племянница герцогини? — полюбопытствовал лорд Харткорт.

— Да, это так, — сказала Гардения. — Хоть ваш друг и не поверил мне. А почему он вел себя столь странным образом?

Вероятно, потому что находится в нетрезвом состоянии?

— Скорее всего, — согласился лорд Харткорт. — На вече ринках люди, как правило, выпивают.

Гардения понимающе кивнула.

Вообще-то ей очень редко доводилось бывать на каких бы то ни было увеселительных мероприятиях. Но ни на одном из них она, естественно, не видела ни столь пьяных кавалеров, ни дам, позволяющих носить себя на руках по лестницам.

— Вы предупредили тетю о том, что приедете сегодня? — спросил лорд Харткорт.

— Нет, — ответила Гардения. — Видите ли... — Она на мгновение замолчала, подбирая нужные слова. — Понимаете, некоторые обстоятельства вынудили меня приехать к ней без предупреждения.

— Осмелюсь высказать предположение, что герцогиня удивится, когда увидит вас. — Лорд Харткорт многозначительно повел бровью, и Гардения горячо заявила:

— А я уверена, что тетя обрадуется моему появлению!

Лорд Харткорт приоткрыл было рот, определенно намереваясь возразить, но ему помешал раздавшийся стук в дверь.

— Войдите! — крикнул он.

Лакей в бордовых одеждах внес в комнату поднос с множеством блюд и поставил его на стол у дивана. Здесь были и заливные трюфели, и дичь со спаржей, и омары под майонезом нежно-желтого цвета, и много других яств, одного взгляда на которые хватало, чтобы загореться желанием их съесть.

Правильных названий большинства из них Гардения не знала.

— Здесь слишком много всего! — воскликнула она.

— Съешьте то, что вам больше нравится, — настоятельно посоветовал лорд Харткорт. — Это сразу придаст вам сил.

Он неторопливыми шагами пересек комнату и остановился у столика, заставленного письменными принадлежностями и разнообразными безделушками.

«Интересно, почему он отошел? — подумала Гардения. — Настолько тактичен? Или вид

человека, набрасывающегося на еду в столь поздний час, вызывает в нем приступ тошноты?»

Вообще-то в данный момент это было для нее не столь важно: от голода уже мутило рассудок. Она съела приличного омара и трюфели. И, насытившись, почувствовала значительный прилив сил.

К счастью, на подносе, кроме блюд с деликатесами, стоял и стакан с простой водой. Запив ею съеденное, Гардения повернула голову и взглянула на лорда Харткорта.

— Премного вам благодарна, — сказала она. — Теперь мне лучше.

Лорд Харткорт неспешно приблизился к ней и, остановившись напротив дивана на коврике у камина, внимательно и серьезно посмотрел ей в глаза.

— Мне бы хотелось дать вам один совет, — изрек он.

Услышать подобное Гардения никак не ожидала. Поэтому изумленно моргнула и переспросила:

— Совет?

— Да, совет. Будет лучше, если сейчас вы уйдете из этого дома и появитесь здесь опять только завтра.

Увидев удивление, отразившееся на лице Гардении, лорд Харткорт быстро добавил:

— Ваша тетя очень занята. На встречу родственников, пусть даже самых дорогих, у нее сегодня нет времени, ведь она развлекает гостей.

— Я не могу уйти, — ответила Гардения.

— Почему? — спросил лорд Харткорт. — Переночуйте в каком-нибудь приличном отеле. Или считаете, что это неприемлемо для молодой благовоспитанной особы? Тогда я провожу вас до монастыря, расположенного недалеко отсюда. Монашки крайне гостеприимны ко всем, кто обращается к ним с той или иной просьбой.

У Гардении все напряглось внутри.

— Уверена, лорд Харткорт, вы говорите мне все эти вещи из лучших побуждений. Однако следовать вашему совету я не стану. Наверняка тетя, узнав о моем приезде, обрадуется и с удовольствием примет меня.

Договорив последнее слово, Гардения почувствовала пугающую неуверенность. На протяжении всего путешествия в Париж она упорно твердила себе, что тетя Лили будет счастлива видеть ее в своем доме. Сейчас же от этой убежденности осталась лишь жалкая меньшая часть.

Нельзя показывать лорду Харткورتу вызванное его странными словами смятение, твердо решила Гардения.

В любом случае она не могла себе позволить идти на ночлег куда бы то ни было. В ее кошельке лежали несчастных пара франков — все, что осталось от английских денег, поменянных в Кале 8.

— Я останусь здесь, — сказала она. — Мое состояние значительно улучшилось, поэтому я могу сама подняться наверх и поискать тетю. Дворецкий... или... не знаю точно, кто это был... В общем, наверное, он до сих пор не сообщил ей о моем приезде.

Лорд Харткорт нахмурил брови.

— Не делайте этого.

— А кем вы доводитеесь ее светлости? Ближайшим другом? — спросила Гардения.

Лорд Харткорт покачал головой.

— Нет, такой чести я не удостоен. Но давно знаю вашу тетю. Ее знает весь Париж. Ведь она очень... — Он сделал паузу, словно желал подобрать наиболее подходящее слово. — Очень гостеприимная.

— В таком случае ее гостеприимства хватит и на единственную племянницу! — воскликнула Гардения, поднялась с дивана и, увидев на полу свою шляпу, торопливо подняла ее. — Безмерно признательна вам за то, что принесли меня в эту комнату и организовали столь чудесный ужин. Завтра я обязательно попрошу тетю выразить вам личную благодарность, — сказала она и протянула лорду Харткورتу руку. — Насколько я помню, перед тем, как я так по-глупому упала в обморок, вы собирались уходить. Не смею задерживать вас дольше.

Он пожал ее руку и ответил странно изменившимся, как будто безучастным голосом:

— Позвольте я прикажу слугам проводить вас наверх и показать вам вашу спальню. Утром, отдохнувшая и выспавшаяся, ее светлость будет намного больше рада встрече с вами.

— Мне кажется, вы чересчур настойчивы, — произнесла Гардения ледяным тоном. — Я не намереваюсь тайком пробираться наверх по черным лестницам — ведь именно это вы собираетесь мне предложить? А сейчас же отправлюсь на поиски тети.

— Что ж, — ответил лорд Харткорт. — Поступайте как знаете. Но прежде чем вы совершите эту глупость, я все же скажу вам еще кое-что: если вы появитесь в наполненном гостями зале в этих одеждах, не исключено, что многие из них подумают о вас то же самое, что пришло в голову моему приятелю графу Андре де Гренэлю.

Он вышел в коридор и плотно закрыл за собой дверь.

Гардения смотрела ему вслед, оцепенев от неожиданности и негодования.

Его слова так обидели ее, что хотелось разрыдаться.

«Да как он посмел так со мной обойтись? — думала она, прикладывая к пылающим щекам прохладные ладони. — Обсмеять мой вид, мои одежды?»

Перед глазами вновь и вновь всплывал его образ: высокомерное аристократическое лицо, цинично скривленные губы, холодный взгляд. Она осознала вдруг, что ненавидит этого наглеца всем сердцем. Он оскорбил ее так, как никто и никогда не оскорблял: ясно дал понять, что, по его мнению, гости тети, так шумно и безудержно веселящиеся где-то наверху, достойнее и выше ее, что она не имеет права появляться перед ними в своем простом наряде.

Внезапно злоба, зародившаяся в душе так быстро, так же мгновенно ослабла. Гардения

поняла, что больше оскорблена не самими словами лорда, а тем, как и в какой момент он их произнес.

Между ними произошло своеобразное сражение — она не хотела уходить из этого дома, а лорд настоятельно советовал ей сделать это. Он победил. И только потому, что прибегнул к верно действующему против любой женщины оружию — нелестно отозвался о ее внешности.

Ей вспомнился тот момент, когда граф обнял ее в холле за талию и чуть было не поцеловал. Страх и паника, пережитые в те мгновения, с пугающей силой вновь наполнили душу.

вернуться

8

Город во Франции, порт на проливе Па-де-Кале.

«Этот тип решил, что я ветренная актриска, явившаяся сюда, чтобы развлекать гогочущую хмельную толпу, — с ужасом подумала она. — И предположил, что я залезаю на глазах у всех в чемодан, а потом...»

Ей нестерпимо захотелось стереть из памяти этот омерзительный эпизод, навеки забыть и голос молодого француза, и выражение его глаз, и красивую самодовольную физиономию, и она закрыла уши ладонями, словно этот жест мог принести ей спасение.

«Лорд Харткорт прав! Я не должна появляться в таком виде в шумном зале для балов, — решила она. — Меня действительно поднимут на смех. Потом станут сплетничать, слухи расползутся по Парижу...»

Перед лордом Харткортом Гардения держалась уверенно и даже дерзко. Сейчас же от ее смелости почти ничего не осталось — она чувствовала, что не отважится отправиться на поиски тети.

— Очевидно одно, — сказала она вслух, обращаясь к пустоте, — мне нельзя оставаться на всю ночь в этой комнате.

От пришедшей в голову мысли вернуться в холл и дожидаться там дворецкого она тут же отказалась: воспоминание о его пренебрежительном с ней обращении вызвало неприятную дрожь.

— Если бы у меня были деньги, — в отчаянии сжимая пальцы, пробормотала она. — Тогда я смогла бы добиться от этого заносчивого типа какой-то помощи.

Конечно, пара франков, оставшаяся у нее в кошельке, лишь насмешила бы и дворецкого, и всех остальных слуг — надменных спесивцев в напудренных париках.

Гардения медленно прошла к камину и дернула за шнурок звонка, свисавший с карниза с правой стороны. Шнурок этот был свит из дорогих габардиновых лент, а на конце украшен золотистой бахромой.

Один этот шнурок стоит чудесного нового платья, невольно отметила Гардения.

На протяжении некоторого времени в комнате никто не появлялся, и она уже собралась

позвонить еще раз, когда дверь открылась.

На пороге появился тот же самый лакей, который по просьбе лорда Харткорта принес поднос с едой. Первые несколько мгновений Гардения в нерешительности молчала.

Потом заговорила на идеальном, почти классическом французском:

— Мне бы хотелось, чтобы для меня приготовили комнату наверху. Я плохо себя чувствую и не в состоянии присоединиться к ее светлости и остальным гостям. Вы можете передать мою просьбу экономке?

Лакей отвесил ей поклон.

— Попробую ее разыскать, Ma'm'selle, — ответил он.

Ждать пришлось довольно долго. Гардения со смущением размышляла о том, что в столь поздний час экономка, должно быть, уже спит. Что ради нее беднягу разбудят, и той придется впопыхах натягивать на себя одежды и приводить в порядок волосы.

Когда экономка наконец-то появилась, Гардения обвела ее удивленным взглядом. Эта полногрудая седеющая женщина совсем не походила на чопорных английских экономок: ее одежды не отличались опрятностью, а волосы были растрепанными.

— Bonjour, Ma'm'selle. Насколько я поняла, вы племянница мадам? — спросила она.

— Совершенно верно, — ответила Гардения. — Боюсь, я приехала не в самый подходящий момент. Естественно, мне не терпится увидеть тетю, но после длительной поездки я чувствую себя смертельно уставшей. Наверное, для нас обеих будет лучше встретиться завтра утром.

— Весьма разумное решение, Ma'm'selle, — согласилась экономка. — Пойдемте со мной, я провожу вас в комнату, где вы сможете переночевать. Один из лакеев уже понес туда ваш чемодан.

— Большое вам спасибо, — с искренней благодарностью ответила Гардения.

Как только экономка открыла дверь, в комнату ворвался оглушающий вихрь разнообразных звуков. В нем сливались громкие голоса мужчин, пронзительные крики и визг женщин, грохот какого-то падающего предмета, сопровождающийся дружным хохотом. В холле явно происходило нечто невообразимое. Что именно — Гардения не могла себе представить.

Экономка закрыла дверь.

— Полагаю, Ma'm'selle, нам лучше подняться наверх по черной лестнице, — сказала она. — Мы можем выйти к ней через другую дверь прямо из этой комнаты.

Гардения кивнула:

— Пожалуй, вы правы.

Ей было несколько не по себе: если бы лорд Харткорт узнал о том, что она все-таки поступила именно так, как он ей советовал, то непременно посчитал бы ее трусихой. Тем не менее выходить в холл — в дикий гогот и гам — у нее не было ни малейшего желания.

Экономка пересекла комнату. Наверное, она нажала на потайную кнопку в стене — одна часть

стенного шкафа неожиданно отъехала в сторону.

Без лишних слов экономка подала знак Гардении выйти сквозь появившийся в стене дверной проем в длинный тесный коридор и, проследовав за ней, каким-то странным образом вернула шкаф на место.

Они прошли к затемненной узкой лестнице и поднялись на второй этаж. Экономка остановилась в нерешительности на площадке у закрытой двери, словно прислушиваясь к звукам внутри. А через несколько мгновений покачала головой.

— Думаю, Ma'm'selle, вам лучше разместиться на следующем этаже.

Они вновь зашагали по ступеням, а когда ступили на очередную лестничную площадку, экономка открыла возникшую перед ними дверь. Гардения увидела длинный прекрасно освещенный коридор с покрытым ковровой дорожкой полом.

Пройдя через него, они вышли к парадной лестнице. Гардения глянула вниз сквозь фигурную балюстраду. И ужаснулась. С обоих этажей, располагавшихся внизу, к лестнице текла лавина мужчин и женщин. Звук их громких пронзительных голосов отдавался в висках неприятной тупой болью, а взрывы гомерического хохота, доносившиеся отовсюду, полностью заглушали мелодии скрипок.

Было что-то пугающее в этом необузданном смехе. Создавалось впечатление, что люди, издающие его, напились до такого состояния, что уже не могут контролировать себя.

Гардения постаралась прогнать из головы странные мысли. Главным образом потому, что находила их не вполне справедливыми. Люди, веселившиеся в доме ее тети, были французами. Они относились к латинской расе, поэтому ожидать от них сдержанности, свойственной англичанам, вовсе не следовало.

Тем не менее продолжать смотреть на беснующуюся толпу было крайне неприятно, и Гардения отскочила от лестницы и поспешила за экономкой, открывавшей дверь в небольшую комнатку.

— Завтра, Ma'm'selle, ее светлость наверняка велит приготовить для вас более просторную и удобную комнату. А сегодня могу предложить вам только эту. — Экономка развела руками. — Я допустила ошибку, отправив человека с вашим чемоданом в спальню на втором этаже. Сейчас же все будет исправлено. Что-нибудь еще желаете?

— Нет, спасибо, — ответила Гардения. — Благодарю вас за все. И простите за причиненные неудобства.

— Не стоит извиняться, Ma'm'selle, — сказала экономка. — Я отдам распоряжение личной служанке ее светлости известить вас утром о пробуждении вашей тети. Но до полудня, уверяю вас, она будет отдыхать.

— Прекрасно понимаю, — задумчиво произнесла Гардения. — После подобной вечеринки любому потребовался бы хороший отдых.

Экономка пожала плечами.

— Здесь вечеринки устраиваются слишком часто.

Когда она вышла из комнаты. Гардения устало опустилась на кровать. В ногах чувствовалась

жуткая слабость. Казалось, они уже не в состоянии двигаться.

«Здесь вечеринки устраиваются слишком часто», — вновь прозвучали в ее ушах слова экономки.

«Что это значит? — подумала она, озадаченно хмуря брови. — Неужели я буду вынуждена постоянно жить в таком хаосе?»

Смех и крики не стихали, а становились все громче и неистовее, несмотря на то что было уже половина третьего утра.

«Может, я допустила серьезную ошибку, приехав сюда? — спросила сама у себя Гардения. — Но что мне оставалось?»

Ей, показалось, кто-то невидимый сжал ее сердце ледяной рукой. Это ощущение было настолько сильным, что она еще больше напугалась.

Раздался стук в дверь.

По спине Гардении побежали мурашки.

— Кто там?

— *Votre baggage 9, Ma'm'selle*, — ответил мужской голос.

— Ах да! — воскликнула Гардения, с облегчением вздыхая и поднимаясь на ноги. — Про свой багаж я совсем позабыла!

вернуться

9

Ваш багаж (фр.).

Она открыла дверь. Двое слуг внесли в комнату ее старенький потертый чемодан, опустили его на пол рядом с кроватью, развязали веревки, которыми он был перевязан, и, почтительно поклонившись, удалились.

Гардения закрыла за ними дверь и сделала то, чего не делала ни разу в жизни, — заперлась на ключ изнутри. Отрезала себя от окружающего мира. И только после этого почувствовала некоторое успокоение.

Лишь теперь, сжимая в руке прохладный металлический ключ, она ощущала уверенность в том, что безумный хохот, раздававшийся с нижних этажей, не вторгнется в ее мирок, не задавит своим диким напором.

Глава вторая

— Так вот куда ты перебрался! — воскликнул Бертрам Каннингхэм, войдя в просторную светлую комнату, в которой за письменным столом у противоположной стены сидел лорд Харткорт.

— Я совсем забыл сообщить тебе, что меня повысили в чине, — ответил лорд Харткорт.

Бертрам Каннингхэм приблизился к столу, присел на его край и принялся легонько хлестать кнутом, находившимся у него в руке, по своим начищенным до блеска сапогам для верховой езды.

— Тебе следует быть предельно осторожным, — сказал он шутливо-серьезным тоном. — В Итоне все преподаватели считали тебя одним из прилежнейших студентов. Наверное, и здесь твои таланты уже успели распознать. Глядишь, захотят сделать лорда Харткорта послом или кем-нибудь вроде этого.

— Не беспокойся, — ответил лорд Харткорт. — Ничего подобного не произойдет. Я попал сюда просто потому, что Чарльз Лавингтон заболел и решил уйти с занимаемой им должности. Меня перевели на это место в качестве его замены.

— Мне кажется, — сказал Бертрам Каннингхэм, — его болезнь вызвана тем, что он слишком часто бывает в «Максиме» 10. А еще тем, что вынужден постоянно водить свою очаровательную подругу к Картье 11.

— Возможно, — нехотя протянул лорд Харткорт. Он терпеть не мог разного рода сплетни и пересуды и старался ни- когда не принимать участия в подобных разговорах. Они несколько его не интересовали.

— Кстати, — продолжил Бертрам Каннингхэм. — Ты был вчера у Лили де Мабийон? Сегодня в Буа я встретил Андрэ де Гренэля. По его словам, ее вчерашняя вечеринка обещала превратиться в нечто необычное.

— Никогда не принимай за чистую монету то, что говорит граф, — посоветовал лорд Харткорт ледяным тоном. — Его рассказы — всегда либо наполовину, либо полностью выдумки.

— Не будь таким брюзгой, Вейн, — ответил Бертрам Каннингхэм. — Я уверен, что де Гренэль не налгал мне, рассказав, что вчера ее светлость пригласила из «Мулен Руж» весьма необычного вида актрису. Она-де выглядела как монашка или школьница.

Он хитро улыбнулся.

— По словам графа, крошка не успела выступить перед публикой — упала в холле в обморок, угодив прямо к тебе в руки. Ты подхватил ее, отнес в ближайшую комнату и заперся изнутри.

Лорд Харткорт засмеялся сухим, абсолютно невеселым смехом.

— Так что же там произошло на самом деле? — настойчиво поинтересовался Бертрам Каннингхэм. — Не верю, что де Гренэль просто выдумал всю эту историю.

— Нет, он ее не выдумал, но приправил львиной долей фантазий, — холодно ответил лорд Харткорт. — Имей в виду, я общаюсь с де Гренэлем только на вечеринках. В подпитии этот парень бывает весьма забавным. Но не дай бог встретиться с ним еще и наутро. Он тут же до смерти тебе надоест. Признаться честно, я стараюсь сталкиваться с ним как можно реже.

Советую и тебе последовать моему примеру.

— Эй, хватит увиливать от ответа, — сказал Бертрам, играючи ударяя кнутом по отполированной поверхности стола. — Я страсть как хочу узнать, что же вчера произошло,

поэтому намерен заставить тебя все мне рассказать.

— А если у тебя ничего не получится? — спросил лорд Харткорт.

— Тогда я пойду прямо к ее светлости, добьюсь, чтобы она срочно меня приняла, и узнаю правду от нее.

Лорд Харткорт опять рассмеялся.

— В столь ранний час герцогиня еще спит. А в ее доме после вчерашней пирушки настоящий погром.

— Ну же, расскажи какая она, эта вчерашняя чародейка, — не унимался Бертрам. — По описаниям Андрэ это дивное создание со светлыми волосами, серыми глазами и лицом в форме сердца. Он утверждает, будто эта дамочка выглядит абсолютно невинной, возможно, это ее актерское амплуа. Я заинтригован.

— Де Гренэль был пьян, — заметил лорд Харткорт.

— Полагаю, ты тоже не отличался трезвостью, — съязвил Бертрам Каннингхэм. — А я в то время, когда происходили все эти интересные события, сидел на скучнейшем званом вечере, сопровождал жену посла. Целых два часа мы слушали длинноволосого пианиста-поляка. Потом начались танцы. Только представь себе: во всем зале не было ни единой женщины моложе пятидесяти!

На этот раз лорд Харткорт рассмеялся весело и от души.

Потом поднялся из-за стола, приблизился к кузену и положил руку ему на плечо.

— Бедняга Берти, — сказал он. — Можно с уверенностью утверждать, что за деньги, которые тебе платят, ты действительно трудишься в поте лица.

— Тебе это кажется смешным? — горячо произнес Бертрам. — Мне — нет! Повторись подобное еще пару раз, и я подам прошение об отставке. Я до смерти устал от всего этого.

Если бы здесь не было тебя и еще некоторых ребят, то я давно бы вернулся в Лондон. Слава богу, скоро поеду в Аскот 12.

Лорд Харткорт неторопливо прошел к окну и выглянул в сад перед посольством. Цвели лилии и магнолии. Под раakitником алело яркое пятно тюльпанов.

— В это время года в Англии очень красиво, — спокойно сказал он. — Может, мы напрасно тратим столько времени и денег на пребывание в другом месте, пусть даже в Париже?

— Тебе надоела Анриэтта? — с неожиданным сочувствием в голосе поинтересовался Бертрам.

— О нет! — ответил лорд Харткорт. — Она по-прежнему очаровательна. Просто порой мне кажется, что вся наша жизнь чудовищно искусственна и притворна. В ней слишком много вечеринок, выпивки и подобных графу людей — любителей раздуть из мухи слона.

— Кстати, ты так ничего и не рассказал мне об этой «мухе», — многозначительно понизив голос, напомнил Бертрам Каннингхэм.

Лорд Харткорт вернулся к своему столу.

— Собственно, и рассказывать-то тут не о чем, — начал он. — Мы с графом решили отправиться по домам. Вышли в холл и увидели там незнакомую девушку, англичанку в скромной дорожной одежде. Она сидела на чемодане. Де Гренэль попытался ее поцеловать. Та засопровтивлялась. Я был просто обязан вмешаться.

В это мгновение с ней случился обморок — не от страха перед пьяными домогательствами графа, скорее из-за ужасной усталости и голода.

— Так, значит, он мне не солгал! — воскликнул Бертрам Каннингхэм. — И как же выглядела эта крошка? Андрэ описал ее так, будто она сущий ангел.

— На внешность этой незнакомки я не обратил особого внимания, — ответил лорд Харткорт устало. — Попросил слуг принести для нее еды, дал ей дельный совет — она им пренебрегла — и ушел.

— Ушел? — Бертрам округлил глаза. — Я тебя не понимаю.

Все складывалось так интригующе!

— Я во вчерашнем происшествии не нашел ничего интригующего, — сказал лорд Харткорт, кривя губы. — Девушка была измождена и нуждалась в хорошем отдыхе. В пути она находилась с раннего утра. Представляю себе, каково это — ехать в вагоне с деревянными сиденьями.

— Но кто такая эта девица? Хотя бы это ты выяснил? — спросил Бертрам Каннингхэм.

— По ее словам, племянница герцогини.

— Племянница герцогини, как же! — Бертрам усмехнулся. — Неужели ты ей поверил? По мнению Андрэ, эта штучка должна была показать гостям какой-нибудь номер, например, залезть в свой потрепанный чемодан в дорожном платье, а вылезти из него почти голой.

— Де Гренэль — мастер придумывать разную чушь, — сказал лорд Харткорт. — Я же нисколько не сомневаюсь в том, что эта девушка действительно только вчера приехала из Англии. Доводится ли она племянницей герцогине, не знаю. Возможно, так оно и есть.

вернуться

10

Ресторан в Париже.

вернуться

11

Знаменитый французский ювелир.

вернуться

12

Аскот (Эскот) — место ежегодных скачек близ Виндзора.

Он пожал плечами, сложил бумаги на столе в аккуратную стопку и спросил:

— Какие у тебя планы, Берти? Я собираюсь пойти в «Трэвеллерс Клуб», перекусить. Их новый шеф-повар потрясающе готовит ростбиф. Может, составишь мне компанию?

— С удовольствием, — ответил Бертрам Каннингхэм. — А по пути давай заглянем к Лили. Ужасно хочу посмотреть на ее новую протезе раньше всех остальных. Андрэ наверняка рассказал о ней всем, кому только мог. Интересно, каким образом он улизнет сегодня из дома? Его мамаша устраивает прием. Пригласила весь дипломатический корпус.

— Я всегда избегал встреч с герцогиней и подобными ей особами при свете дня, — признался лорд Харткорт.

— Какие глупости, Вейн! — Бертрам заулыбался. — Старушка Лили вовсе не дурна. По словам моего папы, тридцать пять лет назад она была самой красивой женщиной из всех ему известных. А уж он-то в свое время знал толк в подобных вещах.

— Правда? — На мгновение лицо лорда Харткорта приобрело выражение заинтересованности. — А кто она вообще такая? Я всегда считал, что ее титул ненастоящий.

— «Нет-нет, — возразил Бертрам Каннингхэм. — В этом ты определенно ошибаешься. Герцог — не вымышленное лицо.

Однажды, много лет назад, будучи еще ребенком, я видел его собственными глазами. Я это хорошо помню. Я приехал в Париж на каникулы. В то время мой отец занимал пост первого секретаря. Как-то раз он взял меня с собой на обед в «Ритце».

«Ты должен взглянуть на элиту французской столицы, мой мальчик. Когда-то ты и сам станешь представителем Министерства иностранных дел. Начинай готовиться к этому уже сейчас», — сказал он тогда.

Некоторое время Бертрам молчал. Наверное, мысленно вернулся в те далекие дни, когда Париж еще казался ему таинственным и бесконечно прекрасным.

— И?.. — вклинился в его воспоминания лорд Харткорт. — Ты начал говорить о герцоге.

— Ах да! Точно! — Бертрам кивнул. — Он сидел за столиком у двери и выглядел как черепаха. Его шею из-под воротничка практически не было видно, лицо испещряли морщины, а его лысая голова походила на головку сыра. Отец указал мне на него и шепнул: это герцог де Мабийон. В этот момент в зал вошла женщина, и взгляды всех присутствовавших устремились на нее. Конечно, это была Лили, но в ту пору я еще не умел оценивать представительниц прекрасного пола, поэтому почти не обратил на нее внимания. Я пялился на герцога и удивлялся. Французские герцоги представлялись мне совершенно другими.

— Значит, он и в самом деле существовал, — произнес лорд Харткорт изумленно.

— Можешь в этом не сомневаться, — заверил его Бертрам. — Несколько лет спустя, когда я опять приехал во Францию, отец рассказал мне всю эту историю. Оказалось, Лили была когда-то замужем за другим человеком, тоже французом, как говорят, типом довольно неприятным. Сомнительного происхождения, он все же обладал какой-то долей благородной крови и имел

право появляться в приличном обществе. Лили повстречал в Англии, женился на ней и привез с собой в Париж. С герцогом они познакомились на одной из вечеринок. Старик, дважды вдовец, взглянул на мадам Рейнбард всего лишь раз и тут же воспытал желанием приютить ее вместе с муженьком «под своим крылом».

— Какая гадость! — Лицо лорда Харткорта исказила гримаса. — Этот герцог был извращенцем!

— И в то же время большим ценителем красивых вещей, — заметил Бертрам Каннингхэм. — А Лили, несомненно, представляла собой редкий экземпляр. По словам отца, впоследствии эти трое больше не разлучались. Герцог стал брать на себя долги Рейнбарда, переселил его в шикарную квартиру и превратил его жизнь в настоящую сказку.

Лорд Харткорт улыбнулся.

— Хорошо рассказываешь, Берти. Ты еще не думал написать о легендарной Лили настоящий роман?

Бертрам рассмеялся.

— Все это я услышал от отца. А уж он-то, поверь мне, знает правду о Лили де Мабийон лучше, чем кто бы то ни был.

Вероятно, когда-то мой папочка тоже сходил по ней с ума.

— Наверное, то же самое можно сказать о половине мужского населения Парижа, — произнес лорд Харткорт. — Очевидно, в девяностые годы скучать парижанам не приходилось.

— Думаю, ты прав, — согласился Бертрам Каннингхэм. — Но позволь мне продолжить. Лили, по-видимому, тоже была равнодушна к моему старику. По крайней мере многое рассказывала ему о себе. Например, то, что воспитывалась в порядочной английской семье, и то, что никогда не вышла бы за Рейнбарда, если бы не задыхалась в родительском доме от нищеты. Перспектива жить в Париже, естественно, сразу показалась ей ужасно привлекательной.

— У нее все сложилось весьма удачно. — Лорд Харткорт цинично ухмыльнулся.

— Еще и как удачно, — поддержал его Бертрам. — Рейнбард вскоре освободил ее от своего общества — неожиданно скончался. Он чересчур много пил, а однажды зимой слег с пневмонией. Злые языки болтают, будто Лили была слишком занята убажанием герцога, поэтому и не послала за врачом, когда Рейнбард остро нуждался в медицинской помощи. Соответствует ли это действительности, никто не знает. После смерти Рейнбарда парижане высших кругов только и делали, что заключали пари: подавляющее большинство утверждало, что герцог не женится на своей восхитительной любовнице.

— А он взял и женился, — сказал лорд Харткорт, опускаясь на стул за письменным столом. В его глазах играли искорки, но рот искривляла едва заметная ухмылка. Создавалось такое впечатление, что он не верит в рассказанную братом историю, хотя не намерен высказывать своего мнения вслух.

— Лили прижала беднягу де Мабийона к стенке! — горячо сообщил Бертрам Каннингхэм. — В тот период в Париже находился великий князь из России, я забыл, кто точно это был.

Этот князь сорил деньгами направо и налево, возле него вились самые красивые из парижских

женщин. Он делал им такие шикарные подарки, какие другие кавалеры были просто не в состоянии дарить. Лили действовала решительно. Она дала де Мабийону на размышления ровно двадцать четыре часа.

— На размышления о чем? Жениться на ней или нет? — спросил лорд Харткорт.

— Естественно! — Бертрам кивнул. — Если бы герцог не сделал ей предложение, она продалась бы за русские рубли.

Великий князь уже подарил ей жемчужное ожерелье и был готов презентовать небольшой замок на окраине Парижа. Это самое ожерелье она надела на шею в день венчания с де Мабийоном. Представляешь?

— Да уж! — Лорд Харткорт усмехнулся. — Значит, именно таким образом Лили стала герцогиней. — Он поднялся из-за стола и направился к двери. — Юным особам, жаждущим преуспеть в жизни, следует брать с нее пример. Пойдем, Берти. Я проголодался.

— Какая неблагодарность! — воскликнул Бертрам Каннингхэм, вставая со стола. — Я из кожи вон лезу, развлекаю тебя одной из самых невероятных историй, известных Парижу, а ты думаешь только о возможности побыстрее набить свой желудок! Неслыханно!

Лорд Харткорт потер лоб.

— Главное, что меня сейчас заботит, так это моя голова, Берти, — ответил он. — Шампанское вчера подавали отменное, но я явно перебрал.

— Насколько я понимаю, я многое потерял, не посетив вчерашнюю вечеринку Лили, — сказал Бертрам Каннингхэм расстроено. — А почему ты так рано ушел домой?

— Все очень просто, — ответил лорд Харткорт, когда они начали спускаться по мраморной лестнице. — Захотел отдохнуть от гвалта. В тот момент, когда я уходил, Теренс поливал девиц из сифона с содовой, а Маделейн орала так громко, что у меня заложило уши.

— Мне кажется, к ней весьма равнодушен эрцгерцог, — заметил Бертрам Каннингхэм.

— Так пусть берет ее. — Лорд Харткорт небрежно махнул рукой. — Что касается меня, мне до Маделейн нет никакого дела.

— Естественно! — весело сказал Бертрам. — По сравнению с Анриэттой эта особа — ничто. По части женщин и лошадей ты всегда был знатоком, Вейн.

Лорд Харткорт довольно улыбнулся.

— Я и сам всегда так считал, Берти. И рад, что ты меня в этом поддерживаешь.

— Черт возьми, я поддерживаю тебя во всем, разве не так? — спросил Бертрам. — В этом-то вся беда. Если бы я увидел Анриэтту раньше, чем ты, я, несомненно, первым предложил бы ей свою опеку.

Лорд Харткорт усмехнулся.

— Бедный Берти, я перешел тебе дорогу. Но утешься: Анриэтте ты в любом случае не подошел бы, так как не богат.

Вернее, богат не настолько, чтобы удовлетворять все ее потребности.

— И в этом я не могу с тобой не согласиться, — вздыхая, ответил Бертрам. — Но я должен найти себе женщину, и как можно быстрее. В противном случае вскоре меня начнут называть странным, распустят какие-нибудь сплетни. Такие франты, как ты, всегда устраиваются в жизни удачно и без особого труда. Я же просто невезучий. Помнишь, как тот проклятый принц из Германии отбил у меня Лулу? Еще бы! Конкурировать с виллой в Монте-Карло и роскошной яхтой способен далеко не каждый. А я уже купил ей автомобиль и чуть было не подарил! Конечно, машина кошмарная. Постоянно ломается.

Они вышли из парадного здания посольства и спустились во двор.

— Кстати, — продолжил Бертрам, — я собираюсь приобрести новую скаковую лошадь. В конюшнях Лабриза. И хотел бы, чтобы ты помог мне ее выбрать.

— Я сразу могу сказать, что твоя затея неудачная, — спокойно произнес лорд Харткорт. — Лабриз — первый мошенник среди французских участников скачек. Я даже не стал бы смотреть на то, что он выставит на продажу, — хоть на скакуна, хоть на осла.

Лицо Бертрама помрачнело.

— Черт! Можешь считать, что ты победил, Вейн! Я не буду покупать лошадь у Лабриза, — проворчал он.

— Вот и правильно, — одобрил его решение лорд Харткорт. — А денежки советую тебе потратить на женщин. Это гораздо проще и приятнее, — Наверное, ты опять прав, — пробормотал Бертрам, и его физиономия вновь просияла. — Пошли посмотрим на монашку Андрэ. Кто знает, может, она мне подойдет?

Лорд Харткорт ничего не ответил.

Бертрам решил, что его кузену просто надоело разговаривать на эту тему.

Все утро Гардения взволнованно ждала своей первой встречи с тетей, Она проснулась поздно — по крайней мере гораздо позднее обычного, — поднялась с кровати, прошла к окну и раздвинула тяжелые занавески, впуская в комнату солнечный свет.

И впервые взглянула на утренний Париж — на серую бесконечность разнообразных крыш, на летящих в синем небе голубей и на чарующую магию, разлитую в воздухе.

Действуя под влиянием внезапного порыва, Гардения распахнула окно и с жадностью и наслаждением вдохнула благоухание и свежесть парижского утра.

Страхи, опасения и сомнения, терзавшие ее вчера вечером, неожиданно испарились. Начался новый день, ярко светило солнце, а самое главное, она чувствовала, что уже влюбляется в Париж.

Послышался негромкий стук в дверь.

Гардения схватила со стула свой старенький фланелевый халат, на ходу надела его, приблизилась к двери, открыла замок и осторожно выглянула в коридор.

У порога стояла служанка в белой шапочке, сдвинутой набок. В ее руках блестел серебряный

поднос с кофейником, фарфоровой чашкой на блюдце и тарелкой с круассанами.

— Ваш завтрак, Ma'm'selle, — весело объявила служанка. В ее глазах играли задорные огоньки.

Гардения раскрыла дверь шире. Девушка вошла в комнату и поставила поднос на стол у кровати.

— Экономка велела мне распаковать ваши вещи, Ma'm'selle, — прошептала она— А еще сказала, что сегодня утром вас переселят в другую комнату. Поэтому переключивать вещи в шкаф здесь, наверное, даже не стоит. Так ведь?

— Да, конечно. Не стоит, — ответила Гардения, произнося каждое слово медленно и правильно.

Понять смысл сказанного служанкой было для нее не так-то просто. Одно дело — уметь отлично разговаривать по-французски в Англии, совсем иное — уловить протараторенное девушкой-француженкой, прислуживающей в доме герцогини.

— Да, да, вы правы. — Гардения кивнула. — Пожалуй, сначала я приведу себя в порядок. Потом переберусь в другую комнату. А после распакую вещи. Если вы мне поможете, буду вам весьма признательна.

— Замечательно, Ma'm'selle!

Бросив косой взгляд в сторону гостьи своей хозяйки, служанка удалилась.

Этот дерзкий взгляд привел Гардению в некоторое замешательство.

«Почему все слуги в этом доме настолько странные?» — подумала она, пожимая плечами.

По комнате распространился ароматный запах кофе. Гардения почувствовала, что, несмотря на отменный ужин, съеденный ею вчера, она опять ужасно голодна.

Круассаны оказались восхитительными, хотя масло было весьма необычным на вкус. Совсем не таким, как масло в деревне, в которой прошли ее детство и юность. А вот кофе показался ей божественным.

Выпив две чашечки бодрящего напитка, она окинула критичным взглядом свое дорожное платье. В ярком свете весеннего утра оно выглядело особенно простеньким, поношенным и неприглядным.

Ей предстояло появиться в нем перед герцогиней.

«Первое впечатление при знакомстве с человеком особенно важно», — прозвучал в ее голове голос матери. К глазам подступили горячие слезы, но она поспешно вытерла их рукавом халата.

Это платье было единственным нарядом черного цвета, имевшимся в их доме. Когда-то его носила ее мать.

Остальные вещи, лежавшие в чемодане, не менее старые и потертые, были цветными.

Гардения достала одежную щетку и принялась чистить нижнюю часть своего черного платья. Грязь, прилипшая к его краю, теперь высохла, поэтому с легкостью отстала. А следы,

оставленные на нем временем и длительной ноской, устранить было, естественно, невозможно.

Несколько расстроенная, Гардения поспешно переделалась в платье и принялась с особым старанием укладывать волосы в прическу. А через несколько минут, еще раз внимательно осмотрев свое отражение в зеркале, направилась к выходу, чувствуя себя прескверно.

Она была невысокого роста, слишком худенькой, чтобы считаться модной, выглядела очень молодо и очаровательно, но не сознавала своей красоты. Ее светлые волосы, несмотря на то что она тщательно их приглаживала, у лба все же выбились из прически и завились в милые прозрачные колечки — нежное обрамление ее выразительному небольшому лицу.

Сердце Гардении забилось учащенно, когда она покинула комнату, в которой вчера нашла спасение, и зашагала по коридору, устланному ковровой дорожкой, по направлению к парадной лестнице.

Теперь в доме было тихо и спокойно, и эта тишина после шума и гама вчерашнего веселья казалась оглушающей. В воздухе ясно ощущался запах закончившейся буквально несколько часов назад безумной вечеринки.

Чем ниже спускалась Гардения по лестнице, тем резче становился этот запах. Пахло алкоголем, увядающими цветами, табачным дымом и смесью разнообразных духов.

На втором этаже царил полумрак — светильники в коридоре были погашены, а шторы на окнах — не раздвинуты. Гардения догадалась, что именно здесь все еще отдыхает ее тетя, и, не останавливаясь, прошла вниз, на первый этаж.

Широкая лестничная площадка была обставлена богатой мебелью. А сквозь приоткрытые двери в противоположной стене виднелся кусочек длинного зала.

Наверное, это главная гостиная, решила Гардения, пересекла площадку и остановилась в дверях, приоткрыв от изумления рот.

Таких огромных помещений, как это, она не видела ни разу в жизни. Обстановка зала поражала экстравагантностью.

Шторы на окнах с позолоченными ламбрекенами были сшиты из розовой с золотом парчи. Бело-золотистые стены украшали обтянутые такой же тканью панели и зеркала в резных позолоченных рамах. На великолепной мебели пестрели мозаичные узоры из мраморных пластинок.

Но главным, что привлекло внимание Гардении, были многочисленные столы с обитыми зеленым сукном столешницами. Она сразу поняла, для чего они предназначены, хотя видела подобные столы впервые, — для каких-то настольных игр.

Так вот чем вчера занимались здесь развеселые гости, подумалось ей. Но почему они вели себя настолько шумно?

На полу помимо осколков бокалов и бутылок из-под шампанского валялась еще и огромная опрокинутая ваза с тепличными цветами, а также статуэтка из дрезденского фарфора с наполовину разбитым купидоном. У дальней стены стоял большой стол, накрытый обляпанной скатертью, с пустыми бутылками и грязными бокалами.

Гардения не могла себе представить, что тут творилось.

Она видела возвышение, на котором наверняка располагались вчера музыканты, но не понимала, для чего людям, проматывающим деньги за игорными столами, нужна музыка.

И тут ее осенило: она во Франции. Ей вспомнились рассказы о любителях азартных игр из Монте-Карло и Остенде, о людях, готовых ради своего болезненного увлечения вновь и вновь переплывать через канал. Столкнуться с подобным явлением в Париже, особенно в доме своей родной тети, она никак не ожидала.

Ее мать была яркой противницей азартных игр. Однажды, когда отец собрался поставить перед скачками на какую-то из лошадей, она пришла в ужас и сказала, что категорически против.

Несмотря на то что каждый предмет мебели в зале представлял собой настоящее произведение искусства и что потолок здесь был дивно расписан рукою мастера, отсюда поскорее хотелось уйти. И причиной тому служили отнюдь не разбросанные по полу осколки, а нечто более глубинное, более фундаментальное.

Гардения поспешно вернулась в холл и прошла в ту комнату, в которую вчера ее отнес лорд Харткорт.

Тут ничто не изменилось, лишь занавески были теперь раздвинуты. Поднос с посудой и остатками еды так и стоял на столе, а на подушках сохранялись вмятины от ее головы.

Комната была обставлена богато и со вкусом. Теперь, отдохнувшая и не голодная, Гардения сразу обратила на это внимание. Однако домашнее тепло и уют здесь напрочь отсутствовали. Она не могла облечь свои ощущения в слова, но точно знала, что меньше всего на свете хотела бы жить в подобном месте.

Ее взгляд упал на остановившиеся часы на камине.

«Почему в столь шикарном доме нет людей, которые бы как следует за ним ухаживали? — подумала она удивленно. — Которые наполняли бы чернильницы, когда в них заканчиваются чернила, клали на письменные столы ручки и бумагу, заводили часы, ставили кувшины с водой у кроватей...»

Мать научила ее всему этому с самого детства.

«Следить за тем, чтобы все было в порядке, — женская работа, моя дорогая, — говаривала она. — Мужчины — богатые и бедные, старые и молодые — любят удобство во всем.

Задача женщин — обеспечить им это удобство в доме».

— А ведь я могу помочь тете Лили, — пробормотала Гардения вслух. — Возьму на себя обязанность следить за часами, чернильницами и прочими мелочами... — Она резко замолчала, вспомнив, что тетя вдова.

— Bonjour, Ma'm'selle, — послышался со стороны двери чей-то голос.

Гардения чуть не подпрыгнула от неожиданности. А повернув голову, увидела перед собой очень элегантную молодую особу с заостренными чертами лица. Она была в черном платье и малюсеньком белом переднике из кружева.

— С добрым утром, — пробормотала Гардения несколько смущенно. Пристальный взгляд незнакомки, от которого, как казалось, не ускользнула ни единая деталь ее неприглядной

наружности, приводил в замешательство.

— Я личная служанка ее светлости, — сообщила женщина. — Она уже проснулась и желает вас видеть.

Было в ее тоне нечто такое, что вызвало у Гардении тревогу и страх. Возможно, всему виной служила всего лишь ее собственная чрезмерная чувствительность, но у нее возникло ощущение, что тетя не особенно рада приезду незваной гостьи.

Однако в данный момент ей не следовало углубляться в мрачные мысли, она прекрасно это понимала. Поэтому почтительно кивнула и ответила:

— Встречи с тетей я жду с нетерпением.

Отстраненное выражение на лице личной служанки герцогини ничуть не изменилось.

— Пожалуйста, следуйте за мной, Ma'm'selle, — произнесла она холодно, вышла из комнаты, пересекла холл и зашагала вверх по лестнице.

Гарденция направилась вслед за ней. На душе у нее было беспокойно.

«Наверное, лорд Харткорт неспроста посоветовал мне не появляться перед тетей вчера, — размышляла она. — Представляю, как бы я себя чувствовала в том зале с игорными столами, когда в нем веселилась хмельная толпа».

Они поднялись на второй этаж. Небрежно стукнув во вторую по счету дверь справа, служанка открыла ее и кивком дала Гардении понять, что можно входить.

Шторы на окнах в комнате были раздвинуты всего на дюйм, не больше. Узкие полоски солнечного света, проникавшего внутрь, тускло освещали огромную кровать, украшенную у изголовья раковиной, на треть размещенную в небольшой нише.

— Кто это? Неужели ты, Гарденция? — послышался хриплый негромкий голос.

Неожиданно от растерянности и страха Гардении не осталось и следа.

— Да, тетя Лили! Дорогая моя тетя Лили! — воскликнула она. — Это я, Гарденция. Я приехала вчера вечером. Надеюсь, вы не очень на меня сердитесь. Мне не оставалось ничего другого, абсолютно ничего, кроме как приехать к вам.

Подушки и одеяла зашевелились. Через несколько мгновений из них показалась рука. Подскочив к кровати, Гарденция с благодарностью ее пожала.

— Гарденция, мое дорогое дитя, ничто в жизни не удивляло меня настолько сильно. Когда Ивонн сообщила, что здесь моя племянница, я подумала, она что-то перепутала. Почему же прежде ты не написала мне письмо?

— Я не могла, тетя Лили, — ответила Гарденция. — Видите ли... Мама умерла...

— Умерла?

Герцогиня резко поднялась и села. На ее лице отразился неподдельный ужас, Гарденция ясно это увидела, несмотря на то что было довольно темно.

— Умерла? Твоя мама умерла? О Боже! Я не могу в это поверить! Бедная милая Эмили! Последнее письмо она написала мне после смерти твоего отца. В ее словах было столько удивительной стойкости, столько мужества, столько решимости продолжать жить!

— Она не вынесла этого горя, — сказала Гардения печально. — Не смогла. Ей на долю выпало слишком много испытаний.

— Подожди, подожди, детка! — воскликнула герцогиня.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне все по порядку. О, моя голова! Мне кажется, она вот-вот расколется на две части.

Ивонн! Принеси мои таблетки и раздвинь пошире шторы! Я должна как следует рассмотреть свою племянницу. Я не видела ее много лет!

— Семь лет, не меньше, тетя Лили, — подсказала Гардения. — Но я очень хорошо помню, какой вы были красивой, когда приехали к нам с чудесными гостинцами и подарками — изюмом в коробочках, *pate de foie gras* 13 для папы и кружевным пеньюаром для мамы. Тогда я думала, что к нам в гости пожаловала настоящая сказочная фея!

— Дорогая моя девочка! Ты и впрямь все помнишь! Как мило, — пробормотала герцогиня, похлопывая Гардению по плечу. У нее из груди вырвался сдавленный стон. — Что творится с моей головой! Каждое движение причиняет адскую боль.

Ивонн, поторопись!

Она разговаривала со служанкой по-французски, а с племянницей по-английски. Гардению приводила в восторг та легкость, с которой ей удавалось перестраиваться с одного языка на другой.

Ивонн раздвинула шторы. В комнату хлынул поток утреннего света, озаряя лицо герцогини. Гардения замерла от ошеломления.

Она запомнила свою тетю прелестной блондинкой с яркими чертами лица. Некогда у нее была белая кожа, небесно-голубые глаза, румянец на щеках, алые губы, золотые волосы и потрясающая фигура. Ее называли английской розой.

— Тебе следовало дать другое имя, — галантно сказал ей как-то раз отец Гардении. — Лилия — это бледный, скромный, холодный цветок. Ты же — само тепло и цветение и похожа на *Gloire de Dijon* 14 у нашего крыльца.

— Генри, ты поэт, — ответила тогда тетя Лили, обворожительно улыбаясь.

Женщина, которая полулежала на подушках перед Гарденией сейчас, представляла собой поблекшую тень той английской розы, которая однажды неожиданно нагрянула к ним в деревню на безлошадном экипаже под названием «автомобиль» и вызвала настоящую сенсацию среди местных жителей.

— Я уговорила супруга поехать в Англию для покупки «роллс-ройса», — сообщила она. — Французские автомобили не так высоко ценятся. Я сразу решила, что заодно навещу вас, вот и проделала весь этот путь.

вернуться

паштет из гусиной печени (фр.).

вернуться

Сорт розы с изящными стеблями и цветками квадратной формы с высоким центром.

— Лили, дорогая! — произнесла мама. — Ты не меняешься!

И не подумала известить нас о своем приезде письмом! Появилась неожиданно, как снег на голову! — Мать Гардении рассмеялась.

Сестры поцеловались и крепко обнялись, на мгновение забывая о разделявшей их пропасти — они относились к абсолютно разным социальным кругам. В те далекие дни Гардения еще не совсем понимала, что это означает.

Впоследствии она часто вспоминала свою необыкновенно красивую тетю Лили в маленькой дорожной шляпке с вуалью и пальто поверх элегантного платья.

Теперь же пристально вглядывалась в ее лицо, в утомленные полуприкрытые глаза, пытаюсь отыскать в них следы былой прелести.

Волосы тети Лили все еще отливали золотом, но теперь их цвет не напоминал созревшую пшеницу, а был неестественным, почти кричащим.

Ее кожа приобрела сероватый оттенок и заметно увяла.

Несмотря на множество одеял и подушек, укрывавших большую часть ее тела, Гардения видела, что она изрядно поправилась. Похудела лишь ее шея. В былые времена эта шея напоминала округлый столбик, изготовленный из слоновой кости.

Красивая голова тети Лили сидела на ней когда-то гордо и величественно.

— Гардения, девочка моя, а ты очень повзрослела, — сказала герцогиня.

— Конечно, повзрослела, — ответила Гардения, улыбаясь. — Мне ведь уже двадцать.

— Двадцать! — произнесла тетя на выдохе, закрывая на мгновение глаза. — Ивонн, где же оно? Где мое лекарство? Я уже не в состоянии выносить боль.

— Пожалуйста, ваша светлость, — протараторила служанка, подходя к кровати с небольшим серебряным подносом в руках. На нем стоял стакан с водой и лежала черно-белая картонная коробочка.

— Дай мне две штуки, — попросила герцогиня, протягивая руку к стакану.

— Но, ваша светлость... вы ведь помните, что доктор сказал... — начала было Ивонн.

Герцогиня прервала ее.

— В данный момент нам следует забыть про доктора! — заявила она. — После такой ночи, какая была у меня, я должна предпринять срочные меры, чтобы избавиться от боли. Особенно в подобное утро. Ко мне приехала племянница со столь страшной новостью! Моя бедная сестра умерла! Принеси-ка мне бренди с содовой. Кофе я не хочу. Даже думать о нем не могу, сразу делается тошно.

— Слушаюсь, ваша светлость, — подчеркнуто медленно произнесла Ивонн, красноречиво давая хозяйке понять, что не одобряет ее действий. Но таблетки все же подала.

— И, пожалуйста, поторопись! — добавила герцогиня. — Ждать целый день я не намерена! Бренди мне нужен сейчас же!

— Конечно, ваша светлость, — ответила Ивонн и ринулась к двери.

— Двадцать лет! — воскликнула герцогиня, переводя взгляд на Гардению. — Это просто невозможно! Мне не верится, что ты уже такая взрослая.

— Время движется вперед, тетя Лили, — спокойно сказала Гардения.

Герцогиня прижала руку ко лбу.

— Нет, нет! Эту тему давай оставим. Я и без того чувствую себя ужасно старой. О Господи!

— Вчера вечером я не решилась отвлекать ваше внимание от гостей, — пробормотала Гардения оправдывающимся тоном. — Хотя чувствовала себя весьма неловко, укладываясь спать в вашем доме без вашего ведома.

— Ты поступила очень правильно, детка, — успокоила ее герцогиня. — Вчера я действительно не смогла бы встретить тебя как полагается. К тому же ты вряд ли привезла с собой подходящую для вечеринок одежду.

Гардения вспомнила лорда Харткорта и представила, как он цинично улыбнулся бы, если бы слышал сейчас их разговор.

Она покачала головой.

— Подходящей для вечеринок одежды у меня действительно нет. И потом...

— Да, да, я все понимаю, дорогая. Ты в трауре, — сказала герцогиня. — Но платье, которое на тебе сейчас, очень старомодное. Прости, что я так прямо тебе об этом говорю.

— Оно принадлежало маме, — объяснила Гардения, тяжело вздыхая.

Герцогиня кивнула.

— Вообще-то это не столь важно. Ты ведь не собираешься у меня жить, правильно?

Последовала напряженная пауза. Обе женщины неотрывно смотрели друг на друга.

Гардения собралась с духом и вновь заговорила слегка дрожащим голосом:

— Но, тетя... мне больше некуда ехать... Абсолютно некуда...

Глава третья

Герцогиня выпрямила спину, выпила бренди, принесенное Ивонн, и, вернув ей пустой бокал, поправила подушки.

Теперь ее лицо выглядело лучше, а взгляд прояснился.

Наверное, таблетки и алкоголь уже начали оказывать на ее измученный безудержным весельем организм свое спасительное воздействие.

— Мне кажется, ты должна все рассказать по порядку. Что произошло?

Гардения, заметно побледневшая и сильно растерявшаяся, сцепила пальцы рук в замок, чтобы они не дрожали, и начала говорить, изо всех сил пытаясь сохранять внешнее спокойствие.

— С тех пор как умер папа, мы жили в страшной бедности.

Я не раз советовала маме написать вам письмо и рассказать о нашей нужде, но она не желала вас беспокоить.

Герцогиня покачала головой.

— Я об этом ничего не знала! Какой кошмар! А ведь у меня все есть. Все эти годы я прожила в достатке и богатстве. — Она прижала ладони к глазам. — Прости меня, девочка моя! Мне безумно стыдно.

— Я не хотела вас расстраивать, честное слово. До гибели папы мы жили вполне достойно, — сказала Гардения. — Он был гордым человеком, очень гордым.

Герцогиня тихо застонала.

— Я знаю, детка. Он жутко не любил, когда я дарила твоей маме дорогие подарки. Хотел сам обеспечить ее всем, в чем она нуждалась.

— Верно, — тихо подтвердила Гардения. — Но после его смерти нам требовались не подарки, а еда.

Герцогиня шумно вздохнула.

— А ведь я никогда не задумывалась об этом, — призналась она. — Когда твоя мама написала мне о гибели Генри, я решила, что теперь смогу беспрепятственно помогать ей. Но посчитала, что должна немного подождать. А потом... Потом это вылетело из моей головы, Гардения... Я очень виновата...

— Когда папа умер, на нас висело множество долгов, — продолжила рассказывать Гардения. — Следовало оплатить услуги врача, медсестер, рассчитаться с аптекарем и торговцами продуктами — на протяжении нескольких месяцев перед смертью папа мог есть лишь очень немного. Мы распродали все ценное, что имели, — серебро, мебель. Конечно, денег выручили мало, собственно и продавать-то было особенно нечего.

— Какой позор, — прошептала герцогиня. — Как же я могла быть такой бессердечной?

— Вы ведь ничего не знали, — пробормотала Гардения. — А мама ни за что не соглашалась написать вам о наших бедах.

— Если бы вы хотя бы намекнули мне...

— Нам было не к кому обращаться за помощью, — сказала Гардения. — Семья папы, как вы, наверное, помните, отеклась от него, как только он женился на маме. С того дня, когда состоялась их свадьба, ни один из родственников не желал его больше знать.

— Неудивительно, — прохрипела герцогиня. — Родня твоего папы смертельно на него разозлилась. Я читала некоторые из писем, написанных ему родителями. С их точки зрения бросить невесту за два дня до свадьбы из-за того, что влюбился в кого-то другого, — настоящее преступление.

— Мама рассказывала мне историю их встречи, — печально вымолвила Гардения. — Она поняла, что папа — ее единственный герой, как только увидела его. А когда они познакомились, весь ее мир перевернулся. Им доставляло неземное блаженство просто находиться рядом, просто смотреть друг другу в глаза...

— О подобном мечтает каждая женщина, — сказала герцогиня с тоской в голосе.

— У них не было другого выбора, — с чувством произнесла Гардения. — Им оставалось только убежать вдвоем. Папе через два дня следовало жениться на дочери лорда Мельчестера.

Маму никогда бы не приняли в его семье, ведь она с точки зрения родовитых богачей была никем.

— Не говори так, — поспешно возразила герцогиня. — Твой дед отнюдь не принадлежал к низшим классам общества. В молодости был капитаном, служил в легкой кавалерии. Мы жили в сельской местности, не хуже других семей в Херфордшире. Много денег, конечно, не имели, но и не нищенствовали.

— Простите, — сказала Гардения с улыбкой. — Я не хотела вас обидеть. Но согласитесь: с точки зрения общественности брак мамы и папы считался мезальянсом. Хотя папа и не являлся наследником, был вторым сыном у своих родителей.

Герцогиня презрительно прищурила глаза и сердито произнесла:

— Твой дед, сэр Густас Уидон, был высокомерным, напыщенным старым снобом. Он жаждал заставить твоего отца страдать. Лишь потому что тот женился на любимой женщине.

Лишил его денег и всяческой поддержки, распустил о нем грязные слухи в надежде, что от него откажутся даже друзья.

— Не думаю, что папа из-за этого сильно переживал. — Гардения пожала плечами. — Он был настолько счастлив с мамой, что все остальное его просто не интересовало. — Она тяжело вздохнула. — В последние месяцы их совместной жизни нередко случалось такое, что на время они забывали даже обо мне — просто молча смотрели друг на друга и как будто переносились в какие-то другие миры.

— В некотором смысле я завидовала Эмили, — призналась герцогиня. — Меня любили многие мужчины, мне предлагали богатства, положение в обществе и драгоценности. Но сама я ни к одному из своих поклонников не испытала ничего такого, что испытывала по отношению к твоему отцу она.

— Если вы говорите такие слова, значит, непременно все поймете правильно. — Глаза Гардении взволнованно заблестели. — Мама умерла, потому что ее сердце было навеки разбито. Звучит сентиментально, но это так. После смерти папы она потеряла всякий интерес к

жизни. Целыми днями просиживала у окна, глядя в сад. Я знала, что все ее мысли о нем. Ей даже хотелось умереть, чтобы вновь повстречаться с папой.

Однажды, когда в доме было страшно холодно, а уголь кончился, она сильно заболела. Я видела по отрешенному выражению ее лица, что у нее нет ни малейшего желания выздороветь. Я пыталась разговаривать с ней о будущем, строить планы, но она меня не слушала, все время думала о папе. Наверное, ее не интересовала уже даже моя судьба...

Герцогиня вытерла выступившие слезы.

— И как же закончилась эта печальная история любви? — спросила она.

— Мама умерла в прошлую субботу, — пробормотала Гардения дрожащим голосом. — Весь день она пролежала без сознания. А потом вдруг открыла глаза и улыбнулась. Не мне и не врачу. А папе. Такие ее улыбки предназначались только папе.

С минуту она молчала, борясь с нахлынувшими на нее эмоциями. А успокоившись, продолжила:

— Буквально через два дня после смерти мамы мне пришло письмо от фирмы-владелицы закладной на наш дом. В нем сообщалось, что я должна срочно выехать. В этой конторе работают скверные люди. Всегда изводили нас и запугивали, если мы задерживали оплату хотя бы на день. Денег у меня не было. В том числе и на то, чтобы расплатиться с соседями, дававшими нам в долг еду и другие необходимые вещи...

— Я верну все ваши долги, — твердо сказала герцогиня. — Все до одного.

Гардения радостно вскрикнула:

— Я так надеялась на то, что вы это сделаете! Наши бывшие соседи — удивительные люди. Присылали маме цветы, пока она болела, покупали ей лекарства, приносили особую пищу, которой кормят больных. Все старались помочь ей подняться на ноги.

— Я сегодня же вышлю деньги им всем. Мой секретарь выпишет чеки, — пообещала герцогиня. — О, девочка! Как же все печально! Если бы я только знала! А почему ты сама не написала мне письмо?

— Я не решилась бы, — ответила Гардения. — Ведь до сегодняшнего дня мы виделись с вами всего дважды. В первый раз — когда я только родилась. Кстати, меня назвали Гарденией не без вашего участия, так ведь?

— Да, да, все верно. — Герцогиня кивнула. — Через несколько дней после твоего рождения я приехала к Эмили с огромной корзиной гардений — купила их в цветочном магазине в Лондоне. Увидев мой подарок, твоя мама рассмеялась и сказала: «Это в твоём духе, дорогая. Очень надеюсь, что моя девочка будет такой же красивой, как ты. И, пожалуй, назову ее Гардения».

— Мама не раз рассказывала мне о вашем презенте, — сказала Гардения. — И всегда при этом смеялась. В тот период они с папой ломали головы над тем, где раздобыть деньги на оплату услуг врачей и покупку всего необходимого для меня.

Поэтому ваш подарок был потрясающе неуместным, экстравагантным и роскошным.

— В том-то все и дело! — с сокрушенным видом произнесла герцогиня. — В тот момент я даже не поняла, что поступила нелепо! Потому что уже привыкла к богатству. Все, чего бы я ни пожелала, с легкостью ложилось к моим ногам, и я совсем позабыла о том, что такое нужда. Я была старше твоей мамы, поэтому к тому времени, когда она повзрослела, уже жила с мужем в Париже. Это чудовищно, но мне никогда не приходило в голову, что мы живем как будто в разных мирах. А ведь я любила Эмили, по-настоящему любила!

— Не терзайте себя, — успокаивающим тоном произнесла Гардения. — Мама никогда и не считала, что вы обязаны ей помогать, и тоже искренне вас любила. Она постоянно рассказывала мне, что вы были очень красивой. Настолько красивой, что, когда вы вместе приходили в церковь, все прихожане поворачивали в вашу сторону головы, а мужчины, певшие в хоре, смотрели не в книжки с гимнами, а на вас.

— В меня влюбился даже викарий, представляешь? — Герцогиня рассмеялась. — Он постоянно приходил к нам на чай и краснел до корней волос, как только я с ним заговаривала. А меня это жутко забавляло. Тогда я только начинала понимать, что имею власть над мужчинами. О, дорогая моя! Сколько же лет прошло с тех давних пор!

По ее губам скользнула мечтательная улыбка. Она немного помолчала и продолжила:

— В твоём возрасте я уже была замужем. Хотела уехать из дома. И потом, Хьюго Рейнбард казался мне очень привлекательным. Я его не любила, но восхищалась им. Отец пытался отговорить меня от этого замужества, но я ничего не желала слушать. Да и какая девушка на моем месте поступила бы иначе? Все, что я видела дома, так это деревенскую скуку и викария, а Рейнбард предлагал мне Париж!

— Мама говорила, что в подвенечном платье вы выглядели просто ангельски, — сказала Гардения. — Она постоянно о вас рассказывала, и я с нетерпением ждала момента встречи с вами.

Когда вы приехали к нам в июне 1902 года — видите, как точно я помню дату, — я убедилась, что, описывая вас, мама несколько не преувеличивала. Вы были самой красивой из всех известных мне женщин.

Герцогиня довольно заулыбалась, потом резко вскинула руки и приложила их к лицу.

— Ты говоришь о событиях семилетней давности! А что теперь? Только взгляни на меня! Я постарела, у меня появились морщины. Даже не трудись со мной спорить. Зеркала мне не лгут... Моя красота, Гардения, осталась в прошлом. Но я стараюсь и буду продолжать стараться ее вернуть. Говорят, что в Венгрии изобрели новый метод...

Она резко замолчала, воодушевление мгновенно исчезло с ее лица.

— Только в данный момент не время разговаривать об этом.

Сейчас нам следует обсудить твою ситуацию. Ты поступила абсолютно правильно, приехав ко мне, детка. К кому еще ты смогла бы обратиться за помощью? Не страшно было отправляться в дорогу одной?

Гардения пожала плечами.

— В любом случае сопровождать меня теперь некому, — ответила она печально. — Конечно, было бы правильнее предупредить вас заранее о своем приезде, но для нашего дома уже нашли

покупателя и меня торопили с выселением. Я распродала соседям остатки мебели, часть вырученных денег потратила на раздачу долгов, а то, что осталось, взяла с собой.

Телеграмму не смогла бы вам дать, это слишком дорого.

— Итак, ты приехала вчера вечером, — произнесла герцогиня. — Я на самом деле не поверила Ивонн, когда она сообщила мне, что ты здесь.

Гардения робко кивнула.

— Конечно. Я заявила так неожиданно. Глупая, я даже не подумала о том, что у вас может быть вечеринка. Решила, что приеду и сразу вам обо всем расскажу... И вы меня поймете...

— Я понимаю, все понимаю, девочка, — сказала герцогиня. — Поэтому считаю, что нам стоит немедленно обсудить, как тебе быть. Остаться здесь ты не можешь.

— Даже ненадолго? — Гардения испуганно моргнула. — Я, естественно, как можно быстрее займусь поисками работы, я думала над этим всю дорогу. Только вот не знаю, что я смогу делать. Для того чтобы быть гувернанткой, у меня не хватает знаний. Я ведь получила весьма скромное образование. Я владею французским — на том, чтобы я им занималась, настояла мама. А еще играю на фортепиано и немного умею рисовать. Арифметика всегда давалась мне с трудом, равно как и письмо.

— Быть гувернанткой — это просто кошмар. — Герцогиня скривила губы. — Ты не должна этим заниматься. Ты ведь моя племянница.

Гардения вздохнула.

— Что же вы мне посоветуете? Может, стать чьей-нибудь компаньонкой?

— Что ты! — Герцогиня фыркнула:

— Быть сопровождающей какой-то другой женщины? О, это убийственно!

— Но что мне остается? — спросила Гардения, беспомощно хлопая ресницами.

— Выйти замуж, моя девочка. Вот что! — провозгласила герцогиня.

Щеки Гардении покрылись легким румянцем.

— Естественно, я надеюсь, как надеются все девушки, — пробормотала она смущенно, — что однажды влюблюсь в какого-нибудь мужчину. Хотя в последнее время я и думать не могла о знакомствах и развлечениях... Сначала болел папа, потом он умер. Вскоре слегла и мама...

— Да, да, мы должны выдать тебя замуж, — сказала герцогиня твердо. — Надо только решить, каким образом это лучше устроить.

— Можно мне пожить у вас хотя бы немного? — дрожащим от волнения голосом спросила Гардения. — Вот увидите, я не доставлю больших хлопот. И смогу помочь вам ухаживать за домом. Ведь я умею шить и...

Повелительным жестом герцогиня прервала ее.

— Девочка моя, у меня десятки слуг. За моим домом следят они, понимаешь? А тебя мне

следует выдать замуж. Надо подобрать тебе хорошего мужа. А для начала...

Ее лицо сделалось озадаченным, и она замолчала. А выдержав паузу, продолжила:

— О, дорогая моя! Даже не знаю, что нам делать! У меня на примете нет ни одной дамы, которая смогла бы стать для тебя компаньонкой. Ни одной!

— Я не понимаю... — Гардения покачала головой.

— Разумеется, — ответила герцогиня. — Ты и не можешь ничего понять. Потому что не знаешь о существовании некоторых проблем. Только не подумай, что я не хочу оставлять тебя в своем доме. Но все довольно сложно...

— Если вы боитесь, что я не подхожу для ваших вечеринок, то я просто не буду их посещать, — сказала Гардения. — Вчера вечером я слышала, что у вас ужасно весело. И не пошла вас разыскивать. А знаете почему? Лорд Харткорт настоятельно посоветовал мне не делать этого.

— Лорд Харткорт! — воскликнула герцогиня. — Значит, ты его уже видела?

— Да, — ответила Гардения. — Вчера я встретила с ними в холле — с ним и еще с одним молодым человеком, графом Андрэ де... Не помню его фамилии. — Она решила не рассказывать тете о нахальной выходке графа.

— Наверное, это был Андрэ де Гренэль. Ты сообщила им, что приходишься мне племянницей? — поинтересовалась герцогиня.

— Только лорду Харткورتу, — сказала Гардения. — Мне не следовало этого делать?

— Нет-нет, почему же! Ты поступила правильно. И какова была его реакция? Он удивился?

— Гм... — промычала Гардения. — Видите ли, мы разговаривали с ним при довольно необычных обстоятельствах... Находясь еще в холле, я потеряла сознание. Наверное, очень устала в дороге, а еще проголодалась. Лорд Харткорт отнес меня в одну из комнат на первом этаже.

— Как мило с его стороны! — Герцогиня удивленно вскинула бровь. — А ведь подобные поступки для него не характерны. Обычно этот человек держится очень высокомерно. Когда он приходит ко мне на вечеринки, у меня возникает ощущение, что я недостойна его общества.

— Что вы, тетя. Наверняка лорд Харткорт относится к вам совсем не так, как вы думаете, — сказала Гардения, кривя душой.

— Значит, лорд Харткорт тебя видел, — медленно произнесла герцогиня. — И Андрэ тоже... Это все усложняет.

— Но почему? — изумленно спросила Гардения.

Герцогиня махнула рукой.

— Все равно сейчас тебе будет трудно это понять, моя девочка. Что ж, попытаемся что-нибудь придумать. — Она серьезно посмотрела Гардению в глаза. — Поступим так: ты останешься у меня, но пообещаешь, что будешь выполнять все, что я тебе ни скажу. Если я посчитаю, что тебе пора спать, ты отправишься в постель. Если решу, что тебе не стоит общаться с определенными людьми, ты не станешь мне перечить. Договорились?

— Конечно, — ответила Гардения. — Я ужасно рада, что вы позволяете мне остаться.

— В данный момент я не могу поступить иначе, — протянула герцогиня и улыбнулась. — Хорошо, что ты поживешь со мной, детка. И хорошо, что, несмотря на свою молодость, ты не настолько красива, чтобы затмить меня полностью.

— Красива? — Гардения запрокинула голову и рассмеялась. — Папа говорил, что мне никогда не достичь того великолепия, которое предполагает мое имя. По его мнению, я сравнима со скромной садовой розочкой, с маргариткой, но отнюдь не с экзотической гарденией.

— Тем не менее у тебя немало шансов, — внимательно разглядывая племянницу, заметила герцогиня. — Мы займемся тобой и посмотрим, что из этого получится. Во-первых, полностью изменим твою прическу. А во-вторых, переоденем тебя в другой наряд. Это платье безбожно старомодно.

— Да, — согласилась Гардения.

— А еще тебе не следует носить черное, — сказала герцогиня. — Это выглядит чересчур мрачно и отнюдь не привлекательно для мужчин. От черного мы откажемся. Ты должна выглядеть так, как подобает выглядеть моей племяннице и, поскольку у меня нет детей, моей наследнице.

Гардения испуганно покачала головой.

— Тетя Лили! Подобные мысли мне даже в голову не приходили.

— Только не думай, что это огромное счастье, — пробормотала герцогиня несколько усталым тоном. — Я богата, но не рассчитывай, что только из-за этого вокруг тебя сразу образуется толпа подходящих кандидатур для роли мужа.

— Наверняка, будучи герцогиней, вы играете важную роль в жизни парижского высшего общества, — произнесла Гардения с благоговением.

Герцогиня повернула голову и посмотрела на нее так, будто собралась о чем-то заговорить. Но в следующее мгновение передумала.

— Мы побеседуем обо всем позднее, — сказала она. — В данный момент нам необходимо заняться твоей внешностью.

Пока ты в таком виде, я не смогу тебя познакомить даже с месье Бортом.

Она дернула за веревку колокольчика и через несколько секунд дверь открылась, и в комнату вошла служанка.

— Ивонн, — обратилась к ней герцогиня, — моя племянница, мадемуазель Гардения, останется у меня. Ей нужны новое платье, новая прическа и все остальные необходимые вещи.

Сейчас я приведу себя в порядок, и мы с ней направимся к мсье Ворту. Но в таком виде она не может никуда идти, ты ведь понимаешь.

— Конечно, мадам! Прекрасно понимаю! — воскликнула служанка.

— Очень хорошо, Ивонн. Подыщи что-нибудь подходящее для мадемуазель Гардени. Может, что-нибудь из моих старых платьев, в которые теперь я уже не вмещаюсь. А потом я куплю ей

другие наряды.

— Спасибо вам, тетя Лили! — поблагодарила герцогиню Гардения. — И за желание меня нарядить, и за позволение остаться. Если бы вы только знали, как я счастлива! Когда умерла мама, мне показалось, что наступил конец света. Теперь у меня есть вы, и все изменилось.

— Теперь у тебя есть я, — повторила герцогиня как-то странно и подалась вперед, подставляя Гардению щеку для поцелуя. — Да благословит тебя Господь, девочка. Будем надеяться, что все как-нибудь устроится.

— Я обещаю во всем вас слушаться, во всем, — сказала Гардения.

Герцогиня грустно улыбнулась и повернулась к служанке, — Ивонн, отведи мадемуазель к мсье Груазу. Передай ему, что я прошу его выслать деньги тем людям, имена которых назовет мадемуазель Гардения.

— Хорошо, ваша светлость, — сдержанно ответила Ивонн и, даже не глянув на Гардению, зашагала к двери.

Гардения сделала несколько шагов, направляясь вслед за ней, но приостановилась и повернула голову.

— Еще раз спасибо, тетя Лили. Огромное спасибо. Я страшно боялась, что вы меня не примите.

— Беги, детка, — ответила герцогиня мягко. — И ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо.

Как только дверь за Гарденией закрылась, она вновь упала на подушки, закрыла глаза и тихо простионала:

— Бедное дитя. Как я смогу ей все объяснить? Вообще-то рано или поздно она сама узнает правду...

Гардения тем временем в приподнятом настроении шла по лестнице за Ивонн.

Они спустились в холл.

Еще вчера вечером она сидела здесь на своем потертom чемодане, чувствуя себя несчастнейшей из людей. Теперь же ее душа ликовала, и было не страшно думать о завтрашнем дне.

Повсюду суетились люди, целая армия людей в рабочей одежде. Они чистили ковры на лестнице, удаляя с них пятна от напитков и еды, драили полы в холле и в главной гостиной.

Проходя мимо большого ведра с мусором, Гардения заметила в нем хрустальные осколки.

«Наверное, кто-то умудрился разбить вчера даже люстру, — подумала она. — И зачем тетя Лили устраивает столь безумные вечеринки? Для чего ей это нужно? Ах да! Я опять забыла, что нахожусь во Франции. Французы в отличие от нас, сдержанных англичан, обожают веселье».

Ивонн подвела Гардению к комнате, расположенной напротив той, в которую вчера ее отнес лорд Харткорт, постучала в дверь и вошла вовнутрь.

Гардения проследовала за ней.

В комнате за письменным столом, заваленным бумагами, сидел седоволосый мужчина средних лет. По всей вероятности, это и был мсье Груаз.

Ивонн передала ему распоряжения герцогини и представила ее племянницу. Она говорила настолько быстро, что Гардения уловила лишь некоторые слова.

Мсье Груаз поднялся из-за стола, приветливо улыбнулся и протянул Гардении руку.

— *Enchante de faire votre 15, Ma'm'selle*, — сказал он.

А продолжил по-английски:

— Ивонн сообщила, что я должен кое-что для вас сделать.

— Да, да, — пробормотала Гардения. — Оплатить несколько счетов. — Сильно смущаясь и волнуясь, она достала из кармана лист бумаги. — Боюсь, их довольно много...

— Напротив! Довольно мало! — воскликнул мсье Груаз, взяв у нее список. — Вы уверены, что никого не забыли?

Гардения кивнула.

— Уверена. — Она нервно сглотнула. — Но... Если вдруг я вспомню о ком-то еще... Можно мне прийти к вам позднее?

— Безусловно, *Ma'm'selle*, — ответил мсье Груаз. — Я к вашим услугам. А этим людям отправлю деньги уже сегодня. — Он кивнул на список. — По почте. Они смогут получить их в ближайшем почтовом отделении.

— Очень мило с вашей стороны, — произнесла Гардения, с облегчением вздыхая. — Я вам бесконечно признательна. — Не стоит благодарить меня, *Ma'm'selle*, — пробасил мсье Груаз, сияя. — Быть вам полезным — для меня честь.

— Спасибо, — сказала Гардения.

Ивонн ждала ее у двери. Когда они обе вернулись в холл, она рукой указала на лестницу.

— А теперь пойдете опять наверх, *Ma'm'selle*.

В это самое мгновение лакей у парадного хода распахнул двери, и Гардения услышала знакомый голос:

— Если ее светлость дома, пожалуйста, передайте ей, что лорд Харткорт и мистер Бертрам Каннингхэм хотели бы ее видеть.

— В этот час для посетителей ее светлости дома нет, — ответил лакей по-французски.

Гардения повернула голову и увидела переступающего порог лорда Харткорта. Теперь ей не оставалось ничего другого, как подойти к нему и поздороваться. К ее лицу прилила краска.

— Здравствуйте, лорд Харткорт, — произнесла она, приблизившись к выходу. — Вчера вечером вы мне очень помогли. Благодарю вас.

— Надеюсь, что сегодня вы чувствуете себя лучше, — ответил лорд Харткорт, приподнимая

цилиндр. — Наверное, поездка изрядно вас утомила.

— Верно, в дороге я сильно устала, — призналась Гардения.

— Неудивительно, — прозвучал чей-то голос сбоку, и Гардения повернула голову.

Рядом с лордом Харткортом стоял высокий, очень элегантный темноволосый молодой человек с небольшими темными усиками и ослепительной улыбкой.

Губы Гардении тоже расплылись в улыбке.

— Позвольте представить вам моего кузена, Бертрама Каннингхэма, — сказал лорд Харткорт. — Вашего имени я, к сожалению, так и не узнал вчера. Мы познакомились при весьма необычных обстоятельствах.

— Меня зовут Гардения Уидон, — сообщила Гардения.

Бертрам Каннингхэм пожал ей руку.

— Я рад, что в Париже вас встретил именно англичанин, — произнес он. — Кузен рассказал мне о вашем вчерашнем появлении в этом доме в столь поздний и столь шумный час.

Наверное, не зная Парижа, не очень приятно приезжать сюда впервые, да еще и одной! Это я решил, что нам следует прийти сюда сегодня утром и убедиться, что с вами все в порядке.

Судя по вашему виду, это действительно так.

— Да, я чувствую себя хорошо, — сказала Гардения.

— Вот и прекрасно! — провозгласил Бертрам.

Только сейчас заметив, что он до сих пор держит ее руку в своей руке, Гардения поспешно убрала ее.

— Мы хотели бы пригласить вас на прогулку. Уверен, это пошло бы вам на пользу. — Бертрам опять очаровательно улыбнулся, повернул голову и кивнул во двор. Двери были раскрыты.

Гардения проследила за его взглядом. На дороге перед домом стоял элегантный черно-желтый экипаж, запряженный черными красавцами-лошадьми.

— Какая прелесть! — невольно сорвалось с губ Гардении. — Лошадки просто потрясающие!

— Они — моя гордость! — с радостью сообщил Бертрам. — Но, если хотите, мы можем прокатиться и на автомобиле.

— Нет, нет, — ответила Гардения. — Я без ума от лошадей.

Только сегодня я не смогу отправиться с вами на прогулку.

Мы с тетей собираемся... — Она чуть было не посвятила гостей в те планы, что они наметили с герцогиней на сегодня, но вовремя осеклась. — Мы собираемся кое-куда съездить.

— Вы уже виделись с ее светлостью? — поинтересовался лорд Харткорт.

Гардении тут же вспомнился их вчерашний разговор.

— Да, мы уже виделись, — ответила она сухо. — Тетя очень обрадовалась моему приезду. Я остаюсь у нее.

Ей показалось, что, услышав ее последние слова, лорд Харткорт изменился в лице. Она понимала, что это абсурдно, но ясно видела, что в его глазах отражается разочарование.

— Что ж, я рад за вас обеих, — ответил он каким-то скучающим тоном и повернулся к кузену. — Раз мисс Уидон сегодня занята, Берти, нам придется отправляться на прогулку вдвоем.

— Надеюсь, очень скоро мы снова увидимся, мисс Уидон, — сказал Бертрам, глядя Гардении в глаза. — Если герцогиня пригласит меня на завтрашнюю вечеринку, то я обязательно приду, чего бы мне это ни стоило.

— Буду рада вновь с вами встретиться, — ответила Гардения. — До свидания.

Лорд Харткорт не вымолвил ни слова. Гардении почудилось, что в нем появилась какая-то странная агрессия. Он приподнял край цилиндра, резко вышел и решительно зашагал вниз по ступеням.

Бертрам Каннингхэм направился вслед за ним, но посередине лестницы приостановился и повернул голову.

— Вы уверены, что не можете поехать с нами? — спросил он с надеждой в голосе. — Я хотел бы одним из первых показать вам Париж.

— Сегодня я действительно занята, — сказала Гардения. — И даже если бы это было не так, без разрешения тети я никуда бы не поехала.

— А завтра? Можно, я заеду за вами завтра? В это же время. Уверен, ее светлость ничего не будет иметь против. Пообещайте, что не откажете мне?

— Я ничего не могу вам обещать, — ответила Гардения, несколько сбита с толку настойчивостью своего нового знакомого.

— Тогда хотя бы подумайте над моим предложением! — Бертрам Каннингхэм сбежал вниз по лестнице, сел в экипаж и взял в руки поводья. А отъехав на некоторое расстояние, повернул голову и помахал Гардении рукой.

Лорд Харткорт ни разу не оглянулся.

— Крайне неприятный человек этот лорд Харткорт, — пробормотала Гардения. — И явно меня невлюбил.

Она пошла за Ивонн вверх по лестнице, размышляя о том, что должна поговорить с тетей о приглашении Бертрама Каннингхэма. Естественно, если бы она была в Англии, то ни за что не отправилась бы на прогулку с малознакомым молодым человеком без компаньонки. Но во Франции все было по-другому. Тем более в Париже — городе свободы и веселья.

вернуться

Рад с вами познакомиться (фр.).

Наверное, здесь не придерживались столь строгих правил.

В противном случае Бертрам Каннингхэм не стал бы так настойчиво ее приглашать.

Конечно, сидеть наедине с мужчиной в закрытой машине не очень прилично, подумала она. Совсем другое дело — в открытом экипаже.

Ей вспомнились многочисленные истории о том, как разные мерзавцы заманивают девушку в машину, увозят неизвестно куда и, если та отказывается вступать с ними в близость, выкидывают посреди дороги.

Бертрам Каннингхэм совсем не похож на негодяя, решила Гардения. Он веселый и галантный и вряд ли позволил бы себе какие-то вольности.

Ей вдруг нестерпимо захотелось оказаться в обществе своих ровесников, подобных этому молодому человеку. Смеяться с ними, радоваться жизни и не ломать голову над тем, как вернуть кому-то долг или где раздобыть еду.

Ивонн провела ее по коридору на втором этаже мимо спальни тети и, остановившись у одной из дальних комнат, открыла дверь.

В этой комнате было просторно и светло. Большое единственное окно выходило в сад. Вдоль стен стояло множество шкафов.

— Это гардеробная ее светлости, — сообщила Ивонн и принялась открывать одну за другой дверцы шкафов. У Гардении разбежались глаза. Такого огромного количества платьев она не видела никогда в жизни.

— Очаровательное создание эта крошка! — воскликнул Бертрам, когда они проезжали мимо Триумфальной арки. — Никогда бы не подумал, что у знаменитой Лили такая племянница.

Лорд Харткорт хмыкнул.

— Ты ведь сам рассказал мне, что семья у Лили была вполне порядочной.

— По крайней мере так говорил мой отец, — ответил Бертрам. — Как ты считаешь, что ожидает эту девочку в будущем?

Лорд Харткорт пожал плечами.

— По всей вероятности, мисс Уидон действительно намеревается остаться у Лили. А она довольно упряма, я это понял еще вчера.

— Упрямая? — переспросил Бертрам. — Эта маленькая английская пташка? Ну не знаю. У меня создалось такое впечатление, что она только что упала из гнезда. И что совсем еще не знает жизни.

— Полагаю, герцогиня научит ее всему, чему следует, — иронично заметил лорд Харткорт.

— И приоденет, — добавил Бертрам. — Тогда малышка Гардения станет весьма

привлекательной. — Он помолчал. — А вообще вся эта история довольно странная. К Лили приезжает племянница с невинным как у ангела лицом и остается в ее доме... Я не удивлюсь, если предположение Андрэ окажется правдой. Возможно, Лили задумала выкинуть очередной фокус.

Все это слишком подозрительно. И чертовски занимательно!

— Может, поговорим о чем-нибудь другом? — спросил лорд Харткорт скучающим тоном.

— Ты не исправим, Вейн! — проворчал Бертрам. — Не видишь забавного ни в чем! А мне было бы очень интересно покатать эту малышку по Парижу. Я до смерти устал от блистательных красоток «Максима». Только представь себе: на прошлой неделе Джеффри подарил Иветте браслет с бриллиантами, а она вернула его ему, потому что нашла камни недостаточно крупными.

— Но Джеффри может позволить себе купить все что угодно, — невозмутимо заметил лорд Харткорт. — Мог бы подарить своей Иветте то, что ей нравится.

— Конечно, но речь не об этом! Только подумай, насколько безгранична неблагодарность женщин! — воскликнул Бертрам. — Они вечно чем-нибудь недовольны. Вспомни Мари, с которой я некоторое время встречался. Эта красавица вечно ныла: то ей подали несвежую икру, то налили шампанского, отдающего пробкой, то усадили на неудобное место, то подарили орхидеи не того цвета, какого ей хотелось! Она меня замучила, поэтому я и порвал с ней. Теперь за ней ухаживает Освальд! Несчастный! Ему можно только посочувствовать. — Он вздохнул. — Я прекрасно понимаю, что девочки стоят денег. В конце концов, их даже приятно тратить на ублажение этих прелестных созданий. Но хотелось бы получать в ответ хоть немного признательности.

— Бедный Берти, — ответил лорд Харткорт. — Я и не думал, что за свои старания от женщин ты не получаешь ничего.

— Эй, не смей надо мной смеяться! — с шутливым возмущением вскрикнул Бертрам. — И не считай меня скуперджем.

Мне просто никогда не везет. Я увлекаюсь женщинами слишком быстро и так же быстро разочаровываюсь в них. У тебя все по-другому. Выбирать подруг у тебя талант. Чего стоит, например, твоя Анриэтта!

Лорд Харткорт промолчал.

Тогда Бертрам добавил:

— Может, я слишком много болтаю, Вейн, но иногда очень нужно открыть кому-нибудь душу. Лучше всего родственнику, понимаешь?

— Родственнику? — Лорд Харткорт выдержал паузу. — Наверное, ты прав. Что ж, дам тебе такой совет, мой дорогой кузен: если ты нашел интересной эту английскую пташку, как ты ее называешь, попробуй за ней поухлестывать. Может, она и стоит того, несмотря на все мои дурные предчувствия.

Глава четвертая

Гардения влетела в комнату герцогини.

— Тетя Лили, ничего не выйдет! — взволнованно сообщила она, но тут же замерла на месте и ахнула. — Какая вы красивая!

В платье из нежно-голубого шифона с букетиком шелковых розочек, приколотых бриллиантовой брошью к груди, и во внушительных размеров шляпе герцогиня стояла спиной к окну и в самом деле выглядела почти так же восхитительно, как тогда, когда семь лет назад приезжала к родственникам в Англию.

— Спасибо, детка, — сказала она, явно польщенная комплиментом племянницы.

— Ваше платье великолепно, — восторженно пробормотала Гардения. — А шляпа! Шляпа «Веселая вдова»! Подобные я много раз видела в газетах, но никогда не думала, что на даме они смотрятся настолько эффектно.

— Как ты назвала эту шляпу? «Веселая вдова»? — Губы герцогини искривились в улыбке. Она повернулась к зеркалу и еще раз взглянула на свой потрясающий головной убор.

— У нас в деревне все только об этом и болтают! — сообщила Гардения. — О платьях «Веселая вдова», о шляпах и локонах «Веселая вдова». Мы с мамой умирали со смеху, просматривая газеты и журналы с изображением таких шляп. Все представляли, как бы мы в них смотрелись. Нам казалось, это было бы довольно комичное зрелище. — Она сложила ладони вместе, поднимая их к груди, словно собиралась помолиться. — Но на вас эта вещь смотрится просто восхитительно. Очень красиво и нарядно!

Герцогиня с довольным видом повернулась к двум служанкам, по-видимому, помогавшим ей наводить красоту. Сейчас обе девушки усердно занимались уборкой: подбирали с пола оберточную бумагу, шпильки для волос, раскладывали по местам щипцы для завивки, кремы и лосьоны в цветных тюбиках.

— Мадемуазель говорит, что ей нравится мой вид, — перевела им герцогиня, медленно крутясь перед зеркалом.

Только сейчас Гардения заметила, как преобразилось ее лицо. Теперь оно было не землистого цвета, как утром, а молочно-розового.

Какие, оказывается, чудеса можно сотворить, если имеешь кремы и румяна, подумала она изумленно.

— Итак, я готова! — объявила герцогиня, проводя рукой по обвивавшим ее шею и скрывавшим явные признаки старения многочисленным рядам жемчуга и бриллиантов.

— Но... Тетя Лили... — растерянно произнесла Гардения. — Мы не смогли подобрать для меня ничего подходящего. Я и пришла к вам для того, чтобы сказать об этом. Все ваши платья мне ужасно понравились. И их так много! Я никогда в жизни не видела столько красивых вещей! К сожалению, мне все они слишком велики. Ивонн говорит, ей потребуется несколько часов, если не несколько дней, на то, чтобы перешить для меня хотя бы одно из них...

— Верно, ваша светлость, — подтвердила с порога Ивонн. — Ma'm'selle перемерила все, что есть в ваших шкафах. Ей ничего не подошло. — Она развела руками.

Герцогиня нахмурила брови и еще раз внимательно осмотрела племянницу.

— Но в этом платье ты не можешь идти куда бы то ни было, — сказала она категорично. — Даже Ивонн в выходные дни одевается приличнее.

— Тогда мне вообще не следует покидать дом, — несчастным тоном пробормотала Гардения.

— Ну уж нет! — возразила герцогиня. — Сшить для тебя одежду — это главное, что нам нужно сделать. Без нее обо всем остальном не может быть и речи. О! У меня появилась идея! Несмотря на то что на улице тепло, я накину соболиную шубку. Весной погода всегда обманчива.

Гардения недоуменно захлопала глазами, не понимая, к чему тетя клонит.

— У тебя есть какое-нибудь другое платье, пусть даже летнее, только не мрачного цвета? — спросила герцогиня.

Гардения кивнула.

— Есть. Из розовой кисеи. Я сама его сшила. — Она смущенно пожала плечами. — Наверное, оно не очень элегантно... Этот фасон я увидела в одном из журналов мод...

— Великолепно. — Герцогиня одобрительно кивнула. — Ступай и надень его.

Гардения колебалась.

— Но... Ведь это платье не траурное, тетя Лили...

— И хорошо, — ответила герцогиня жестко. — Я ведь уже сказала тебе, что о мрачных тонах ты должна позабыть. Моим парижским друзьям не интересно, в трауре ты или нет.

— Хорошо, тетя Лили, — покорно произнесла Гардения. — Я надену свое розовое платье.

Ивонн проводила ее в комнату, куда уже перенесли ее вещи.

Служанка с веселыми глазами как раз распаковывала их.

Розовое платье из тюля было измятым. Тем не менее оно выглядело гораздо лучше, чем черное, в котором Гардения приехала.

Она переоделась и подошла к зеркалу. И сильно смутилась, представив, что рядом с разнаряженной в шифон, жемчуга и бриллианты тетей будет смотреться более чем скромно.

Как замечательно, когда у тебя есть много красивой одежды и драгоценностей, подумала она. И тут же вспомнила мать, старательно штопающую их старые платья. Денег на новые у них не было.

Поблагодарив служанку, которую, как выяснилось, звали Жанна, она вышла из комнаты и поспешно вернулась в спальню герцогини.

Та сидела у зеркала и наносила на ресницы еще один слой туши.

Гардения уставилась на нее в растерянности. Она всегда считала, что в дневное время косметикой могут пользоваться лишь актрисы, выступающие на сцене. И твердо знала, что мать не одобрила бы поведения сестры.

Герцогиня положила на столик щеточку для туши и повернула голову.

— О Боже! — воскликнула она. — Сразу видно, что платье самодельное!

Гардения густо покраснела.

— Но если бы я не сшила его, у меня вообще не было бы нового платья, — ответила она.

— Прости меня, девочка! — Герцогиня лучезарно улыбнулась. — Я вовсе не хотела обижать тебя. Просто подумала, что я чудовищно невнимательна. Чего мне стоило отправить вам с мамой несколько коробок со своими старыми платьями? Я ведь не знаю, куда их девать.

На щеках Гардении появились ямочки.

Герцогиня сдвинула брови.

— Ты смеешься надо мной? Но почему?

— Я подумала о том, как нелепо мы с мамой выглядели бы, если бы стали разгуливать по деревне в ваших нарядах, — ответила Гардения. — Увидев маму в бальном платье, папа тут же упал бы в обморок!

Герцогиня рассмеялась. Она прекрасно помнила небольшой дом, в котором жила ее сестра с мужем и дочерью. Помнила и их деревеньку, утопавшую в зелени, и серую церквушку на ее окраине.

— Ты права, — сказала она. — Мои платья смотрелись бы в вашем селении просто смешно.

— Только не подумайте, что мы вам завидовали, — выпалила Гардения. — Мама очень радовалась, что вы имеете возможность роскошно одеваться. Ей нравилось представлять, как вы красуетесь на балах, затмевая своей прелестью всех других дам. Она часто разговаривала со мной о вас, а я пыталась представить, в чем вы ходите на вечеринки, на дипломатические обеды. — По ее губам скользнула улыбка. — Сейчас, когда я увидела ваши платья, поняла, что представляла их совсем не правильно.

— Скоро и у тебя будет множество нарядов, — заявила герцогиня. — Ивонн, подай-ка мадемуазель вон ту шляпу и принеси ей накидку из шиншиллового меха.

Ивонн торопливо сняла с крючка шляпу, очень похожую на шляпу герцогини, но более скромную, водрузила ее на голову Гардении и прикрепила к волосам двумя огромными зажимами, осыпанными мельчайшими бриллиантами.

Гардения чувствовала, что головной убор ей великоват, но была настолько ошеломлена, что не вымолвила ни слова и даже не взглянула на себя в зеркало. Буквально через минуту Ивонн надела ей на плечи длинную шиншилловую накидку.

— Нет, нет! Тетя Лили, я не могу в этом пойти, — запротестовала она.

— Почему же, девочка моя? — удивилась герцогиня. — Конечно, для мехов сезон сейчас не самый подходящий, но на людей они произведут должное впечатление, поверь мне. Эту накидку мне подарил один друг. Разве она тебе не нравится?

— Ужасно нравится, — задыхаясь от волнения, произнесла Гардения. Блестящий серый мех был настолько мягким на ощупь, что казался шелковым. — Наверняка такая вещица стоит

целое состояние! Я не привыкла носить дорогую одежду, тетя Лили!

— Чепуха! — ответила герцогиня. — Ты должна заявить о себе с самого начала. Пусть эта накидка тебе поможет! Я еще ни разу ее не надевала. Ждала какого-нибудь особого момента.

Вот он и настал! Пойдем, детка!

Сконфуженная и растерянная Гардения последовала за тетей, решительно и грациозно устремившейся к лестнице. Ей казалось, все, что происходит, — это не реальность, а какой-то невиданный сон.

Во дворе их уже ждал автомобиль. Они уселись на заднее сиденье и постелили на колени коврики из собольего меха.

Рядом с водителем сел лакей в бордовой униформе. Загудел мотор, машина тронулась с места и выехала из ворот с колоннами на дорогу.

— Завтра мы поедem с тобой в Буа, — сказала герцогиня. — Посмотришь, как великолепен Париж весной. Сегодня на прогулку у нас не будет времени. Надо решить вопрос с твоими нарядами.

Произнося эти слова, она помахала рукой вышагивавшим под сенью деревьев Елисейских полей мужчинам. Те, завидев ее, снимали с голов цилиндры.

— Это мои друзья, — пояснила герцогиня. — Увы, ритмы нашей жизни все убыстряются. Несколько лет назад я могла ездить по парижским улицам исключительно в экипаже. Тогда, встречая знакомых, я сразу останавливалась и беседовала с каждым из них. Теперь же мы проносимся мимо друзей, сидя в металлической коробке, и времени на разговоры больше не находим.

Глаза Гардении горели.

— Но ездить на машине так интересно!

— В этом мало романтики, — сказала герцогиня. — Но по крайней мере не приходится беспокоиться о лошадях. Мой покойный муж всегда нервничал из-за того, что я, подолгу собираясь, заставляю лошадей ждать. Автомобиль может стоять под окнами часами, за него переживать не приходится.

— Но многие люди до сих пор предпочитают ездить в запряженных лошаадьми экипажах, — заметила Гардения, выглядывая в окно.

— Это все еще в моде среди представителей парижской аристократии, — ответила герцогиня. — Вот щеголи и разъезжают в своих экипажах.

— Кстати! — воскликнула Гардения. — Совсем забыла вам рассказать! Сегодня утром приходил лорд Харткорт. С кузеном. По-моему, его имя Бертрам Каннингхэм. Мистер Каннингхэм пригласил меня на прогулку завтра утром. Сказал, что заедет за мной в то же время. Я ответила, что должна спросить у вас разрешения.

Лицо герцогини напряглось.

— Он пригласил тебя одну?

— Насколько я поняла, да... — пробормотала Гардения. — В Англии подобное недопустимо, но во Франции... Я подумала что здешние порядки могут отличаться от наших...

— Ты уверена, что он пригласил тебя одну? — повторила свой вопрос герцогиня. В ее тоне было нечто такое, что насторожило и даже напугало Гардению.

— Во всяком случае, я поняла его именно так, — ответила она, гадая, что происходит. — Может, предполагается, что лорд Харткорт тоже будет присутствовать. Не знаю...

— Черт возьми! — прошипела герцогиня. — Эти двое только зря теряют время.

Гардения не знала, что делать.

— Простите меня, — тихо сказала она. — Наверное, я должна была вести себя совсем по-другому. Я прекрасно знаю, что в Англии на подобную прогулку я могла бы поехать только с компаньонкой.

— Завтра я сама дам ответ мистеру Каннингхэму, — сердито заявила герцогиня.

— Конечно, тетя Лили, — поспешно проговорила Гардения и притихла.

Она чувствовала, что сотворила нечто ужасное, хотя не понимала, что именно.

К счастью, вскоре автомобиль остановился у величественного здания, совершенно не похожего на магазин. Лакей услужливо убрал собольи коврик с колен герцогини, они с Гарденией вышли на улицу и зашагали вверх по лестнице, покрытой синей ковровой дорожкой.

Холл здания поражал роскошеством.

По-видимому, это и есть салон мсье Ворта, подумала Гардения, когда их проводили в огромный зал, обставленный диванами в стиле Луи XIV и стульями, обитыми серовато-белым атласом.

Спустя некоторое время перед ними предстал сам блистательный мсье Ворт в жилете с замысловатой вышивкой.

— Мадам, вы выглядите очаровательно, — сказал он герцогине и поцеловал ей руку. — Как всегда, на вас мое произведение смотрится по-особому великолепно. Вы впервые надели сегодня это платье?

— Нет, во второй раз, — обворожительно улыбаясь, ответила герцогиня. — Могу вас заверить, когда я появилась в нем в обществе впервые, на меня устремились взгляды всех присутствовавших. В глазах женщин я явно видела зависть, в глазах мужчин — восхищение.

Мсье Ворт довольно рассмеялся.

— Это моя племянница. — Герцогиня кивнула на Гардению. — Я привезла ее к вам в надежде, что вы поможете мне преобразить ее внешний вид. Сними накидку, Гардения.

Гардения покорно повиновалась.

Стоя в своем дешевом самодельном платье в роскошном салоне под пристальным взглядом мсье Ворта, она чувствовала себя настолько беззащитной и невзрачной, что была готова провалиться сквозь землю.

— Мисс Уидон приехала из Англии вчера вечером. Совершенно неожиданно. Ее отец и мать скончались, — рассказала герцогиня. — Она — моя ближайшая родственница и моя наследница. Отныне мы будем жить вместе. Надеюсь, вы понимаете, как ей следует выглядеть? Вы сможете нарядить ее должным образом?

Мсье Ворт смотрел не на простенькое платье Гардении, а на ее лицо. Причем настолько внимательно, что ей казалось, от его внимания не ускользает ни малейшая деталь ее внешности, Она чувствовала себя дискомфортно в слишком большой, слишком нарядной шляпе.

— Не могли бы вы снять шляпу, Ma'm'selle? — попросил мсье Ворт.

Гардения расстегнула огромные зажимы с бриллиантами и сняла головной убор. Ее волосы, растрепавшиеся во время примерки платьев в гардеробной герцогини, спадали упрямыми колечками на лоб и на шею.

— Вы ведь понимаете, что в таком виде ей нельзя появляться в обществе, — пробормотала герцогиня.

— Она очень молода, — задумчиво произнес мсье Ворт, обращаясь как будто к самому себе. — А как вы желаете нарядить ее, мадам? — Он повернулся к герцогине. — В вашем стиле? Или же так, чтобы в ней сохранились ее отличительные черты — неопытность, неискушенность?

Когда мсье Ворт разговаривал с герцогиней, в его низком спокойном голосе появлялся какой-то особый оттенок, Гардения это отчетливо слышала. У нее возникло такое чувство, что между ним и ее тетей в прошлом существовала какая-то связь.

Какая именно — она не могла понять.

На протяжении минуты герцогиня смотрела прямо в глаза кутюрье. Потом медленно заговорила:

— Я сказала своей племяннице, что нам следует найти для нее подходящего жениха. Жизнь бедной девочки была не сладкой: сначала ей приходилось быть сиделкой для больного отца, потом — для матери. Надеюсь, мсье Ворт, вам потребуется не слишком много времени на подготовку ее приданого.

— Не беспокойтесь, мадам! — воскликнул мсье Ворт воодушевленно. — За эту работу я возьмусь с удовольствием.

Гардения поняла, что в словах герцогини этот человек услышал исчерпывающий ответ на свой вопрос. Теперь ему было ясно, как действовать.

Он щелкнул пальцами, и в дверях тут же появился его помощник.

— Принесите мне тафту, тюль и белое кружево! — скомандовал кутюрье.

Спустя пару минут в зал внесли несколько рулонов изысканной материи. Мсье Ворт спокойно сел на диван и продолжил осматривать Гардению изучающим взглядом. От неловкости и стеснения она не знала, куда девать руки.

Никогда в жизни ей не доводилось стоять перед сидящим мужчиной, который так откровенно рассматривал бы ее.

Через три часа необходимость обзавестись приличной одеждой уже казалась ей отвратительной. Она продолжала стоять, то поднимая, то опуская руки, а помощники мсье Ворта прикладывали к ней ткани, закалывали их булавками, снимали с нее мерки, делали выкройки.

За все это время никто ни разу не поинтересовался, что она думает по поводу того или иного материала, того или иного фасона. Высказывал свое мнение только мсье Ворт, постоянно обращаясь к герцогине. А та со всем соглашалась.

Было задумано сшить так много платьев, что Гардения сбилась со счета. Когда речь зашла об аксессуарах, ее опять ни о чем не спросили. Шляпы выбирал тоже мсье Ворт.

Прошел еще час, и Гардения почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Ее ноги отяжелели от усталости, а желудок сводило от голода.

К счастью, в этот момент герцогиня взглянула на часы с бриллиантами, прикрепленные к браслету.

— Уже четыре, — сказала она. — Время выпить чаю. Я пообещала одной подруге, что заеду за ней. Вам еще нужна мисс Уидон, мсье Ворт?

— Одно из платьев уже должно быть готово! — объявил он и сделал знак рукой своим помощникам, терпеливо стоявшим у дверей.

— Неужели за столь короткий промежуток времени можно сшить платье? — изумленно спросила Гардения.

— Вообще-то это весьма сложно, — ответил мсье Ворт. — Подобные заказы я выполняю только для ее светлости. — Он улыбнулся герцогине. — Остальным дамам, которые просят сшить платье для «сегодняшнего вечера», приходится вежливо отказывать.

В зал вошла женщина с платьем на вешалке.

— Сшить подобную вещь всего за четыре часа! Просто не верится! — Гардения покачала головой.

Мсье Ворт негромко рассмеялся.

— Открою вам свой секрет. В данном случае нам пришлось прибегнуть к небольшой хитрости. Это платье было уже почти готово. Но дама, заказавшая его, собирается приехать за ним только через две недели. За это время мы сошьем ей другое платье, естественно, изменив некоторые детали. Двух одинаковых моделей я никогда не создаю.

— Спасибо! Спасибо вам! — вскрикнула Гардения, когда ее нарядили в новое платье.

Еще несколько дней назад ни о чем подобном ей даже не мечталось.

Платье было шито из бледно-зеленого крепа и отделано тесьмой и драпированным шифоном. Гардения в нем выглядела воздушной, легкой и свежей, как сама весна. К нему подобрали зеленую соломенную шляпку, украшенную светло-желтыми цветами, — довольно простую, очень подходящую для юного, нежного создания, какой была Гардения.

Герцогиня оглядела сияющую от радости племянницу в полном изумлении.

— Молодость! — произнесла вдруг она с отчетливо звучащими нотками боли в голосе. — Вот что не в состоянии создать даже вы, мсье Ворт!

Кутюрье взглянул в ее наполненные отчаянием сильно накрашенные тушью глаза и мгновенно все понял.

— Французы, ваша светлость, — сказал он, многозначительно понизив голос, — обожают опытность. А она приходит только с годами.

Герцогиня улыбнулась.

— Вы прирожденный дипломат, мсье Ворт, — сказала она и взяла со спинки дивана свою соболью шубку. — Гардения, полагаю, на сегодня мы сделали предостаточно покупок. Завтра приобретем для тебя перчатки, сумочки, туфли и все остальное. Я жутко устала. Нам пора уходить. Мсье Ворт, мы на вас рассчитываем.

Она грациозно поднялась на ноги и протянула кутюрье руку.

Тот с готовностью поцеловал ее.

— Итак, к семи вечера нам принесут еще одно платье, вечернее. Ведь так мы с вами договорились? — спросила герцогиня сладким голосом.

— Да, мадам, — ответил мсье Ворт. — А завтра будет готов и ваш наряд.

— Ах да! Моя завтрашняя вечеринка! — Герцогиня всплеснула руками.

— Для Ma'm'selle изготавим что-нибудь в том же стиле — «девушка на выданье», — поспешно добавил кутюрье.

— Спасибо! — Лицо герцогини расплылось в чарующей улыбке. — Это как раз то, что нам нужно.

Они направились к выходу.

Мсье Ворт шел рядом с герцогиней. А Гардения следовала за ними, заглядывая в каждое встречающееся по пути зеркало и не веря, что отражающееся во всех них прелестное создание с тонкой талией — это она.

У парадного Гардения и кутюрье остановились.

— Спасибо вам, мсье Ворт, — повторила Гардения, захлебываясь от радости. — Не могу подобрать подходящих слов, чтобы высказать, как я вам признательна!

Кутюрье благосклонно улыбнулся.

— И не надо, — ответил он. — Просто оставайтесь самой собой и носите мои платья с удовольствием.

Его слова показались Гардении несколько странными. Она удивленно расширила глаза.

— Париж имеет свойство портить людей, — пояснил мсье Ворт. — Постарайтесь, чтобы с вами не произошло ничего подобного. И запомните: одежды, какими бы красивыми и дорогими они ни были, — это всего лишь оболочка. Я занимаюсь только ею. Изменить человека внутренне

мне не дано.

Гардения почувствовала, что он говорит ей все эти вещи неспроста. Герцогиня ничего не слышала, она уже приближалась к машине.

— Я запомню то, что вы мне сказали, мсье Ворт, — ответила Гардения серьезно. — Еще раз спасибо за все.

— Да благословит вас Господь, — пробормотал кутюрье едва слышно, когда его юная клиентка уже спускалась по лестнице.

По непонятным Гардении причинам последние слова мсье Борта оказали на нее довольно сильное воздействие. Она шла к автомобилю, в котором уже восседала герцогиня, и почему-то больше не испытывала счастья, а чувствовала себя подавленно. Она думала о будущем, и ее терзали странные предчувствия.

«Вероятно, жить с тетей и беспрекословно выполнять ее требования будет не так уж и весело, не так уж легко, — думала она. — А эти дикие вечеринки? Разве я когда-нибудь смогу получить от подобных развлечений удовольствие?»

Герцогиня сидела с закрытыми глазами, откинувшись на подушки, когда Гардения села в машину рядом с ней.

— Ни к какой подруге я не собираюсь. Но не прибеги я к этой маленькой лжи, нам еще долго было бы не отделаться от Жана Ворты, — устало вымолвила она. — Он считает, будто весь мир вертится вокруг его салона. Доля истины в этом, конечно, есть, но заказывать одежду всегда утомительно.

— Он так быстро придумал, во что меня нарядить, — пробормотала Гардения с восхищением.

— О да! Этот человек обожает все новое — новые лица, новые вечеринки, новые задумки, — объяснила герцогиня. — А теперь, Гардения, расправь плечи и, когда мы будем проезжать мимо Елисейских полей, внимательно смотри на людей.

Я хочу, чтобы тебя все увидели. В этот час здесь прогуливаются очень многие.

Она взяла небольшой рупор, прикрепленный к стенке, и велела шоферу ехать на максимально маленькой скорости.

По всей вероятности, тот привык к подобным приказам.

Они приблизились к тротуару и поехали так медленно, что некоторые из пешеходов могли их обогнать.

Герцогиня опустила оконное стекло.

На лавочках тут и там сидели дамы в летних платьях и кружевных накидках. Рядом с ними стояли, непринужденно о чем-то беседуя, мужчины в брюках с отутюженными стрелками, сюртуках, белых рубашках и коротких сатиновых галстуках, украшенных булавками с драгоценными камнями.

Гардения видела, с каким интересом все эти люди смотрят на герцогиню. Кое-кто даже делал ей знаки руками, приглашая присоединиться к их компании.

— Им любопытно знать, кто ты такая, — прокомментировала ситуацию Лили де Мабийон. — Новое лицо в Париже — это всегда событие. Но я не намерена удовлетворять их любопытство сейчас. Пусть придут завтра ко мне на вечеринку, тогда и познакомятся с тобой.

— Вы устраиваете вечеринки каждый день? — поинтересовалась Гардения.

— Не каждый день, — ответила герцогиня. — В начале недели люди часто куда-нибудь уезжают. Поэтому по понедельникам и вторникам для гостей меня не бывает дома. А вот по средам, четвергам и субботам я рада принять всех своих друзей.

— А чем вы планируете заняться сегодня вечером?

— Сегодня я устраиваю ужин для узкого круга знакомых. А потом мы вместе с ними отправимся в «Максим». Ты, моя девочка, естественно, никуда не поедешь. Девушкам нечего делать в подобных местах.

— Как жаль! — воскликнула Гардения. — Я слышала об этом «Максиме». Говорят, там очень весело. В «Веселой вдове» об этом заведении упоминается в песне.

— Полагаю, даже в «Веселой вдове» ясно дают понять, что это заведение не для молоденьких девушек!

— Саму оперетту я не видела, — сказала Гардения. — Но ноты песен из нее печатали в газетах. Мама играла их мне.

Помните, какой замечательной пианисткой она была?

Герцогиня кивнула.

— Ты тоже умеешь играть?

— Да, но не так хорошо, как мама, — призналась Гардения. — Если хотите, я поиграю вам когда-нибудь.

— Когда-нибудь поиграешь. Только не в присутствии посторонних, — несколько пренебрежительно произнесла герцогиня. — В Париже в отличие от Англии не в моде любительские концерты после ужина.

— Я и не осмелилась бы играть для ваших друзей, — сказала Гардения. — Только для вас. Мама всегда любила мою игру, это ее успокаивало. Папу тоже.

— Когда-нибудь ты сыграешь и мне.

По небрежному тону герцогини Гардения отчетливо поняла, что у нее нет ни малейшего желания тратить время на подобные глупости.

— А кто придет сегодня к вам на ужин? — полюбопытствовала она.

— Увидишь, — уклончиво ответила герцогиня. — Я устала и после чая прилягу. В это время я всегда стараюсь отдохнуть. Кстати! Ты ведь осталась сегодня без ленча! О Боже! Я ужасно невнимательная. Прости меня, девочка моя. Видишь ли, сама я не ем днем, потому что в последнее время стала набирать вес. Мсье Ворт уже сделал мне по этому поводу выговор. А тебе худеть совсем ни к чему. Ты и так тоненькая.

Я отдам распоряжение слугам, чтобы тебе обязательно подавали ленч.

— Не переживайте, тетя Лили, — успокоила герцогиню Гардения. — Я не привыкла много есть. От чая сейчас бы не отказалась, если...

— Конечно, конечно! Сейчас мы будем пить чай! — провозгласила герцогиня. И, выйдя при помощи лакея из остановившейся у дома машины, стремительно поднялась по ступеням, вошла в холл и заявила дворецкому, что желает пить чай в будуаре. — Кстати! Мадемуазель Гардения осталась сегодня без завтрака! — крикнула она ему. — Не понимаю, почему никому в этом доме не пришло в голову покормить ее перед нашим уходом! Впредь чтобы подобное больше не повторялось!

Дворецкий залепетал слова извинения, но герцогиня уже не слушала его. Она решительными шагами поднялась по лестнице, влетела в свою спальню, а из нее сквозь другую дверь в противоположной стене прошла в будуар. Гардения проследовала за ней.

О существовании дамских будуаров она знала лишь понаслышке. Теперь же находилась в одном из них и с интересом рассматривала его обстановку. Эта комната изобиловала купидонами. Красивые мальчики с луками взирали на нее отовсюду: вышитые — с занавесок, вырезанные из дерева — с ламбрекенов, нарисованные — с великолепных картин.

— Здесь просто потрясающе! — Гардения прижала руки к груди и взглянула на тетю.

Та ее не слышала. Она уже сидела за секретером из светлого дерева, отделанным золотом, и писала какое-то письмо.

Не желая ее тревожить, Гардения присела на край парчового дивана и с удовлетворением проследила, как один из лакеев внес в будуар и поставил на стол массивный серебряный поднос. На подносе стояли два серебряных чайника, кувшинчики с молоком и сливками, а также блюда с крошечными бутербродами треугольной формы — с медом, джемом, *pate de foie gras* и спаржей, разнообразное печенье, графин с мадерой, фрукты, а также французские пирожные с кремом и орехами.

Без позволения тети Гардения не смела притрагиваться к еде, но так хотела есть, а сладости выглядели настолько аппетитными, что ей стоило немалых усилий сдерживать себя.

Неторопливо дописав письмо, герцогиня скрепила его маленькой печатью, хранившейся в небольшой золотой коробочке, осыпанной драгоценными камнями, и, дернув за шнурок колокольчика, вызвала лакея.

Тот явился незамедлительно.

— Отнесите это в английское посольство, — велела она.

Слуга протянул руку в белоснежной перчатке и взял письмо, склоняя голову в парике.

— Будет выполнено, ваша светлость.

— И поезжайте туда немедленно, — добавила герцогиня. — Это дело не терпит отлагательств.

— Слушаюсь, ваша светлость, — ответил лакей и неслышно удалился из будуара.

Гардения сразу же догадалась, кому письмо.

— Вы написали мистеру Каннингхэму, верно? — спросила она несколько обеспокоенно.

Герцогиня кивнула.

— Я же сказала, что сама отвечу на предложение, которое он тебе сделал, — произнесла она серьезно. — И запомни, пожалуйста: впредь не принимай никаких решений, предварительно не поговорив со мной. Это крайне важно, понимаешь?

— Да, тетя Лили, — сказала Гардения. — Но я не думаю, что мистер Каннингхэм имел в виду что-то скверное, когда приглашал меня сегодня.

— Ты так считаешь? — Герцогиня повела бровью.

— Да, — ответила Гардения растерянно.

— Давай приступим к чаю. Что ты обычно добавляешь в него?

Сахар? Сливки? Бери все, что здесь есть, и не стесняйся. — Герцогиня обвела взглядом поднос с яствами и улыбнулась. — Если бы ты только знала, чего мне стоило добиться от поваров подавать мне все, что полагается подавать к пятичасовому английскому чаепитию! А теперь, когда они наконец-то научились все делать правильно, я не могу позволять себе есть выпечку. От нее сильно полнеют!

Едва Гардения допила первую чашку чая, герцогиня отправила ее отдыхать.

Спать не хотелось и усталости она не чувствовала, поэтому время для послеобеденного сна Гардения посвятила разглядыванию своего отражения в зеркале.

В ее голове вновь и вновь звучали последние слова мсье Борта.

«Какие цели он преследовал, говоря мне все эти странные вещи? — размышляла она. — Неужели Париж настолько порочен, что способен испортить кого угодно, в том числе и меня?

И как это может произойти, если тетя контролирует каждый мой шаг?»

Она расстроилась, что не получила позволения герцогини ехать на прогулку с мистером Каннингхэмом. Это было бы чудесно: сидеть на высоком сиденье его черно-желтого экипажа, слушать стук копыт красавцев-лошадей и наслаждаться быстрой ездой.

Ей вспомнилось, что он пообещал прийти на вечеринку герцогини, и на душе стало веселее. «

«А сегодня, — подумала она, — и мистер Каннингхэм, и лорд Харткорт наверняка тоже пойдут в „Максим“. Как жаль, что мне не позволено там появляться».

Она тихонько запела песню из «Веселой вдовы» и вспомнила, что в маленькой комнатке, примыкавшей к главной гостиной, сегодня утром видела рояль. Ей ужасно захотелось поиграть.

Тетя спала. Окна из ее спальни выходили на другую сторону, поэтому, если бы кто-нибудь негромко заиграл на рояле в главной гостиной, она ничего не услышала бы.

Гардения осторожно открыла дверь своей спальни, выглянула в коридор и прислушалась. В коридоре было очень тихо.

Ступая мягко и бесшумно, она прошла к лестнице, спустилась на первый этаж и вошла в гостиную.

Теперь в ней все сияло чистотой. Ничто не напоминало о том беспорядке, который царил здесь утром. Игорные столы унесли, полы устлали коврами, мебель расставили по местам.

На встроенных в стены столах в больших вазах благоухали свежие цветы. Вечернее солнце заливало пространство золотым сиянием и придавало обстановке атмосферу тепла и уюта.

— Наверное, все не так страшно, как мне показалось утром, — пробормотала Гардения и прошла к роялю, край которого виднелся из небольшой смежной с гостиной комнаты.

Инструмент был открыт, и, опустившись на обитую гобеленом табуретку, она с радостью коснулась пальцами клавиш из слоновой кости.

Рояль оказался отличным. Гардения тихо заиграла вальс Шопена.

Родители всегда получали истинное наслаждение, слушая ее игру.

«Может, однажды и тетя поймет, как успокаивает человека музыка, — размышляла она. — Тогда я буду дарить ей это удовольствие вновь и вновь в знак благодарности за ее невиданную доброту, за все, что она сделала для меня, — за позволение остаться в этом огромном доме, за новые одежды, за возможность жить и радоваться».

— Как же мне повезло! — воскликнула она вслух, заиграла мелодию из «Веселой вдовы» и тихонько запела песню:

— Я иду в «Максим»...

— А я, если позволите, буду вас сопровождать. Кем бы вы ни были, — послышался из-за ее спины незнакомый мужской голос.

Она развернулась на табуретке так резко, словно ее облили кипятком.

Перед ней стоял высокий широкоплечий мужчина. Даже если бы она не слышала, как он разговаривает, сразу поняла бы по его внешнему виду, какой национальности этот человек.

По резким чертам его лица, походившего по форме на топор» по коротко остриженным волосам и даже по тому, как он смотрел на нее сквозь стекла очков. Его толстые губы искривляла улыбка. Гардения сразу почувствовала, что этот человек ей крайне неприятен.

— Кто вы? — спросил мужчина по-французски грудным голосом.

— Гардения Уидон, — ответила Гардения, поднимаясь с табуретки. — Племянница герцогини де Мабийон.

— Племянница Лили? Вы шутите! — воскликнул незнакомец по-английски.

— Я не шучу, — спокойно сказала Гардения. — Могу я узнать ваше имя?

— Барон фон Кнезебех к вашим услугам. — Барон щелкнул каблуками и неожиданно взял руку Гардении и поцеловал ее. — Очень приятно познакомиться с вами. Ваша тетя не говорила мне, что к ней пожаловала очаровательная племянница.

— Я приехала без предупреждения. Так получилось, — пояснила Гардения.

— Вы намерены остаться здесь? — полюбопытствовал барон.

— Да.

— Как замечательно! Наверняка ваша тетя очень рада.

Гардения многозначительно посмотрела на свою руку, все еще находившуюся в ручище барона, и попыталась высвободить ее. Но он не дал ей такой возможности, крепче сжав пальцы.

— Мы с вами должны подружиться. Я давно знаю вашу тетю, знаю очень, очень хорошо. Надеюсь, и вы станете моим добрым, близким другом. — Он еще раз поцеловал руку Гардении, которую та сразу отдернула.

В его глазах вспыхнули огоньки, а на губах появилась омерзительная ухмылка.

— Тетя сейчас отдыхает, — сказала Гардения. — Сообщить ей о вашем приходе?

Барон рассмеялся.

— Не стоит беспокоиться, моя маленькая Гардения. Я сам поднимусь к ее светлости. Наверняка вы будете ужинать вместе с нами. Увидимся позднее.

Он вновь щелкнул каблуками. Вовсе не из уважения к Гардении — она это ясно почувствовала, — а по привычке. И с самодовольным видом вышел из гостиной.

Гардения смотрела ему вслед в полном недоумении.

«Отвратительный тип, — думала она. — Именно такими мне представляются отрицательные герои, описанные в книгах. Но это близкий друг тети Лили, и я обязана относиться к нему с почтением. А он и впрямь очень близкий ее друг, в противном случае не осмелился бы пойти к ней в спальню...»

Глава пятая

Анриэтта Дюпре приложила изумрудное ожерелье к своей изящной белой шее.

— Сколько вы хотите за него? — спросила она подчеркнуто холодным тоном — таким, каким всегда разговаривала с продавцами и слугами.

— Это ожерелье стоит десять тысяч франков, — ответил ювелир. — Но вам, Ma'm'selle, я готов продать его за семь с половиной.

— Немыслимо! — воскликнула Анриэтта, швыряя ожерелье на туалетный столик и поднимаясь с низкой табуретки.

Ее гибкое молодое тело под полупрозрачной тканью платья смотрелось восхитительно.

— Цена ему пять тысяч франков, не более! — заявила она.

Ювелир развел руками и покачал головой.

— На это я пойти не могу, Ma'm'selle. Семь с половиной тысяч — вполне подходящая цена для этого ожерелья. В прошлый раз я и так продал вам браслет почти за бесценок, надеюсь, вы помните?

— Ваша жадность не знает границ, мсье Фабиан! — выпалила Анриэтта. — Вы богатый человек. Сколотили целое состояние на продаже драгоценностей. Но даже не задумываетесь о том, что должны быть благодарны таким, как я, людям, давшим вам возможность заполучить столько денежек! — Она высокомерно вскинула голову. — Лорд Харткорт — далеко не бедняк, мсье Фабиан. А в Париже есть множество других известных ювелиров, которые с радостью подберут для меня более красивое ожерелье, чем ваше, и возьмут за него столько денег, сколько следует.

Мсье Фабиан, невысокий седой человек, внимательно посмотрел Анриэтте Дюпре в глаза.

Он привык продавать свой товар дамам *demi-monde* 16 и знал, как никто другой, характерную примету этих особ — когда речь заходила о деньгах, они становились неслышанно скупыми.

Он почувствовал вдруг, что ужасно устал скандалить по поводу каждой сотни франков во время заключения той или иной сделки.

Продавать драгоценности представителям настоящей аристократии было куда приятнее. Например, герцогине Марлборо, которая вчера купила у него понравившееся ей кольцо с бриллиантом, даже не подумав торговаться. Конечно, не следовало сравнивать ее, американку, с Анриэттой Дюпре.

— Итак, как я уже сказал, Ma'm'selle, я готов продать вам это ожерелье за семь с половиной тысяч франков, — спокойно произнес мсье Фабиан. — Ювелиру тоже нужны деньги, вы ведь понимаете.

— Мсье Фабиан, вам совсем ни к чему ссориться со мной, — процедила Анриэтта сквозь зубы. — Я уверена в том, что мои условия вполне приемлемы для вас. Если вы с ними не согласитесь, я буду вынуждена пойти к мсье Люсезу.

Мсье Фабиан улыбнулся и с невозмутимым видом положил ожерелье в коробочку из красной кожи, отделанную бархатом.

— Мсье Люсез — мой кузен, Ma'm'selle. В данный момент он тоже переживает не лучшие времена и не может позволить себе продавать товар по слишком низким ценам. Даже самым постоянным из своих покупателей. Открою вам один секрет: мы заключили взаимное соглашение, согласно которому не имеем права делать клиентам большую скидку, чем та, какую я вам предлагаю.

С губ Анриэтты сорвалось смачное ругательство. Так выражались обитатели трущоб, а именно там она родилась и выросла.

— Хороший же вы торговец, мсье Фабиан! Оставьте ожерелье! Я попробую побеседовать с лордом Харткортом. Посмотрим, что он скажет по поводу вашей цены! — прокричала она.

— Очень хорошо, Ma'm'selle, — ответил ювелир. — Когда его милость увидит, как великолепно смотрится это ожерелье на вашей нежнейшей коже, он наверняка тут же согласится выписать мне чек. Au revoir 17, Ma'm'selle. Всегда к вашим услугам.

Он поклонился и вышел из комнаты.

Анриэтта скорчила недовольную гримасу и гневно пнула шелковую подушечку, лежавшую на полу у двери.

— Негодяй! Паразит! — прошипела она. Но, взглянув на изумрудное ожерелье в незакрытой коробочке, мечтательно улыбнулась.

Придя вечером к любовнице, лорд Харткорт застал ее лежащей на кровати с атласными простынями. На ней абсолютно ничего не было за исключением одной вещи — изумрудного ожерелья. На фоне ее белоснежной кожи оно выглядело бесподобно...

Заговорили об ожерелье некоторое время спустя.

— Откуда у тебя эта игрушка? — спросил лорд Харткорт, едва касаясь чудесных камней пальцами одной руки, а другой поднося к губам бокал с шампанским.

— Тебе она нравится? — промурлыкала Анриэтта, соблазнительно глядя на любовника из-под опущенных пушистых ресниц.

— Ты любишь изумруды? — поинтересовался лорд Харткорт. — Охотно соглашусь, что они тебе очень идут.

— Я от них в восторге, — прошептала Анриэтта. Ее глаза заметно погрузтели. — Но, к сожалению, я не могу себе позволить их приобрести.

Лорд Харткорт кивнул.

— Стоят они наверняка немало.

— Для такой вещи, как эта, цена, которую за нее просят, — сущий пустяк! — поспешно проворковала Анриэтта. — Это ожерелье принадлежало когда-то самой Марии Антуанетте. Его подарил ей шведский любовник. Это символ их любви. — Она подалась вперед, приближаясь к лорду Харткورتу. Изысканный аромат духов, которым благоухало все ее тело, окутал его незримым облаком.

Он провел рукой по мраморной шее Любовницы, украшенной драгоценными камнями.

Посещать по пятницам это заведение вошло у них в привычку. Там было весело, но однообразно: всегда одни и те же лица, одни и те же блюда и напитки, одни и те же шутки, один и тот же гам.

— Наверное, все дело в том, что я стал чертовски безрадостно смотреть на окружающую действительность, — еле слышно пробормотал лорд Харткорт, выйдя из машины и направившись к мраморной лестнице парадного входа в английское посольство.

— Вас ожидает мистер Каннингхэм, милорд, — сообщил дворецкий, как только он вошел в холл, — Где?

— В ваших комнатах, милорд.

— Спасибо, Джарвис. На сколько назначен сегодняшней ужин? — спросил лорд Харткорт.

— На восемь часов, — ответил дворецкий. — В вашем распоряжении еще сорок минут, милорд.

— Знаки отличия надевать сегодня следует?

— На ужине будет присутствовать султан Марокко, — сообщил старший лакей. — Знаки отличия необходимы. Я уже сказал об этом вашему слуге.

— Спасибо, Джарвис.

Совершенно бессмысленный разговор, подумал лорд Харткорт, поднимаясь по лестнице. Нынешний слуга работал на него на протяжении пяти лет, работал исключительно исправно. Он передал бы ему все, что полагалось.

Бертрам лежал на диване в гостиной и просматривал свежие английские газеты, когда появился хозяин комнат.

— Привет, Вейн! — крикнул он, продолжая беспардонно лежать. — Я хочу поговорить с тобой.

— А я не имею ни малейшего желания тратить время на болтовню, — ответил ему кузен. — В восемь я должен явиться на официальный ужин. Хочу принять ванну, переодеться и быть внизу самое позднее за десять минут до начала мероприятия.

— У тебя еще уйма времени! — Бертрам хмыкнул. — А я всего лишь хотел показать тебе вот это.

Он поднялся с дивана и достал из кармана письмо.

— Прочти его вслух, мой дорогой друг, — сказал лорд Харткорт, проходя в спальню. — Я не намерен опаздывать. Сэра Джеймса хватит удар, если перед приездом первого гостя мы все, как ненужные предметы мебели, не соберемся к ужину.

Что в этом письме? И от кого оно?

Бертрам тоже перешел в спальню и уселся на край кровати.

— От герцогини! — провозгласил он. — И если ты растолкуешь мне, что оно означает, я буду тебе весьма признателен.

Сам я ничегошеньки не понимаю.

— Прочти его наконец, — скомандовал лорд Харткорт, снял пиджак, отдал его слуге и принялся развязывать галстук.

Развернув письмо и отдалив его от себя на расстояние вытянутой руки, Бертрам начал читать:

Уважаемый мистер Каннингхэм!

Племянница сообщила мне, что вы любезно пригласили нас на прогулку в Буа завтра утром. К сожалению, принять ваше приглашение мы не можем, поскольку мисс Уидон приехала в Париж только вчера и еще как следует не отдохнула с дороги. Надеюсь увидеть вас, а также вашего кузена, лорда Харткорта, на своей завтрашней вечеринке.

Искренне ваша

Лили де Мабийон.

Бертрам возмущенно швырнул письмо на стол и уставился на кузена.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, что на твое приглашение ответили вполне вежливым отказом, — невозмутимо продолжая раздеваться, ответил лорд Харткорт.

— Вежливым? — вскрикнул Бертрам. — Получить подобный отказ от Лили де Мабийон — настоящее оскорбление! Ты ведь понял, на что она намекает? На то, что ее девочку кто-то должен сопровождать на прогулках, а еще на то, что я не имею права приглашать ее. Лили де Мабийон, подумать только! Что за игру она затеяла? Никогда не поверю, чтобы племянница Лили сидела взаперти и была праведницей! Никто в это не поверит!

вернуться

16

полусвет (среда женщин легкого поведения, подражающих жизни высшего общества, света) (фр.).

вернуться

17

До свидания (фр.).

— Насколько я понял из твоей пылкой речи, — спокойно сказал лорд Харткорт, — ты считаешь, что герцогиня должна принять тебя с распростертыми объятиями. Так? Но, дорогой мой, она наверняка желает найти для племянницы нечто более солидное: маркиза, графа, барона. А ты всего лишь «уважаемый мистер Каннингхэм», и у тебя частенько не бывает наличных, ей об этом, конечно, известно.

— Считаешь, все дело в деньгах? — мрачно спросил Бертрам.

— Предполагаю, что так, — ответил лорд Харткорт. — В конце концов, любой человек мечтает о лучшей доле для своих потомков, это вполне естественно.

— Черт возьми, Вейн! Если уж ты считаешь, что я не гожусь в ухажеры даже для племянницы Лили де Мабийон, я имею все основания серьезно на тебя обидеться, — пробурчал Бертрам. — Естественно, я далеко не царь Крез и не обладаю несметными богатствами, но, во всяком случае, во сто крат лучше тех отвратительных типов, которые крутятся вокруг игорных столов в гостиной герцогини.

— Насмотревшись на них, она и не хочет, чтобы вокруг ее племянницы крутились недостойные личности, — сказал лорд Харткорт.

— Ну это уже слишком! — прогремел Бертрам. — Теперь ты по-настоящему меня оскорбил! Никак не ожидал, что ты будешь так настойчиво защищать позицию Лили. Она радоваться должна! Ее племянница не успела появиться в Париже, как ей тут же уделили внимание.

Лорд Харткорт усмехнулся.

— Это только начало. Когда герцогиня приоденет свою девочку, на ней сосредоточится внимание многих. Вот увидишь.

Бертрам поднял вверх указательный палец.

— Ты кое о чем мне напомнил! — объявил он с таинственным видом. — Чуть не забыл рассказать тебе об этом. Слышал последние сплетни?

— Сплетни, о чем бы они ни были, меня интересуют крайне редко, — ответил лорд Харткорт устало.

Слуга подал ему халат, и, надев его, он направился в ванную комнату.

— Эй, подожди! — крикнул Бертрам. — Ты должен узнать эту новость! Я слышал это уже от двух человек, не думаю, чтобы оба лгали.

Лорд Харткорт приостановился у входа в ванную.

— Ладно, рассказывай свою сплетню, только побыстрее, — с легким раздражением произнес он.

— Болтают, — начал Бертрам с воодушевлением, — будто сегодня днем Лили возила свою племянницу к Вурту и будто на девочке не было ничего, обрати внимание, абсолютно ничего, кроме шиншилловой накидки стоимостью в несколько миллионов франков! Лили упростила Борта сшить малышке какую-нибудь одежду, сказав, что, если он им не поможет, ей будет нечего носить, совершенно нечего!

Лорд Харткорт криво улыбнулся.

— Догадываюсь, кто сообщил тебе эту новость. Наверняка не мужчины.

Он вошел в ванную и плотно закрыл за собой дверь.

— Черт возьми, Вейн! — заорал Бертрам. — Хотя бы скажи, что ты думаешь по этому поводу!

Он подскочил к двери ванной и прокричал еще громче:

— Ты считаешь, это правда, Вейн? Насколько я понял, в это верит весь Париж!

— Понятия не имею, — ответил лорд Харткорт из-за двери. — Не терял бы лучше времени, Берти! Иди и приведи себя в порядок к вечеру. Если твоя английская пташка намеревается сегодня куда-то выйти, она пойдет в «Максим».

— Боже мой, а ведь ты прав! — воскликнул Бертрам довольно. — Увидимся позже, Вейн!

В ванной уже шумела вода — лорд Харткорт наверняка не слышал последних слов кузена.

— Доброго вечера, Хиксон, — пробормотал Бертрам слуге, вешавшему в шкаф костюм лорда Харткорта, и устремился к выходу.

— Доброго вечера, сэр, — ответил Хиксон с почтением.

Как только дверь за Бертрамом закрылась, он проворчал вполголоса:

— Ох уж эти женщины! Мужчинам они всегда стоят крайне дорого.

На туалетном столике лежала кучка соверенов 18, высыпанных из карманов лордом Харткортом. Хиксон взглянул на нее с печальным вздохом.

На девушку-француженку, с которой он встречался, у него уходила практически вся зарплата.

«Маме я не посылаю ни гроша вот уже целых две недели, — подумал он и к его щекам прилила краска стыда. — Есть в этих француженках нечто такое, что действует на тебя как магическое заклинание. Оно проникает тебе под кожу, примешивается к крови, и ты не в состоянии ему противостоять...»

Он аккуратно сдвинул монеты в сторону. Никогда в жизни ему не приходило и в голову брать деньги хозяина. Но заработка катастрофически не хватало, и в последнее время он нередко подумывал обратиться к лорду Харткورتу с просьбой повысить жалование. Те небольшие суммы, которые раньше ему удавалось высылать матери, очень ей помогали, но жизнь без прелестных ручек, все время что-то требовавших, уже не представлялась возможной.

Ужин в посольстве ничем не отличался от других официальных вечеров, проходивших в обшитом панелями зале. Стены этого просторного помещения украшали золотые орнаменты, в люстре красовались хрустальные орхидеи. За спинкой стула у каждого из присутствовавших стоял лакей.

Рядом с лордом Харткортом сидела обворожительная графиня Уорик. Она беспрестанно развлекала его, рассказывая пикантные новости английского двора, которые щедро приправляла революционными социалистическими идеями. Эти политические убеждения, к ужасу всех своих друзей, она поддерживала довольно давно.

— Как поживает его величество? — поинтересовался лорд Харткорт.

— Становится все более полным, — ответила графиня. — А временами бывает крайне вспыльчив. Но все еще заглядывается на женщин. Миссис Кеппел продолжает его восхищать. Без нее он шагу не может сделать.

Она вздохнула, по-видимому, вспомнив о тех временах, когда ее считали одной из красивейших женщин в Англии.

— Люди стареют, и с этим ничего не поделаешь! Берите от молодости все, что можете, лорд Харткорт. Она никогда не повторится!

— Ваша красота неподвластна времени, — заметил лорд Харткорт тоном человека, не делающего комплимент, а констатирующего факт.

Графиня улыбнулась — светлой благодарной уверенной улыбкой женщины, привыкшей блистать на протяжении долгих лет.

— Спасибо, — ответила она. — Откройте мне один секрет: в кого вы влюблены в настоящий момент?

Лорд Харткорт пожал плечами.

— Ни в кого, — честно ответил он.

— Да вы что! — воскликнула графиня. — Тратить столько драгоценного времени впустую! Мужчина всегда должен быть влюблен, причем влюблен больше, чем женщина в него. Это единственный путь сохранения баланса полов.

— Наверное, мне следует прислушаться к вашим словам, — ответил лорд Харткорт, сдержанно улыбаясь. — По-видимому, вы в этих делах человек опытный.

Леди Уорик рассмеялась.

— Вы угадали. Опыта у меня так много, что, чувствую, я непременно должна поделиться им с потомками. Когда-нибудь возьму и напишу о себе книгу, это теперь модно. И вас в нее включу, лорд Харткорт, как очень сложного и очень опасного молодого человека.

Лорд Харткорт изумленно нахмурился.

— Опасного? — переспросил он.

— Да, да, опасного, — ответила графиня. — Вы скрытный, сдержанный и умеете не показывать окружающим своих эмоций. Не завидую женщине, которая в вас влюбится. Ее сердце будет разбито о вашу холодность.

Лицо лорда Хартворта потемнело.

— Насколько я понимаю, вы весьма невысокого мнения обо мне, леди Уорик, — произнес он мрачно.

Поняв, что собеседник вполне серьезно расстроен, леди Уорик, которая не придавала разговору особого значения, задумалась.

Ей вдруг вспомнилось, как кто-то из знакомых рассказывал о лорде Хартворте довольно печальную историю. Будучи совсем неопытным юношей, этот человек якобы встречался с одной из светских красоток, гораздо более взрослой, чем он.

Она вскружила ему голову, попользовалась им и беспощадно бросила, повстречав жениха получше — одного из членов королевской семьи. А о бывшем любовнике — неоперившемся юнце — мгновенно позабыла.

Наверное, он до сих пор страдает, подумала леди Уорик.

По-видимому, нанесенные ему той дамой душевные раны все еще дают о себе знать. Из-за этого и вид у него настолько циничный.

вернуться

18

английская золотая монета номиналом в один фунт стерлингов.

— Я просто решила вас подразнить, — произнесла она вслух, мило улыбаясь. — Не сердитесь на меня, прошу вас. Уверена, что к представительницам слабого пола вы всегда относитесь внимательно и по-доброму.

— Звучит ужасно скучно, леди Уорик. — Лорд Харткорт скривил губы. — Боюсь, в ваших глазах я выгляжу совсем неприглядно.

— Знаете что? Приезжайте ко мне в Уорик, когда будете в Англии в следующий раз. Тогда вам станет ясно, что мое о вас мнение очень даже хорошее. — Леди Уорик опять улыбнулась.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, — сказал лорд Харткорт. — Я слышал, фазанов в этом году будет видимо-невидимо.

— Приезжайте в тот момент, когда к нам пожалует король. — Глаза леди Уорик засияли. — Вам ведь известно, что его величество обожает хорошую охоту?

Лорд Харткорт произнес слова благодарности, хотя про себя решил, что ни за что не поедет в Уорик во время кровожадной охоты короля Эдварда. Большинство мужчин находили это мероприятие чрезвычайно увлекательным, он же не видел в нем ничего интересного.

Когда ужин подошел к концу, супруга посла пригласила дам перейти в гостиную.

Мужчины остались одни. Лорд Харткорт выпил еще бокал портвейна и присоединился к общей беседе. Вечер тянулся нескончаемо долго.

Через некоторое время в гостиную перешли и мужчины.

Перед собравшимися выступал оперный певец. Он пел отрывки из «Кармен».

Лорд Харткорт вздохнул с облегчением, когда султан собрался уходить. Он проводил его до автомобиля, вернулся в гостиную и сел рядом с послом.

Тот устало зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Полагаю, сегодняшний вечер прошел удачно, — сказал он.

— Надеюсь, ваше превосходительство, — ответил лорд Харткорт.

— Мне кажется, я сумел изложить позицию Англии султану гораздо лучше, чем наши многословные политики. — Посол удовлетворенно потер руки. — Прав я или нет, покажут результаты.

— Конечно, ваше превосходительство, — поддакнул лорд Харткорт, хотя имел смутное представление о том, что имеет в виду посол, ведь он не видел ни одного из запутанных писем, которыми на протяжении некоторого времени обменивались Англия и Марокко.

— Доброй ночи, Харткорт, — сказал посол. — Полагаю, сегодня вы пойдете еще куда-нибудь. Скорее всего в «Максим»?

— Правильно, ваше превосходительство.

— Я для подобных заведений слишком стар. — Посол крикнул. — К тому же хочу как следует выспаться перед завтрашним ленчем — к нам пожалуют гости из Германии. Если я не буду чувствовать себя отдохнувшим, то не смогу держать ситуацию под четким контролем. А это крайне важно.

— Согласен с вами, ваше превосходительство, — ответил лорд Харткорт со всей серьезностью. От завтрашней встречи зависело действительно многое.

— До свидания, Харткорт. Желаю хорошо повеселиться.

Распрощавшись с послем, лорд Харткорт вышел в холл, снял с груди знаки отличия, отдал их Джарвису, взял у него цилиндр, перчатки и трость и вышел во двор, где его уже ожидала машина.

Анриэтта ждала его в «Максима». Перед самым ужином лорду Харткорт передали записку, в которой подруга сообщила ему, что приедет в ресторан сама.

Лорд Харткорт улыбнулся, прочтя написанное с ошибками послание. От листа сильно пахло любимыми духами Анриэтты. Она, конечно, собиралась объяснить свой поступок нежеланием отнимать у своего возлюбленного время. На самом же деле хотела всего лишь побыстрее похвастаться перед подругами новым ожерельем. Ожерельем, за которое лорду Харткорт предстояло заплатить кругленькую сумму.

Направляясь в машине к «Максиму», он мрачно размышлял о своей жизни.

«Интересно, кем считают меня подруги Анриэтты? — возник в его голове неожиданный вопрос. — Дураком или благодетелем?»

Ему было прекрасно известно, что любая из этих девиц с радостью согласилась бы занять место Анриэтты. Он всегда отличался сдержанностью и скромностью, но не мог не знать себе цену.

Богатых мужчин в Париже хватало, но мало кто из них был и молод, и презентабелен, и титулован. Более того, большинство богачей имели семьи, а наличие жены всегда означало возникновение неминуемых осложнений.

Однажды лорд Харткорт заговорил на эту тему с Анриэттой.

— Если связываешься с женатым мужчиной, тебя постоянно преследует отвратительное чувство тревоги, — призналась тогда она. — Так и кажется, что жена твоего любовника вот-вот всадит тебе в спину нож. А уж в том, что в твой адрес постоянно посылаются проклятия, не стоит и сомневаться. Я так рада, что ты у меня холостяк!

— Когда-то и мне придется завести семью, — ответил лорд Харткорт. — В Англии у меня огромный дом и большое имение. Рано или поздно я должен подумать о том, кому передать все это, равно как и свой титул.

— Как ты думаешь, мне пойдет корона? — спросила Анриэтта. — Чтобы выяснить это, тебе следует на мне жениться.

Она шутила, они оба это понимали, поэтому дружно рассмеялись. Французский *demi-monde* знал свое место и не претендовал на то, что предназначалось исключительно для законных жен.

Лорд Харткорт вспоминал об этом разговоре с непонятным раздражением и почему-то никак не мог заставить себя подумать о чем-нибудь другом.

«Наследник, — размышлял он. — Когда-то я обязательно должен обзавестись им».

Ему представились английские залы для балов, мамы, не спускающие глаз с дочерей на выданье, и он понял, что Анриэтта абсолютно права. Женатый человек не очень подходящая

кандидатура для представительницы demi-monde: он скучен, и у него мало времени.

На душе у него стало совсем тошно, когда он ясно осознал, что должен начинать подыскивать жену.

«Что со мной происходит? Почему сегодня мне не отделаться от хандры?» — думал он, глядя в окно невидящим взором, чувствуя, что у него нет ни малейшего желания ни идти в «Максим», ни любоваться Анриэттой в невообразимо дорогом ожерелье.

Первым, кто повстречался ему в ресторане, был его кузен Берти, стоявший у стойки с несчастным видом.

— Ее нет, — сообщил он, как только увидел лорда Харткорта.

Лорд Харткорт внимательно огляделся по сторонам, будто посчитал, что брат просто не заметил очаровательной англичанки, ради встречи с которой и пришел сюда.

В углу сидела шумная компания. Не заметить присутствия герцогини де Мабийон на любом увеселительном мероприятии было невозможно. Она сразу бросалась в глаза своей увядающей красотой и изобилием драгоценностей. Рядом с ней как обычно сидел отвратительный барон фон Кнезебех.

— Герцогиня здесь, — пробормотал лорд Харткорт.

— Да, здесь. Со своей обычной компанией, — подтвердил — Бертрам жалобным тоном. — А малышки Гардении нет.

— Лили посадила свою овечку под замок, чтобы волки, подобные тебе, не смели к ней приближаться, — пошутил лорд Харткорт.

В это мгновение его взгляд упал на Анриэтту, пробирающуюся к нему сквозь толпу.

Она великолепна, отметил он с удовлетворением.

С белым шифоновым платьем изумрудное ожерелье смотрелось на ней потрясающе. В ее рыжих волосах светлела изящная эгретка, в руке она держала веер из таких же перьев.

— Что мне делать, Вейн? — спросил Бертрам, с мольбой заглядывая в глаза кузена. — Может, дашь какой-нибудь совет?

Лорду Харткорту вдруг стало ужасно его жаль.

— Присмотри за Анриэттой, а я схожу к герцогине и попробую что-нибудь разузнать, — сказал он и, пройдя через весь зал к тому углу, в котором по обыкновению восседала компания Лили де Мабийон, наклонился к герцогине.

— Позвольте поблагодарить вас за вчерашнюю чудесную вечеринку, ваша светлость.

Герцогиня подняла голову и широко улыбнулась, обнажая белые ровные зубы.

— О, лорд Харткорт, как мило с вашей стороны. Я тоже обязана поблагодарить вас за то, что вы так любезно помогли вчера моей маленькой племяннице. Она приехала очень неожиданно.

— Мне было приятно оказать ей помощь, — ответил лорд Харткорт. — Как ее самочувствие?

— Сегодня Гардении намного лучше, — сообщила герцогиня. — Прийти сюда со мной она, естественно, не могла. Подобные заведения не для юных девушек.

Лорд Харткорт так удивился, что на мгновение лишился дара речи. А герцогиня невозмутимо продолжила:

— Но вы можете прийти к нам в гости, и Гардения с удовольствием еще раз поблагодарит вас за вашу доброту. Как насчет завтрашнего дня? Приглашаю вас на чаепитие. Будет настоящий английский чай, я постоянно придерживаюсь этой традиции.

— На вечеринку я непременно опять приду, — медленно произнес лорд Харткорт.

— Отлично, я буду вас ждать, — ответила герцогиня. — Но придите еще и на чай. Посидим в тишине и спокойствии, вы, я и Гардения, побеседуем об Англии. Я по ней страшно скучаю. Боюсь, и Гардения вскоре затоскует. Я пью чай в четыре тридцать. Надеюсь, вы найдете время. Мы расстроимся, если не дождемся вас.

Она протянула руку, давая понять, что в данный момент больше не желает тратить время на разговор с лордом Харткортом.

Тот поцеловал ее и неторопливо зашагал прочь, чувствуя некоторую растерянность. Внезапно ему показалось, что во мраке его безрадостного бытия забрезжил свет надежды.

«Герцогиня хочет найти для своей племянницы самого лучшего жениха, — подумал он. — Но кто может быть лучше меня?»

Глава шестая

Гардения сразу невзлюбила барона. У нее было такое чувство, что каждое сказанное ею слово кажется ему смешным и нелепым. Она с содроганием вспоминала, как при их первой встрече он держал и целовал ее руку, как с неискренней омерзительной улыбкой на губах делал ей комплименты.

Но тете Лили он нравился, в этом не было сомнений. Когда бы этот человек ни появился в ее доме, она бежала ему навстречу с восторженностью и задором юной девушки. Любое его высказывание приходилось ей по вкусу. Пылкие взгляды, которыми она его одаривала, красноречивее любых слов говорили о ее к нему отношении.

Гардения постоянно твердила себе, что женщина в таком возрасте, как тетья, может общаться с мужчинами более свободно, нежели молодая девушка.

В то же время у нее никак не укладывалось в голове, что кто-то может вести себя в чужом доме настолько дерзко и нахально, как барон.

Перед тем ужином, на который она пришла в новом платье от Борта впервые, ей довелось быть невольной свидетельницей весьма неприятного и странного разговора.

Платье принесли в большой коробке ровно за час до прихода гостей. Весь день Гардения волновалась, что его не успеют сшить и ей придется остаться вечером в своей спальне, ведь других нарядов у нее не было. Когда Жанна с торжественным видом внесла коробку в ее комнату, она вздохнула с облегчением.

— Оно просто восхитительно! — вскрикнула служанка, сняв крышку с коробки и увидев платье из белого шифона, украшенное бриллиантовыми горошинами.

Вместе с Гарденийей они достали восхитительное одеяние и положили его на кровать.

На протяжении некоторого времени Гардения смотрела на него в полном оцепенении. Раньше даже в самых смелых мечтах она не могла представить себе, что когда-нибудь будет обладать такой роскошной вещью.

«Как сильно помогла бы мне даже сотая часть стоимости этого платья в последние месяцы перед маминной смертью», с болью в сердце подумала она.

Но злобы на тетю в ее душе не было. Богатому не понять страданий и нужд бедного, сытому неведомы горести голодающего — эти истины она усвоила с самого детства.

Тем не менее Гардения испытывала некоторый дискомфорт, сознавая, что тетя потратила немислимую сумму денег, по сути, на безделушки — украшения для ее нового платья.

«Я не должна терзаться упреками, — сказала себе она. — В конце концов мама только порадовалась бы, увидев, какие у меня появились платья. А вот вечеринки и образ жизни тети ей вряд ли понравились бы...»

Время приближалось к восьми, поэтому, прогнав противоречивые мысли, Гардения приступила к приготовлениям к ужину.

Жанна сделала ей прическу, и ее внешность сильно изменилась. Теперь ничто в ней не напоминало о бедной девочке с завитыми, как у Веселой вдовы, и собранными наверху волосами, приехавшей из английской деревни лишь позавчера.

Какую прическу Гарденийи следует носить, решил сам мсье Ворт. Тетя Лили передала его указания Жанне, а та с блеском воплотила задуманное в жизнь — уложила ее волосы в полукольцо, начинающееся на макушке и заканчивающееся у шеи.

С такой прической Гардения выглядела весьма неординарно и в то же время очень свежо и молодо.

В первое мгновение ею овладели сомнения — ей показалось, что ее вид несколько странный и старомодный. Но пять минут спустя, когда она надела платье и оглядела свое отражение в зеркале еще раз, на смену неуверенности пришло удовлетворение.

Ей стало вдруг понятно, какую задачу поставил перед собой мсье Ворт — сохранить в ее облике природное изящество, легкость и ослепительное очарование юности и добавить к ним намек на обольстительность.

— Вы великолепны, Ma'm'selle, — пробормотала Жанна, восхищенно прижимая руки к груди.

Гардения почувствовала, что служанка не льстит ей, а искренне ею восхищена, и очень обрадовалась.

— Все мужчины будут смотреть сегодня только на вас, — продолжила Жанна.

Гардения смущенно покачала головой.

— Я ведь никого из них не знаю.

— Это не имеет значения — Жанна пожала плечами. — В доме ее светлости все знакомятся друг с другом крайне быстро.

— Полагаю, тетя представит меня лишь тем гостям, которым посчитает нужным, — сказала Гардения с легким укором в голосе. Служанка вела себя несколько дерзко.

— Многие из них пренебрегут формальностями, — заявила Жанна, не обращая ни малейшего внимания на намек Гардении.

Гардения отвернулась от зеркала. Юбка мягко заколыхалась вокруг ее ног, а бриллианты весело блеснули, напоминая капли росы на траве, озаренные лучами утреннего солнца.

Она вышла из комнаты и медленно зашагала вниз по лестнице, направляясь в небольшую столовую на первом этаже, в которой тетя планировала встретить гостей.

Достигнув последней ступени, она увидела, что дверь в столовую открыта, и услышала грудной мужской голос, который сразу узнала. Говорил барон.

— Это просто невыносимо! Неужели ты допустишь, чтобы эта девчонка все испортила?

— Почему же все, Генрих? — ответила тетя Лили. — Нам просто следует вести себя поосторожнее. Гардения еще слишком молода и неопытна.

— Слишком молода! — повторил барон раздраженно. — В таком случае последуй моему совету и отправь ее куда-нибудь.

— Нет, Генрих, я не могу так поступить, — оправдывающимся тоном пробормотала герцогиня. — Я любила свою сестру и не имею морального права отвергнуть ее дочь.

— Тогда пусть она мирится с теми порядками, которые существовали в этом доме до ее появления. Если все твои вечеринки будут теперь такими, как сегодняшняя, обещаю, я больше к тебе не приду! — пригрозил барон.

— Мне очень жаль, Генрих. Правда очень жаль.

Голос герцогини звучал как мольба.

Гардения осознала, что подслушивает чужой разговор, и густо покраснела.

Ступая очень мягко и бесшумно, она вновь поднялась вверх по лестнице и остановилась на втором этаже, задыхаясь от наплыва неприятных эмоций.

«Что может означать этот странный разговор? — размышляла она. — Почему барон относится к моему появлению здесь с такой неприязнью? Чем я ему помешала? И какое он имеет право вмешиваться в семейные дела тети? Все это очень странно...»

Возникавшие в голове вопросы тревожили ее и не давали покоя. Найти на них ответы не представлялось возможным.

Ровно в восемь она вновь направилась вниз, изо всех сил стараясь не выдать своим видом ни растерянности, ни расстройств, ни волнения.

К счастью, в тот момент, когда она приблизилась к двери столовой, приехали первые гости.

Тетя Лили с грациозностью лани шагнула в холл и замерла в изумлении.

— Гардения очаровательна, правда, барон? — воскликнула она, разводя руки в стороны.

Гардения сразу обратила внимание на то, что теперь тетя обращается к своему другу не по имени.

— Правда, — ответил барон, кривя толстые губы в неприятной улыбке.

Прибыли другие гости: несколько молодых мужчин, большинство — англичане. Среди них были и французы, а также один итальянец, жизнерадостный молодой человек, недавно приехавший в Париж для службы в посольстве своей страны.

Большая часть приглашенных дам были ровесницами герцогини. Несколько молодых особ разговаривали кое с кем из мужчин, а на остальных присутствовавших не обращали никакого внимания.

Барон, возвращаясь в столовую в сопровождении одной из дам, сильно хмурился, а герцогиня держалась неестественно весело и чересчур много разговаривала.

Увидев накрытый для ужина стол, Гардения забыла на некоторое время и о тете, и о бароне, и об остальных вошедших в столовую людях. Изобилие золота, серебра, белоснежные орхидеи, разложенные между блюдами, показались ей воплощением роскоши и блеска богатой жизни.

Очнувшись от состояния ошеломления, она осторожно осмотрелась по сторонам.

Лицо барона все еще выражало недовольство. Остальные гости выглядели весьма оживленными.

Мужчины чувствовали себя очень непринужденно. На них были элегантные белоснежные рубашки с высокими воротничками и фраки. В петлицах у англичан краснели гвоздики.

Женщины громко смеялись, по мнению Гардении, чрезмерно громко. Она никогда не видела, чтобы ее мать или другие знакомые женщины, услышав шутку, хохотали так необузданно — запрокинув голову, сотрясаясь всем телом. А еще чтобы сидели за столом, положив на него оба локтя и подавшись вперед таким образом, что большая часть их груди, выглядывая из-под низкого ворота платья, представляла бы на всеобщее обозрение.

Но гости тети были француженками, и этим многое объяснялось.

С одной стороны рядом с Гарденией сел пожилой мужчина, с другой — молодой итальянец.

Старик явно не желал утруждать себя разговорами с соседкой. Он увлеченно поглощал угощения и с удовольствием запивал их вином.

Пару раз Гардения попыталась завести с ним беседу, но в ответ слышала лишь хрюканье или мычание.

«Какой неприятный человек, — подумала она. — По-видимому, я кажусь ему личностью, не заслуживающей внимания, вот он и не трудится казаться вежливым».

Итальянец же, напротив, все время улыбался и без умолку болтал.

— Вы красивая, очень красивая, — заявил он Гардении. — Никак не ожидал встретить в

Париже подобную девушку. Настраивался на то, что здесь живут элегантные и шикарные женщины, но не думал, что среди них встречаются богини.

Гардения рассмеялась.

— Вы ведь приехали в Париж только что, — сказала она. — Значит, еще и не видели парижанок. Через недельку-другую вы сможете сказать те же самые слова десяткам из них, — Французы, как и мы, итальянцы, принадлежат к латинской расе, — объяснил ей собеседник. — Француженки темноволосые, привлекательные, порой это настоящие мадонны. Вы же светлая и воздушная и похожи на ангела.

Гардения опять рассмеялась. Она не принимала слов итальянца всерьез, поэтому ничуть не смущалась. Слушать его было просто забавно.

— В настоящий момент мне совсем не хочется ощущать себя ангелом, — призналась она. — Я горю желанием познакомиться с Парижем: взглянуть на его парки и улицы, на Сену, побывать в местах, где люди веселятся.

— Надеюсь, вы позволите мне сопровождать вас? — спросил итальянец.

— Этот вопрос вам следует задать моей тете, — ответила Гардения.

В глазах итальянца отразилось неподдельное удивление.

— Разве вы не можете принимать те или иные решения без ее ведома? — полюбопытствовал он.

Гардения покачала головой.

— Я обязана во всем советоваться с ней. Понимаете, мои родители умерли. Я приехала к тете и буду с ней жить. Поэтому она и следит за мной так строго. В общем-то это вполне естественно.

Итальянец чуть не подавился.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал он. — Но обещаю, что поговорю с вашей тетей. А она действительно приходится вам тетей?

— Конечно! — воскликнула Гардения. — А вы что подумали?

На мгновение ей показалось, что итальянец готов выдать ей все, что он подумал, но тот ничего не ответил.

По мере приближения ужина к завершению гости становились все более и более шумными.

Лакеи в бордовых ливрях и напудренных париках то и дело наполняли вином опустевшие бокалы.

В конце концов под влиянием всеобщего веселья позабыл о своем скверном настроении даже барон.

— Выпьем за очаровательную хозяйку этого дома! — провозгласил он, поднявшись с бокалом в руке. — Думаю, все присутствующие джентльмены поддержат мой тост.

Присутствующие джентльмены, слегка пошатываясь, повставали со своих мест.

— За герцогиню! — пробасили они нестройным хором и залпом выпили вино.

— Спасибо, — ответила герцогиня, улыбаясь.

Гардения заметила, что, слегка покрасневшись, она как будто помолодела и выглядит очень красивой.

— Спасибо, — повторила Лили де Мабийон. — Надеюсь, сегодня вечером вы все отдохнете на славу. Позднее к нам присоединятся другие гости. Желающие смогут потанцевать.

Для нас будет играть знаменитый оркестр «Вентура». Моя племянница молода, молодые любят танцы!

Она поднялась со стула.

— Предлагаю дамам перейти в гостиную!

Гардения слышала, как старик, сидевший справа от нее, ухмыльнулся.

— «Вентура»! Не слишком ли изысканно? — проворчал он. — Насколько я знаю, «Вентура» играет только для представителей королевских семей и для послов.

Какая-то дама, проходившая в этот момент мимо, услышала его слова, приостановилась и, склонившись, прошептала ему на ухо:

— Чему вы удивляетесь? Разве вы не знаете, что Лили де Мабийон — королева demi-Парижа?

Старик разразился хохотом, и Гардения почувствовала жуткую обиду за тетю. Но сделать что-либо была не в состоянии, ведь даже не поняла смысла сказанных дамой слов.

Герцогиня остановилась сбоку у дверей. Ее гости направились в холл. Одна молодая особа в ярко-красном платье со слишком глубоким вырезом поднялась из-за стола последней.

Страстно поцеловав в губы соседа, получила от него небрежный шлепок по заду, вызывающей походкой прошествовала к выходу и слилась с толпой остальных дам.

У Гардении перехватило дыхание. Подобное не укладывалось у нее в голове. Ей казалось, что женщина не смеет вести себя так, как эта девица, ни при каких обстоятельствах.

Молодой человек, которого поцеловали, невозмутимо продолжал потягивать вино. Судя по всему, жест подруги не произвел на него особого впечатления.

«Что сказала бы мама?» — вновь и вновь задавалась вопросом Гардения, шагая, как в тумане, по заполненному развеселыми женщинами холлу.

Ее мысли прервала тетя.

— Гардения! — позвала она ее. — Сходи в свою комнату, немного передохни. Потом спускайся в главную гостиную.

Гардения повиновалась.

Буквально через полчаса все гости, включая джентльменов, были уже в гостиной. Мужчины не считали нужным задерживаться в столовой, как это сделал бы отец Гардени и его друзья,

но она уже ничему не удивлялась.

Народу прибывало. Гости свободно проходили в гостиную, жали руку хозяйке и мгновенно устремлялись к игорным столам.

Гардения с интересом рассматривала изрядно изменившийся зал.

Играл оркестр. Свежие цветы в вазах стояли теперь повсюду. Стены и потолок украшали гирлянды из маленьких светящихся звездочек, придававших помещению романтичность и таинственность. Но люди, казалось, не обращали ни на это волшебство, ни на чудесную музыку, льющуюся из дюжины скрипок, ни малейшего внимания.

Направляясь в гостиную, Гардения думала, что молодой итальянец сразу пригласит ее на танец. Но, войдя в нее, сразу поняла, что сильно ошибалась. Итальянец, по всей вероятности, уже позабыл о ее существовании. Он шептался в углу с очень привлекательной молодой женщиной, которая пришла после ужина. На ней было облегающее тело черное платье, в рыжих волосах красовалась эгретка с бриллиантом.

— Ты должна стоять рядом со мной и помогать мне принимать гостей, — сказала Гардении герцогиня.

Однако многих из вновь прибывших она не трудилась представлять племяннице — едва заведев их на пороге, махала им рукой в сторону стола с шампанским и икрой в дальнем конце зала.

Когда ее ноги уже ныли от того, что она так долго стоит на одном месте, Гардения увидела знакомые лица лорда Харткорта и Бертрама Каннингхэма и сильно обрадовалась. Вереница незнакомцев, поражающих странным поведением, уже действовала на нее угнетающе. К тому же ей ужасно хотелось, как захотелось бы любой другой женщине, чтобы молодые люди увидели произошедшие в ее внешности перемены.

Лорд Харткорт и Бертрам Каннингхэм подошли к хозяйке.

Герцогиня протянула им обе руки в белых перчатках.

— О, лорд Харткорт, как я рада вас видеть! — воскликнула она. — Очень, очень жаль, что вы не смогли составить нам компанию за чаем.

— Мне тоже жаль, — ответил лорд Харткорт, сдержанно улыбаясь. — Было много работы. Я сообщил вам об этом в записке. Надеюсь, вы ее получили.

— Вы слишком серьезно относитесь к делам, — ответила Лили де Мабийон, сияя. — Мистер Каннингхэм! Как хорошо, что вы тоже пришли! Как поживаете?

Она положила руку на запястье Бертрама.

— Гардения весь вечер помогает мне встречать гостей. Наверное, устала. Потанцуйте с ней, лорд Харткорт. Музыканты меня не простят, если никто из присутствующих не оценит по достоинству их музыку. А вы, мистер Каннингхэм, проводите меня, пожалуйста, к столу. Я ужасно хочу пить.

Ни один из мужчин, естественно, не осмелился ей возразить.

Лорд Харткорт протянул Гардении руку и с обычной серьезностью произнес:

— Что ж, давайте потанцуем, мисс Уидон.

А Бертрам Каннингхэм повел хозяйку к столу у противоположной стены.

Когда лорд Харткорт положил руку на талию Гардении, она смущенно подняла голову и взглянула ему в глаза.

— Надеюсь, что не наступлю вам на ноги, — пробормотала она. — Мама учила меня танцевать, но возможностей подкреплять свои умения практикой мне выдавалось крайне мало. Не сердитесь, пожалуйста, если я покажусь вам неуклюжей.

— Не покажетесь, уверяю вас, — ответил лорд Харткорт.

Гардения тут же поняла, что ее партнер прав. Он танцевал свободно и просто, поэтому скользить за ним по полу в такт музыке оказалось несложной задачей.

Проведя Гардению несколько раз по кругу, лорд Харткорт слегка нахмурился.

— Вам не кажется, что здесь ужасно душно? — спросил он, наклоня голову. — И слишком много цветов. Я уже задыхаюсь от изобилия ароматов. Может, выйдем на балкон, подышим свежим воздухом?

— Да, конечно, — с готовностью ответила Гардения, глядя туда, где в стене среди стройного ряда окон в белых рамах зиял проем открытой двери, ведущей на балкон.

Они вышли.

Дул освежающий ветерок, и, вдохнув полной грудью, лорд Харткорт произнес:

— Здесь гораздо лучше. У французов в домах всегда слишком жарко.

— Но моя тетя — англичанка, — возразила Гардения.

— О да, простите меня, — извинился лорд Харткорт. — Я частенько об этом забываю, наверное, потому что она носит французский титул.

Гардения понимающе кивнула и обхватила руками в белых перчатках металлические перила.

Ветви деревьев в саду, покрытые юной весенней листвой, мягко колыхались на ветру. За ними виднелись огни вечернего Парижа.

— Вам нравится эта вечеринка? — поинтересовался лорд Харткорт.

— Очень веселая, но несколько странная, — честно призналась Гардения.

— Вы очень изменились. — Лорд Харткорт тоже приблизился к балюстраде и обвел Гардению внимательным взглядом. — Ваше платье совсем не похоже на то, в котором вы Приехали.

— Тетя Лили так добра. — Глаза Гардении засияли. — Она возила меня в салон мсье Ворта.

— Да, я об этом слышал.

— Только вообразите себе: он сшил для меня это платье за двадцать четыре часа! Просто невероятно!

— Наверное, вы ему понравились, — ответил лорд Харткорт задумчиво. — Насколько я знаю, мсье Ворт берет за срочные заказы лишь в двух случаях: если питает к клиенту какие-то особые чувства и если считает, что в его изделия человек будет выглядеть совершенно необычно.

— Я выгляжу совершенно необычно?

Гардения кокетливо улыбнулась.

Насмотревшись на поведение присутствующих женщин, она почувствовала, что смотрится чрезмерно сдержанной и чопорной, поэтому и позволила себе эту незначительную вольность.

— Вы выглядите восхитительно, — ответил лорд Харткорт. — Как вам нравится мистер Каннингхэм?

Гардения никак не ожидала такого вопроса. Поэтому расширила от изумления глаза.

— Как мне нравится мистер Каннингхэм? — повторила она. — Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Все вы прекрасно понимаете, — пробормотал лорд Харткорт. — Но ваша тетя усиленно старается не дать ему возможности к вам приблизиться.

— Тетя Лили не позволила мне ехать на прогулку без сопровождающей дамы. И абсолютно правильно сделала, — ответила Гардения, гордо приподняв подбородок. — Я сама во всем виновата. Мне следовало сразу дать мистеру Каннингхэму понять, что я не приму его приглашение. Я не сделала этого лишь потому, что не знала принятых во Франции правил. Подумала, они не столь строгие, как в Англии.

Лорд Харткорт усмехнулся.

— Вы же знаете, что все эти правила — никому не нужное притворство. А мой кузен — человек замечательный. Добрый, щедрый. Искренне советую вам позволить ему показать вам Париж одним из первых.

— У меня такое впечатление, что все хотят показать мне Париж первыми, — сказала Гардения.

Лицо лорда Харткорта напряглось.

— У бедного Берти уже появился соперник, вы на это намекаете? — спросил он.

Гардения не совсем поняла, о чем речь.

— Видите ли, мне кажется, что тетя собирается сама открыть для меня этот город. — Она печально вздохнула. — Очень жаль, что у нее нет детей, хотя бы одного ребенка. Устраивать праздники для друзей — это, конечно, очень хорошо, но гораздо приятнее собираться в кругу семьи.

Лорд Харткорт ничего не ответил.

Через некоторое время Гардения повернула голову и мечтательно посмотрела на него.

Ее глаза на небольшом лице выглядели сейчас просто огромными. В них отражались чистота и непорочность.

Лорд Харткорт неожиданно протянул руку и коснулся пальцами ее подбородка.

— Ответьте мне на один вопрос: вы на самом деле такая дурочка или всего лишь притворяетесь?

Задыхаясь от негодования, Гардения метнула в лорда Харткорта убийственный взгляд. Она уже собралась ударить по его руке и заявить ему, что никто и никогда не осмеливался называть ее дурочкой. Но какая-то неведомая сила вдруг помешала ей это сделать.

Они смотрели друг другу в глаза и почему-то не могли отвести взгляд. Гардения чувствовала на своей коже тепло руки лорда Харткорта и сознавала, что ей ужасно приятно ощущать его прикосновение. Ее охватила непонятная дрожь, к лицу прилила кровь...

— Ах вот вы где! — слышалось со стороны двери.

Гардения и лорд Харткорт вздрогнули.

Бертрам Каннингхэм шагнул на балкон.

— А я вас повсюду ищу. Никак не могу понять, куда вы исчезли.

— В гостиной слишком душно, — ответил лорд Харткорт, убирая руку с подбородка Гардения и поворачиваясь к кузену. — Особенно невыносимо, когда танцуешь.

— А я не замечаю духоты, если мне весело, — сказал Бертрам Каннингхэм. — Потанцуете со мной, мисс Уидон? Жаль упускать момент, ведь такая чудесная музыка звучит в доме ее светлости не часто.

— С удовольствием потанцую с вами, — ответила Гардения. — Только думаю, что оставлять лорда Харткорта одного с моей стороны невежливо.

Бертрам рассмеялся.

— О нем не беспокойтесь. Он быстро найдет себе компанию, если решит задержаться здесь. В последнем я сильно сомневаюсь.

Лорд Харткорт прищурил взгляд.

— Ты целый день умолял меня пойти с тобой на эту вечеринку, Берти. Не пытайся же теперь избавиться от моего присутствия. То, что ты добрался наконец до мисс Уидон, вовсе не означает, что я должен испариться.

— Может, мы не пойдём танцевать? — предложила Гардения, желая разрядить возникшее между братьями напряжение. — Постоим втроем здесь, на балконе, и побеседуем. Тут свежо и приятно. А в гостиной слишком людно и шумно. Там я чувствую себя неловко.

— Слишком шумно? — Бертрам прищелкнул языком. — Но здесь это обычное явление. Настоящее веселье еще и не начиналось. Кстати, приехал Андрэ де Гренэль. Уже подшофе.

— Подшофе? — переспросила Гардения. — А что это значит?

Она смотрела на лорда Харткорта, но ответил Бертрам Каннингхэм:

— «Подшофе» означает в подпитии, во хмелю, в состоянии опьянения. Вообще-то французы

прекрасно держатся после рюмки-другой спиртного, Андрэ же начинает буянить.

— Надеюсь, он не сломает тетину мебель, — сказала Гардения встревоженно. — Вчера утром я видела в этом зале разбитую статуэтку из дрезденского фарфора. Наверное, она стоила очень дорого. Хотя от тети я не слышала ни слова сожаления.

— Наверное, ей не жаль этот фарфор, — предположил Бертрам.

— Любому человеку дорог его собственный дом, — возразила Гардения. — Если бы мои вещи били и ломали, мне было бы очень больно. Не понимаю, как можно прийти к кому-то в гости и, злоупотребляя гостеприимством хозяйки, вести себя так недостойно. В Англии подобное недопустимо.

— Почему же, и в Англии разное случается. — Бертрам заулыбался. — Помнишь, Вейн, ту пирушку, устроенную Кавендишами? Веселились тогда от души. Правда, Роза была в ярости, а наутро предъявила каждому из гостей счет в двадцать фунтов.

— Кто такая Роза? — спросила Гардения.

— Роза Льюис, известная всем личность, — ответил Бертрам. — Владелица отеля, что на Джермин-стрит.

— Но это совсем другое дело! — воскликнула Гардения. — Навести разгром в отеле — для кого-то это, может, и допустимо, но перевернуть вверх дном чей-то личный дом!..

Последовало напряженное молчание.

Нарушил тишину взрыв хохота Бертрама.

— Вы само очарование! — выдавил он из себя, продолжая смеяться. — Андрэ был прав: скоро о вас заговорит весь Париж.

Лорд Харткорт кашлянул.

— По-моему, мисс Уидон права. Никому не следует забывать о том, что этот дом — частная собственность герцогини.

Бертрам бросил в сторону кузена удивленный взгляд и собрался что-то сказать, но, по-видимому, передумал.

В этот момент на балкон вышел Андрэ де Гренэль.

— Каннингхэм! Вот где ты прячешься! — проорал он. — Мне сказали, что ты здесь, но я нигде тебя не увидел. Потом вспомнил о страстной любви англичан к свежему воздуху и сразу сообразил, что ты на балконе.

— Правильно, — пробормотал Бертрам несколько растерянно.

Но граф не слушал его. Заметив Гардению, он устремился прямо к ней.

— А! Маленькая монашка! Я сразу понял, что, когда увижу вас в следующий раз, вы будете в чем-нибудь блестящем! Правда, я ожидал, что фасон вашего платья будет несколько другим. — Он взял руку Гардении и поцеловал.

— Послушайте, граф, — жестко произнес лорд Харткорт. — Мисс Уидон — племянница графини де Мабийон. Она приехала из Англии и будет жить вместе с тетей. В тот вечер, когда мы увидели ее в этом доме впервые, вы повели себя непростительно грубо. Мне кажется, вам следует перед ней извиниться.

— Племянница герцогини де Мабийон? — От изумления граф приоткрыл рот. Он был изрядно пьян, но его мозг еще работал исправно. — Это правда?

— Правда, — ответил лорд Харткорт.

— В таком случае примите мои искренние извинения, — сказал граф, повернувшись к Гардени. — Но признаюсь честно: я сожалею, что в тот вечер мне так и не удалось вас поцеловать.

Он еще раз поднес ее руку к губам, но она порывисто отдернула ее.

— Пойдемте потанцуем, мисс Уидон! — предложил Бертрам.

Гардения обрадовалась возможности исчезнуть с балкона.

Они вернулись в гостиную и закружили по полу под волшебные звуки скрипок. Бертрам Каннингхэм танцевал лучше кузена, но Гардени хотелось, чтобы вместо него с ней рядом находился именно лорд Харткорт. Наверное, потому, что с ним танцевать было легче. Он двигался медленнее, возможно, делал это специально, чтобы она не чувствовала себя скованно.

— О, как я счастлив! — прошептал Бертрам на ухо Гардени. — Я мечтал о танце с вами. Что вы скажете, если я предложу вам улизнуть отсюда на часок-другой? Поедем в «Максим», поразвлечемся там. А потом вернемся обратно. Никто даже не обратит внимания на наше исчезновение.

Гардения покачала головой:

— Что вы! Я не могу ответить вам согласием.

— Но почему? — Бертрам удивленно изогнул бровь. — Я хоть и не настолько богат и известен, как мой кузен, но сумею о вас позаботиться, обещаю.

— А лорд Харткорт сказал, что вы мечтаете показать мне Париж, — задумчиво пробормотала Гардения.

— Верно, но при чем тут это?

— Так, ни при чем. — Гардения замолчала.

— Ну же, решайтесь, мисс Уидон! — нетерпеливо прошептал Бертрам.

— Нет, мистер Каннингхэм, тете это ужасно не понравится.

— Может, вы считаете, что я вас не достоин? Может, ждете, что вами увлечется какой-нибудь барон или герцог?

— Ничего я не жду, — категорично ответила Гардения.

— Тогда пойдете со мной, — продолжал настаивать Бертрам. — Наденьте пальто и... Вообще-то пальто вам ни к чему.

На улице тепло, к тому же я на автомобиле.

— Вы не понимаете, — отчаянно сопротивлялась Гардения. — Тетя очень добра ко мне. Она мне доверяет. По ее мнению, мне не следует ездить на прогулки без компаньонки.

Я обязана ей подчиняться. Я ведь во всем от нее завишу.

— К тому я и клоню, — торжествующе произнес Бертрам. — Вы можете полностью освободиться от этой зависимости. Денег у меня хватит, если вы, конечно, не рассчитываете на золотые горы.

Гардении казалось, она попала на остров, где люди разговаривают на другом языке и придерживаются иных правил.

Она абсолютно не понимала, чего так усердно пытается добиться от нее Бертрам Каннингхэм. Голова у нее шла кругом, на душе было отвратительно, а щеки пылали.

— Давайте выйдем на балкон, — сказала она, останавливаясь и отстраняясь от Бертрама.

К этому моменту танцующих прибавилось. Одна из пар остановилась и заговорила с Бертрамом.

Гардения торопливо вышла на балкон.

Графа уже не было. Лорд Харткорт одиноко стоял у балюстрады, о чем-то размышляя и куря сигару.

— Хорошо потанцевали? — спросил он, увидев Гардению.

Она пожала плечами.

— Даже не знаю, что сказать... Понимаете, мистер Каннингхэм уговаривает меня поехать с ним в «Максим», а я не могу, ведь я уверена, что тете ужасно не понравилась бы эта затея. Мне нельзя самовольничать, вы согласны?

Сердце лорда Хартворта замерло от умиления. Прелестная Гардения смотрела на него чистыми глазами ребенка и ждала совета.

Внезапно между ними опять возникло нечто странное. Они неотрывно смотрели друг на друга и сознавали, что им не нужны слова.

Лорд Харткорт отвернулся первым.

— Я считаю, что вы сами должны решить, принимать вам приглашение моего кузена или нет, — сказал он.

— Я уже решила! Но мистер Каннингхэм крайне настойчив! — сообщила Гардения жалобно. — Я пытаюсь объяснить ему, что тетя очень добра ко мне и что я полностью от нее завишу и обязана делать все, чего она бы ни пожелала.

Лорд Харткорт цинично усмехнулся.

— А чего же желает ваша тетя?

Гардения не ответила. Ей вдруг вспомнились тетины слова: «Сегодня на чай к нам может прийти лорд Харткорт. Он очень порядочный, серьезный и богатый человек. Ни разу не слышала, чтобы о нем говорили как об участнике какого бы то ни было скандала. Постарайся держаться с ним учтиво и доброжелательно. Это очень важно».

— Вы не ответили, — напомнил лорд Харткорт. — Чего же хочет ваша тетя?

— Мне кажется... — Гардения на мгновение замолчала, не зная, как ей быть. Лгать она не умела, да и не видела в этом смысла. — Мне кажется, тете хочется, чтобы я скорее подружилась с вами, чем с вашим кузенком.

— Ах вот оно что! — Лорд Харткорт резким движением выбросил недокуренную сигару в сад. — Давайте все сразу выясним: я не играю в подобные игры, вам понятно?

Он решительными шагами удалился с балкона, оставив Гардению одну.

Она долго смотрела ему вслед, ничего не понимая, терзаясь мыслью, что ей не следовало быть с ним настолько правдивой. Он ушел, не сказав ни слова на прощание, поступив ужасно грубо.

Невыносимое чувство одиночества сковало ее сердце. Ей стало очень страшно, к глазам подступили горячие слезы.

Лорд Харткорт вышел в холл и попросил подогнать автомобиль.

«Какая нелепая ситуация, — подумал он. — Итак, герцогиня намеревается выбрать для своей племянницы покровителя.

Но почему ее выбор пал именно на меня? Конечно, для такой очаровашки, как Гардения, она может найти кого-то получше, чем Берти. С другой стороны, почему бы ей не попытаться подыскать для нее человека, вращающегося в приличных кругах? Раз уж эта девочка действительно чиста и непорочна...

Или ее светлость задумала просто продать свое сокровище, причем подороже?»

Болтали, будто у герцогини масса благодетелей. Уступить одного из них племяннице она, по всей видимости, не собиралась. Однако не пожалела денег на покупку для нее роскошных нарядов.

— Я сам сяду за руль, — сказал лорд Харткорт, когда его машину подкатили прямо к дому.

Шофер учтиво приподнял фуражку и зашагал прочь.

Лорд Харткорт чувствовал, что ему необходим свежий воздух. Изобилие ароматов в главной гостиной Лили де Мабийон до сих пор преследовало, и ему хотелось как можно скорее от него избавиться.

Мысль о молодой Гардении, которую пытались втолкнуть в его объятия, вызывала в нем отвращение.

«Бедное создание, — размышлял он. — Теперь, когда я поговорил с ней на чистоту, она расскажет обо всем тетке. А та примется искать для нее кого-то другого... Интересно, не барон ли затеял эту грязную игру?»

Барона лорд Харткорт не выносил. Но периодически был вынужден сталкиваться с ним по делам дипломатической службы. Этого человека отличали хвастовство и жестокость, а еще он с невероятной небрежностью относился к представительницам слабого пола. Что могла найти в нем хотя бы одна из них, пусть даже настолько деклассированная, как герцогиня де Мабийон, лорд Харткорт был не в состоянии понять.

Он ехал и раздумывал над тем, что против своей воли стал участником невообразимо странной истории. Ему вспоминалась Гардения — то до смерти перепуганная выходкой Андрэ, то слабая и беспомощная на диване в библиотеке, куда он отнес ее на руках, то в белом платье с бриллиантами...

Было что-то непостижимое в ее больших серых глазах, в аккуратном личике, озаренном внутренним сиянием. Казалось, все, что бы она ни сказала, непременно правда.

«Все это просто смешно, — твердо сказал себе лорд Харткорт. — Эта девица, даже если и впрямь чертовски наивна, давно поняла, кто такая ее тетка. А также то, что ни одна порядочная женщина не переступает порога дома Мабийон. Наверняка она прекрасно знает, почему герцогиня так страстно желает ее дружбы со мной. Естественно, знает! Актриса! Лгунья! Но я не попадусь в их сети! Пусть даже не рассчитывают на это. У меня есть Анриэтта, она меня вполне устраивает. О чем еще может мечтать нормальный мужчина?»

Он проехал несколько миль, почти не думая о дороге. А когда очнулся от размышлений, понял, что находится уже в Буа.

Остановив автомобиль возле одного из излюбленных ресторанов, он вышел на улицу и уже собрался направиться в него, чтобы чего-нибудь выпить, но заколебался.

В ресторане было слишком много народа. Из раскрытых окон раздавался оглушительный шум. Играл оркестр, но после восхитительных мелодий «Вентуры» эта музыка казалась безобразной.

Внезапно лорд Харткорт почувствовал, что хочет увидеть Анриэтту. Что в это мгновение ему нужна лишь она.

Анриэтта не пыталась выдать себя за кого-то другого, была такой, какой могла быть.

— *Des fleurs, Monsieur?* 19 — послышался откуда-то сбоку хриплый голос.

Лорд Харткорт повернул голову и увидел морщинистого цветочника с наполненной цветами корзиной.

— *Non, merci,* — ответил он, качая головой. Но тут же передумал. — А вообще-то продайте мне вот эти.

Он указал на белые цветы в углу корзины.

— Но они еще не уложены в букеты, *Monsieur,* — объяснил цветочник. — Моя дочь только что привезла их из деревни. Я продаю их по одному как украшение в петлицы.

— Я куплю их все, — сказал лорд Харткорт и протянул торговцу купюру в пять франков.

Лицо старика расплылось от радости.

Взяв букет, лорд Харткорт сел в машину и положил цветы на соседнее сиденье. И только когда

вновь тронулся с места и поехал по освещенной фонарями дороге, понял, что купил гардении.

Восхитительные белые цветы с еще не отрезанными зелеными листьями потрясающе пахли.

Гардении, подумал лорд Харткорт. И его мысли вновь закрутились вокруг странного существа, появившегося в доме герцогини де Мабийон.

Он прибавил скорости, мечтая поскорее оказаться в объятиях Анриэтты. Она не ожидала его приезда, поэтому их встреча обещала быть особенно яркой. Они расстались в семь вечера.

Провожая его до двери, Анриэтта, подобно котенку, прижималась к его плечу и умоляла не уходить так рано.

Он вспоминал об этих минутах, и его сердце все больше наполнялось нежностью.

Старый бульвар, на котором стоял ее дом, тонул во мраке ночи. Было тихо и пустынно.

Лорд Харткорт оставил машину у деревьев посередине улицы, пересек тротуар и открыл парадную дверь собственным ключом. Нетерпение и легкое возбуждение изрядно подняли ему настроение.

Обычно в холле его встречала аккуратная служанка. Анриэтта всегда ждала его наверху — в экзотических нарядах или обнаженная, как, например, вчера.

Сейчас в холле никого не было, и не горели лампы, но сквозь окно из сада внутрь дома лилось серебряное сияние фонарей. Лорд Харткорт бесшумно прошел к лестнице, покрытой мягким ковром.

Он был уверен, что в спальне Анриэтты свет не выключен.

В темное время суток она никогда не гасила ночник у кровати.

Отец в качестве наказания запирали ее ребенком в шкаф, и в ней до сих пор жил панический страх темноты.

Лорд Харткорт осторожно повернул дверную ручку и вошел в спальню любовницы, держа перед собой букет гардений.

Он хотел осыпать ими ее волосы, чтобы они пропитались чудесным цветочным ароматом.

В комнате действительно горел приглушенный свет. Кровать Анриэтты у дальней стены была скрыта атласным пологом. Виднелся лишь небольшой ее кусочек, усталый кружевными подушками. На них темнели рассыпавшиеся рыжие волосы. И лежала чья-то мускулистая рука...

«Анриэтта не одна!» — пронеслось в голове лорда Харткорта.

Прошло, наверное, несколько мгновений, показавшихся ему вечностью, прежде чем Анриэтта высунула из-за полога голову и испуганно вскрикнула.

— Простите меня за вторжение, — произнес лорд Харткорт ледяным тоном, который, как всем показалось, заморозил даже воздух в комнате.

— Mon Dieu! — вскрикнула Анриэтта. — Ты сказал, что сегодня больше не придешь!

Мужчина тоже выглянул. Это был человек средних лет с сединой на висках и широкими черными бровями. Его лицо выглядело до смешного растерянным.

Лорд Харткорт саркастически улыбнулся.

— Желаю вам обоим доброй ночи!

Он вышел из комнаты, плотно закрыл за собой дверь и начал медленно спускаться по лестнице.

Анриэтта завопила — пронзительно и неприятно.

Она еще долго будет орать, мрачно ухмыляясь, подумал лорд Харткорт. Будет поносить своего любовника, обвинять его во всех своих бедах...

Он сел в машину и на бешеной скорости помчался прочь, направляясь в сторону леса, желая уехать как можно дальше от пороков и извращений Парижа.

Он злился не только на Анриэтту, но и на себя — за то, что был таким идиотом. Если бы с нею в постели лежал сейчас человек молодой и красивый, его, наверное, не терзали бы столь страшные муки. Но с Анриэттой развлекался мужчина средних лет, а это означало, что ее интересовали лишь дополнительные деньги и драгоценности.

Лорд Харткорт презирал себя за то, что связался со столь ненасытной, столь алчной, столь бессовестной хищницей, за то, что был настолько глупым, настолько наивным.

Вспомнив о чеке, который ему предстояло выписать на оплату ожерелья, он прибавил газу. Ему ничего не стоило связаться с ювелиром и сказать, что сделка не состоится, но идти наперекор своим правилам он не хотел. Это ожерелье было его подарком Анриэтте, несмотря ни на что.

вернуться

19

Цветы, месье? (фр.)

«Надеюсь только, что в один прекрасный день эта чертова побрякушка ее задушит, — подумал он, стиснув зубы. — Никогда, больше никогда в жизни не стану связываться с продажными девками».

Ему вдруг стало отчетливо понятно, что любви или чего-то похожего на нее к Анриэтте он не испытывал никогда. Она восхищала его своей ослепительной красотой, но ее красота была не чем иным, как средством заполучения денег. Сейчас его сердце не разрывалось на части. Было тошно лишь от того, что он позволил так чудовищно себя одурочить.

На горизонте уже брезжил рассвет, когда лорд Харткорт повернул обратно и направился в сторону Парижа. Гнев и отчаяние, так больно опалявшие его душу некоторое время назад, постепенно остыли. На смену им пришла чудовищная усталость, и хотелось одного — добраться до кровати и забыться во сне.

«Выплюсь, а потом подумаю, как объяснить разрыв с Анриэттой друзьям, — решил он. — У них

непрерывно возникнет масса вопросов. Но правды я им не скажу. Может, это глупо, может, по-ребячьи, но, если надо мной станут смеяться, я сойду с ума...»

Когда Елисейские поля уже остались позади, он обратил внимание на наполнявший салон машины тонкий цветочный аромат. На переднем сиденье рядом с ним лежали предназначавшиеся для Анриэтты белые гардении. По-видимому, он машинально принес их обратно.

Справа от дороги взмывали вверх и спадали вниз хрустальными переливчатыми россыпями водяные потоки больших фонтанов Place de la Concorde. В них отражались первые лучи утреннего солнца.

Лорд Харткорт приостановил машину, открыл дверцу и, собрав цветы в небрежный букет, швырнул их в фонтан.

Они с мягким плеском опустились на поверхность воды и плавно расплылись в разные стороны, повернув головки к небу, расправив зеленые листья. Лорд Харткорт заметил, что некоторые из них еще не расцвели. Нежные и беззащитные, они казались воплощением естественной красоты. И — о, проклятие! — навязчиво напоминали о Гардении.

Глава седьмая

Лорд Харткорт появился в посольстве во второй половине дня в понедельник.

Воскресенье он провел у друзей-французов в загородном замке. Помимо него среди приглашенных были и другие англичане, ему это обстоятельство пришлось не по душе. С леди Рэмптон они встречались несколько раз в Англии. Увидеть ее в Париже, к тому же в сопровождении молодой дочери, он никак не ожидал.

Проведя всего несколько часов в замке, лорд Харткорт ясно понял, что леди Рэмптон смотрит на него как на отличного кандидата в зятя. Она была очаровательной женщиной и в свое время без труда завоевывала сердца мужчин, но внимание лорда Хартворта пыталась привлечь отнюдь не к себе, а к своей дочери.

Ее девица отличалась невиданной робостью, была безумно скучна и не желала прилагать ни малейшего усилия для достижения поставленной ее мамашей цели. Едва выдержав ее за обедом и на ловко устроенной леди Рэмптон прогулке по саду, лорд Харткорт страстно захотел вернуться в Париж и оказаться в каком-нибудь веселом месте, куда девушки на выданье и их заботливые родительницы не кажут и носа.

Поэтому в понедельник утром он сослался на множество дел, поблагодарил хозяев за гостеприимство и уехал, несмотря на то что планировал пробыть в замке дня два. Было ужасно жарко, и, устав в дороге, он явился в Париж в дурном настроении.

Проводить солнечные весенние дни в городе без особых на то причин — пустая трата времени. Поднимаясь на второй этаж здания посольства, где располагались его комнаты, лорд Харткорт хмурил брови. На работе его не ждали раньше вторника. Если бы не леди Рэмптон с ее невыносимыми махинациями, он мог бы еще целый день наслаждаться загородной природой.

Войдя в гостиную и бросив пиджак на спинку высокого стула, он приблизился к письменному столу, на котором лежала корреспонденция.

Его апартаменты в здании посольства были очень удобными. Они представляли собой многокомнатную квартиру с выходом в сад через отдельную дверь. Ключ от этой двери имелся только у него.

Письма на столе, принесенные секретарем, были, как обычно, разложены по трем аккуратным стопкам. Левая состояла из нераспечатанных посланий личного характера. Посередине лежали тоже нераспечатанные конверты — с разнообразными дипломатическими письмами. А справа — сообщения, уже прочитанные послом.

Лорду Харткорту хватило одного взгляда на левую стопку, чтобы понять, кем написано большинство из находившихся в ней писем. От других посланий эти конверты отличали розовато-лиловый цвет и замысловатая монограмма. А еще запах любимых духов Анриэтты — он наполнял всю комнату.

Посчитав письма, лорд Харткорт усмехнулся.

— Целых четыре штуки! Бедняжка Анриэтта! По-видимому, она сочиняла эти эпистолы целое воскресенье!

Он взял все четыре письма, бросил их в мусорную корзину и раскрыл настежь окно. Легкий ветерок, ворвавшись в комнату, беспощадно рассеял последнее напоминание о Анриэтте.

— С прошлым покончено, — пробормотал лорд Харткорт, налил себе стакан «Перье», залпом выпил его и сел за письменный стол. — Раз уж я вернулся так рано, пожалуй, немного поработаю. Для развлечений еще не время, а о женщинах на время хочется вообще позабыть.

Он распечатал и просмотрел остальные из писем личного характера. В основном это были приглашения на вечеринки, приемы и суаре. Их прислали давно знакомые и порядком надоевшие люди.

Званные вечера в любом из домов проходили по одному и тому же сценарию — хозяйева дарили гостям улыбки, собравшиеся обменивались ничего не значащими любезностями.

Лорд Харткорт устало зевнул и распечатал верхнее письмо из второй стопки.

Послышался стук в дверь.

— Войдите, — крикнул лорд Харткорт, не поворачивая головы.

— Мне только что сообщили, что вы вернулись раньше, чем планировали, — прозвучал хорошо знакомый голос.

Лорд Харткорт вскочил на ноги.

— Добрый вечер, ваше превосходительство! Извините, я не подумал, что это вы.

— Я не ждал вас раньше вторника, — спокойно произнес посол. — Но очень рад, что вы уже здесь. Мне нужно обсудить с вами ряд вопросов.

— Почему вы не послали за мной раньше? — спросил лорд Харткорт.

— В этом не было большой необходимости, — ответил посол. — Я только что вернулся из «Трэвеллерс Клуб», обедал там. Джарвис сообщил мне, что вы уже у себя, и я решил вас навестить. Не прогоните незваного гостя?

— Что вы! — воскликнул лорд Харткорт с радушием гостеприимного хозяина. — Я всегда рад видеть вас у себя.

Посол улыбнулся и опустился в глубокое кресло.

— Должен сообщить вам, Харткорт, что наши дела весьма плохи.

Лорд Харткорт вопросительно приподнял бровь.

— Хуже, чем обычно?

— Намного хуже. Кайзер ведет двойную игру. В настоящий момент Германия занимается производством дополнительных дредноутов.

— В каком количестве, ваше превосходительство? — спросил лорд Харткорт встревоженно.

— Насколько мне известно, в количестве четырех штук, — ответил посол. — Реджинальд МакКенна в ходе своего недавнего выступления потребовал, чтобы и наша сторона занялась изготовлением четырех дополнительных дредноутов. Мы не должны уступать немцам в силах. Король же заявил, что нам следует произвести не четыре, а восемь броненосцев!

— Но на это потребуются огромные средства, — заметил лорд Харткорт. — Англия не может себе этого позволить.

— То же самое твердят оппозиционеры, — устало сообщил посол. — По их мнению, в первую очередь государство должно решить проблемы социального обеспечения. Но нам нужны эти дредноуты! И они у нас будут, несмотря ни на что!

— Что вы имеете в виду? — спросил лорд Харткорт.

— Анштрудтер вернулся из Берлина вчера вечером. Он рассказал мне, что в настоящее время одним из любимых тостов немцев является «Der Tag» 20.

— Они пьют за тот день, в который одержали над нами победу? — догадался лорд Харткорт.

вернуться

20

День (какой-то определенный день) (нем.).

— Совершенно верно. — Посол кивнул. — Немцы всегда ненавидели нас.

— Это всем известно, — медленно и хмуро произнес лорд Харткорт.

— Видит Бог, наш король предпринял все возможные меры для улучшения отношений с Германией, — сказал посол. — Но ситуация лишь сильнее накаляется. Я подумал, что должен обо всем рассказать вам.

— Спасибо за доверие, ваше превосходительство, — ответил лорд Харткорт.

Посол поднялся с кресла.

— И еще одно: немцы сменили шифры, поэтому, естественно, и нам пришлось сделать то же самое. Пока что нам сообщили только военно-морские. Не думаю, что они нам очень пригодятся. Через несколько дней обещают прислать и дипломатические.

— Сколько времени нам потребуется на взлом их новых шифров? — спросил лорд Харткорт.

— Сложно сказать, — ответил, сильно хмурясь, посол. — В последнее время наши секретные службы работают на удивление неэффективно. По словам Анштрудтера, нанять кого-то в Берлине становится все сложнее и сложнее. Те люди, которые работают на нас в данный момент, соглашаются выполнять лишь маловажные поручения. Когда я буду в Англии в следующий раз, я встречу и побеседую с МИ-6.

— Хорошая мысль, ваше превосходительство, — сказал лорд Харткорт. — Полагаю, французское правительство знает о том, что происходит?

— Французы и не пытаются замаскировать свою ненависть ко всей немецкой расе, — произнес посол. — В каком-то смысле это им даже помогает. Мы же притворяемся, что относимся к Германии по-дружески, и ждем ей руку, прекрасно сознавая, что эта рука готова в любой момент направить на нас дуло пистолета.

— Верно сказано, — безрадостно пробормотал лорд Харткорт.

— Если к вам пожалует Тюбор, член французской разведывательной службы, можете разговаривать с ним предельно честно. Он отличный человек и прекрасно знает свое дело. Я с удовольствием сказал бы то же самое и о наших ребятах, но увы...

Посол развел руками и направился к выходу.

— Вам нравится ваша новая работа, Харткорт? — спросил он, приблизившись к двери и повернув голову.

— Очень нравится, ваше превосходительство. Я занимаюсь ею с большим удовольствием, — искренне ответил лорд Харткорт.

Утомленное лицо посла немного прояснилось.

— Рад это слышать. И весьма доволен, что у меня есть такой работник, как вы, Посол торопливо вышел.

Лорд Харткорт закрыл за ним дверь и вернулся за письменный стол. В письме, которое перед приходом его превосходительства он успел лишь распечатать, были новые военно-морские шифры.

Прошло не больше получаса, как в дверь вновь постучали.

На пороге появился Берти.

— Джарвис только что сообщил мне, что ты уже вернулся! — возбужденно прокричал он. — Я думал, раньше вторника ты не появишься. Что произошло? Размеренная загородная жизнь показалась тебе скучной?

— Нестерпимо скучной, — ответил лорд Харткорт.

— Ты уже слышал, что здесь творилось в твое отсутствие? — спросил Бертрам все так же

оживленно.

— И что же? — невозмутимым тоном поинтересовался лорд Харткорт.

— Вчера сюда приходила Анриэтта. Целых четыре раза! И ни в какую не верила, что тебя нет. Джарвису пришлось помучиться!

— Неужели? — произнес лорд Харткорт нарочито бесстрастным тоном.

— Это еще не все! — продолжал Берти. — Весь Париж болтает о том, что прошлой ночью Анриэтта пыталась покончить с собой. Приняла огромную дозу снотворных. Ее увезли в больницу.

К великому разочарованию Бертрама, на лице его кузена не отразилось ни ужаса, ни торжества, ни изумления. Он лишь пожал плечами и продолжил разбираться с письмами.

— Черт возьми, Вейн! — воскликнул Бертрам. — Мне кажется, ты должен реагировать на мои слова несколько по-иному! В конце концов, Анриэтта твоя подруга! Если она решилась на столь отчаянный поступок, значит, с ней случилось что-то страшное!

Лорд Харткорт спокойно отложил в сторону письмо и взглянул на брата.

— Дорогой мой Берти, ты не так давно в Париже, чтобы знать все его секреты. Что ж, я тебя просвещу: имитация самоубийства — излюбленный трюк всех представительниц *demi-monde*. Таким образом они пытаются добиться той или иной желаемой цели либо возвращают покровителя, которому надоели, понимаешь? — Он выдержал непродолжительную паузу, дав Берти время прийти к соответствующим выводам. — Они принимают перед сном такое количество таблеток, умереть от которого практически невозможно, разве только впасть в непродолжительную кому, но предварительно извещают о своих намерениях самых близких друзей, которые утром и обнаруживают их. За ними приезжает «скорая помощь», и в больнице в цветах, рюшках и облаке духов они дожидаются своего заупрямившегося благодетеля и снова обольщают его.

— Неужели подобное возможно? — ошарашенно спросил Бертрам.

— Еще и как возможно, — ответил лорд Харткорт невозмутимо. — Скажу больше: это даже модно. Но о Анриэтте я был лучшего мнения.

— Ты хочешь сказать, что бросил ее?

— Я ничего не хочу сказать. — Лорд Харткорт откинулся на спинку стула.

— Ты поразительно высокомерен, Вейн! — закричал Бертрам возмущенно. — Что ты о себе воображаешь? Думаешь, тебе позволено все? Еще в пятницу вечером, находясь рядом с тобой в «Максиме», Анриэтта выглядела вполне счастливой. А сорок восемь часов спустя попыталась добровольно уйти из жизни! Ты чем-то ее обидел, это же очевидно!

Лорд Харткорт ничего не ответил. И Бертрам продолжил:

— Будь же хоть чуточку человечнее, Вейн! Я сгораю от любопытства и хочу знать, что между вами произошло. Весь Париж ждет от тебя объяснений. И ты обязан предоставить их нам, нравится тебе это или нет!

— Хорошо, — сказал лорд Харткорт. — Наша связь с Анриэттой окончена. Поспешите сообщить об этом всем издателям газет.

— Я ничего не понимаю! — Бертрам покачал головой. — До недавнего времени ты был очарован Анриэттой. В пятницу она появилась в ресторане в подаренном тобой дорогим ожерелье. В чем дело, Вейн?

— У меня нет ни малейшего желания обсуждать свою личную жизнь с кем бы то ни было, — ответил лорд Харткорт категорично. — И никому не советую пытаться что-то из меня выудить.

Бертрам осклабился.

— Мне просто жутко интересно, что между вами произошло. Неужели тебе трудно поделиться со мной?

— Ты никогда ни о чем не узнаешь, — холодно и твердо произнес лорд Харткорт.

— Ты упрям, как осел, Вейн! — вспылил Бертрам. — От меня-то ты мог бы ничего и не утаивать! Я был уверен, что все от тебя узнаю.

— Ты ошибался, — спокойно сказал лорд Харткорт.

— Не понимаю, почему ты так изменился, — задумчиво протянул Берти. — Когда-то ты был замечательным парнем.

— Правда?

— Я не имею в виду детскую пору, а также годы, проведенные вместе в Итоне. Я говорю про то время, когда мы оба уже повзрослели. Помню, ты возил меня по Лондону и относился ко мне настолько по-дружески, что эти дни запечатлелись в моей памяти как один из наиболее приятных периодов жизни.

Направляясь в Париж, я рассчитывал на то, что ты будешь так же рад моему здесь присутствию. Но теперь ты совсем другой.

— Я такой же, как прежде, — терпеливо ответил лорд Харткорт. — Но не люблю, когда кто-то сует нос в дела, касающиеся только меня одного. О своих отношениях с женщинами я не разговариваю ни с кем, пойми.

Бертрам медленно кивнул:

— Возможно, в этом ты и прав. Но происходит что-то странное, и мне очень хотелось бы во всем разобраться! Эта выходка Анриэтты, ее вчерашние попытки тебя разыскать... А еще этот нелепый субботний вечер! Ни с того ни с сего все вдруг пошло наперекосяк...

— Что ты имеешь в виду? — Лорд Харткорт насторожился.

— В тот вечер, когда я вышел вслед за мисс Уидон на балкон, тебя уже не было. А она едва не плакала. Что ты ей сказал?

— Едва не плакала? — переспросил лорд Харткорт, уклоняясь от ответа.

— На балкон вышли еще гости, — продолжил рассказывать Бертрам. — Мисс Уидон тут же сказала, что у нее болит голова, извинилась и ушла. Ты испортил мне вечер, Вейн.

Лорд Харткорт насупился.

— Извини, — пробормотал он.

— Вообще-то все было не так уж и плохо, — поспешно добавил Бертрам. — Я познакомился с премилой крошкой. Она пришла на вечеринку с дипломатическими представителями из России. У нее большие глаза и высокие скулы, ну, ты знаешь этот славянский тип лица. — Его глаза заискрились. — После вечеринки, не найдя ее сопровождающих, мы поехали ко мне. Я сделал для себя невероятное открытие: в русских женщинах есть нечто такое, чего не найдешь ни в одной из француженок!

— Я рад, что ты хорошо провел время, Берти. — Лорд Харткорт улыбнулся.

— Конечно, с английской пташкой все обещало быть интереснее, но увы... — Бертрам шумно вздохнул. — Знаешь, мне кажется, что герцогиня решительно настроена не подпускать меня к своей племяннице. Не зря ведь она сразу отправила ее танцевать с тобой, когда мы только пришли.

— Боюсь, Лили считает тебя недостаточно богатым или недостаточно важным человеком, — сказал лорд Харткорт.

— Полагаешь, она отдаст свою Гардению тому, кто назначит за нее наивысшую цену? — спросил Бертрам. — Это просто омерзительно, не находишь?

Лорд Харткорт пожал плечами. И произнес неожиданно резким тоном:

— Ты дашь мне возможность спокойно поработать, Берти?

Если ты намереваешься остаться, то, будь добр, веди себя тихо.

Если собираешься продолжать болтать, я выставлю тебя вон.

— Раз уж на то пошло, — ответил Бертрам раздраженно, — я уйду сам. Ты еще пожалеешь, что обошелся со мной так неучтиво. Сиди со своей работой, а я направлюсь прямехонько к герцогине де Мабийон и взгляну на ее племянницу. Не держит же она ее под замком!

— Если бы ее светлость увидела остаток твоего банковского счета, тогда и на порог бы тебя не пустила, — злобно буркнул лорд Харткорт.

Бертрам вылетел из его комнат, громко хлопнув дверью.

Сильно нахмурившись, чувствуя себя крайне отвратительно, лорд Харткорт вновь занялся работой.

А герцогиня де Мабийон тем временем читала своей племяннице лекцию.

— Старайся быть более обаятельной. Скромностью и косноязычием ничего не добьешься в жизни. Мужчины в Париже любят развлечения, а если ты не желаешь их развлекать, то они и не станут тратить на тебя время. Вокруг множество других хорошеньких девушек.

— Я стараюсь, — пробормотала Гардения несчастно.

— Мне очень не понравилось, как только что в парке ты разговаривала с Андре де Гренэлем, — продолжила ее тетя. — А ведь он довольно богатый молодой человек, сын известной парижской

семьи!

— Этот де Гренэль слишком много пьет, — ответила Гардения. — И постоянно меня оскорбляет. Вот и в субботу на вечеринке он сказал мне нечто такое, что показалось мне крайне неприятным.

Герцогиня откинулась на спинку кресла. Ее лицо внезапно сделалось очень усталым.

— Когда-то, девочка моя, каждой женщине следует научиться терпеть мужчин и принимать их такими, какие они есть.

Что-нибудь отрицательное можно найти в каждом из них. Одни слишком много пьют, другие обожают играть в азартные игры, у третьих несносный характер.

— Я обещаю, что попытаюсь исправиться, — сказала Гардения, подходя к креслу герцогини и опускаясь на ковер возле ее ног. — Я так благодарна вам за вашу безграничную доброту, тетя Лили, и несказанно рада, что у меня теперь есть красивые платья. Но я не могу отделаться от одного гнетущего чувства...

Я как будто не в своей тарелке. Наверное, это связано с тем, что я воспитывалась и жила в совершенно другой обстановке — в тишине и спокойствии нашей деревни... А здесь... Здесь я зачастую не знаю, как себя вести. Нередко я не понимаю, что говорят мне ваши знакомые, вернее, не понимаю, что они имеют в виду. А еще мне кажется, что я очень не нравлюсь барону...

Произнося последние слова, она особенно сильно нервничала. Недовольство барона ее присутствием в этом доме постоянно не давало ей покоя, а заговорить об этом с тетей было страшно. Тем не менее молчать она больше не могла.

— Барон сказал тебе что-нибудь обидное? — резко спросила герцогиня.

— Нет-нет... Ничего особенного он мне не говорил... — Пролепетала Гардения. — Но у меня такое чувство...

— В таком случае никаких чувств у тебя не должно быть! — отрезала герцогиня. — Барон очень сложный человек, иногда даже мне крайне трудно его понять. Но он умен и влиятелен и имеет много нужных связей в Париже. Поэтому ни о чем не задумывайся, просто постарайся не мешать ему, вот и все, что от тебя требуется. Он любит отдыхать в этом доме.

— А свой дом у него есть? — спросила Гардения.

— Барон живет в здании посольства, — ответила герцогиня.

Последовало непродолжительное молчание.

— А он женат? — осмелилась полюбопытствовать Гардения.

— Конечно, женат! — воскликнула герцогиня, поднимаясь на ноги. — Его супруга занимается управлением принадлежащих им владений в Северной Пруссии. У них четверо детей.

Насколько ты понимаешь, барон весьма почтенный человек.

— Понимаю, — пробормотала Гардения.

На самом же деле она совершенно ничего не понимала.

Если у барона была жена, да еще и четверо детей, почему тогда он постоянно крутился возле тети Лили? Почему вчера вечером, когда она зашла в маленькую гостиную и застала их там вдвоем, этот тип торопливо убрал руки с тетиной талии и почему у тети было такое лицо, будто ее только что страстно поцеловали?

До разговора, который состоялся пару минут назад, Гардения думала, что тетя Лили планирует выйти за барона замуж. В конце концов, ничто не мешало ей вступить в брак еще один раз. И потом, каким бы неприятным ни был барон, он мог бы заботиться о ней, а еще прекратить устраиваемые ею шумные вечеринки — на них уходили слишком большие деньги, и они были совершенно бессмысленными.

Гардения поднялась с пола. Герцогиня подошла к камину и принялась с излишним усердием расправлять гвоздики в большой вазе.

— Я должна кое-что объяснить тебе, Гардения, — сказала она изменившимся голосом. — С тех пор как умер мой муж, я не раз оказывалась в чрезвычайно затруднительных ситуациях.

Барон очень помог мне однажды — дал бесценный юридический совет.

— Теперь я все понимаю, — торопливо проговорила Гардения. — Конечно, то, что этот человек так часто приходит к вам в гости, казалось мне несколько странным, но ведь я не знала, что он оказывает вам помощь.

— Барону очень одиноко в Париже, — продолжила герцогиня, ниже склоняясь над цветами. — его жена и дети далеко, здесь он чужой. К тому же французы не любят немцев. — Она немного помолчала. — Барон уязвимый человек, и каждое нелестное высказывание французов в адрес Германии и ее народа отдается в его сердце болью.

Гардения ничего не ответила. Вообразить себе барона уязвимым и несчастным представлялось ей невозможным. Держался он всегда властно и нагло и не вызывал в ней ничего, кроме отвращения.

«Может, я слишком жестока, — подумала она. — Тетя знает этого человека гораздо лучше и наверняка неспроста говорит мне все эти вещи».

— Прощу вас, извините меня, тетя Лили. Я завела речь о бароне вовсе не из пустого любопытства, — сказала она. — Мне хотелось все понять, чтобы не наделать ошибок.

— Я знаю, детка, — ответила герцогиня тихим голосом. — Ни о чем не волнуйся. И, пожалуйста, будь полюбезнее с лордом Харткорттом. Он очень порядочный и очень богатый молодой человек.

Гардения густо покраснела.

— О, тетя. О лорде Харткортте я тоже хотела поговорить с вами, — пробормотала она несмело. — Видите ли, скорее всего ему кажется, что вы задумали сделать его моим женихом...

— Это он тебе сказал? — резко и строго спросила герцогиня.

— В некотором смысле... — ответила Гардения испуганно. — В общем-то я сама во всем виновата. Ляпнула ему, что вы желаете видеть нас друзьями... И только после поняла, что

допустила чудовищную оплошность. Мне очень стыдно, тетя Лили. Но... — Она выдержала паузу, собираясь с духом. — Я не хочу выходить замуж за человека, к которому не буду испытывать любви.

— Гардения, ты должна выйти замуж, — сказала герцогиня. — Все, чего я хочу, так это подобрать для тебя достойного и богатого человека, который смог бы о тебе заботиться, с которым ты поняла бы, что такое настоящее счастье. Другого пути у тебя нет. Быть гувернанткой или компаньонкой — это сущее проклятие. Занимающиеся этим женщины ненавидят свою жизнь и не знают никаких радостей. Тебе следует выйти замуж и чем быстрее, тем лучше.

— Но к чему такая спешка, тетя Лили? — спросила Гардения. — Рано или поздно я повстречаю человека, которого полюблю. С ним и свяжу свою судьбу.

— Ты не можешь терять время. Гардения. — Герцогиня серьезно посмотрела в глаза племяннице. — Я не буду объяснять почему, просто доверься моему опыту. Я дам тебе роскошное приданое, а когда умру, оставлю тебе все, что имею.

Любого нормального мужчину одно это должно привлекать.

На протяжении нескольких мгновений она разглядывала Гардению в задумчивости. Потом продолжила:

— А ты еще и красивая, девочка моя. И я хочу, чтобы ты вышла замуж удачно, искренне хочу. И тогда...

Она внезапно замолчала и махнула рукой.

— Об этом не будем. Надеюсь, ты все поняла. Если хочешь, чтобы я поменьше расстраивалась, выполняй то, о чем я тебя прошу, — веди себя учтиво и дружелюбно с теми мужчинами, на которых я тебе указываю. Это, например, Андрэ де Гренэль и, конечно, лорд Харткорт. Не говори им о моих замыслах, просто постарайся стать для них необходимой и желанной.

Гардения молча смотрела в пустоту. Как ей хотелось рассказать тете о своей давней мечте: встретить в один прекрасный день человека, который полюбил бы ее всей душой. И которому она смогла бы ответить взаимностью. Но тетя не поняла бы ее.

Разговоры о богатстве и положении в обществе были ей отвратительны, но она не смела сказать об этом вслух.

— А как мне следует относиться к Бертраму Каннингхэму?

Он не кажется вам подходящей для моего жениха кандидатурой?

— Не кажется. Но лучше Каннингхэм, чем никто, — устало ответила герцогиня. — Он из хорошей семьи, но второй сын, не старший. Лорду Харткорту доводится всего лишь кузенком. Было бы обидно отдать тебя такому, ты ведь очень хорошенькая.

— Ему страстно хочется со мной подружиться, — сообщила Гардения.

— Тогда подружись с ним, — сказала герцогиня неожиданно. — Говоришь, он желает, чтобы ты съездила с ним на прогулку? Съезди. Но не одна. Пусть с вами будет кто-нибудь третий. Вовсе не обязательно, чтобы тебя сопровождала женщина. Сойдет и мужчина. К примеру, лорд

Харткорт.

Внезапно усталость и недовольство исчезли с ее лица.

— Этот план тебе нравится, глупышка? — спросила она. — Иди и напиши мистеру Каннингхэму любезное письмо. Скажи, что я смягчилась и позволила тебе погулять с ним. Но при одном условии: если с вами поедет кто-нибудь третий. Не упоминай лорда Харткорта. Пусть Каннингхэм сам решит, кого ему взять с собой. Уверена, это будет его кузен.

Гардения чуть не сказала, что после неприятной субботней беседы с лордом Харткортом не желает ехать с ним на прогулку, но смолчала. Тетю это только рассердило бы. А еще она чего доброго потребовала бы рассказать о том их разговоре более подробно.

Гардения не хотела вспоминать о нем. От этого ее сердце начинало биться так же учащенно, как в тот ужасный вечер, а душа — так же болеть.

— Ступай и напиши письмо, — сказала герцогиня. — А я велю отвезти его в посольство.

— Хорошо, тетя Лили, — послушно ответила Гардения.

Перейдя в кабинет, располагавшийся рядом с маленькой гостиной, она села за стол, взяла лист бумаги, украшенный гербом, положила его на промокательную бумагу и уставилась в одну точку, погрузившись в раздумья.

«Все это не правильно, — размышляла она. — Девушке моего возраста не следует писать письмо молодому человеку, напрашиваясь на совместную с ним прогулку. Даже после того, как она ответила отказом на его приглашение. Маме это страшно не понравилось бы. Равно как и вечеринка в субботу вечером, и барон, и шумные женщины за ужином, и те люди, с которыми тетя разговаривала сегодня в парке».

Они остановили машину у каштанов и вышли на улицу.

Вокруг герцогини тут же образовалась толпа желающих поболтать. Подошедшие к ней мужчины были, бесспорно, восхитительными. Но их поведение отличалось некоторой беспардонностью. Когда тетя представила им Гардению, они принялись разглядывать ее самым оскорбительным образом. Она чувствовала себя так, будто прямо в парке на виду у всех ее полностью раздели.

И почему ей все не нравилось? Почему происходившее вокруг вызывало в ней неприятие и ошеломление?

Дом, в котором она теперь жила, был великолепным. Мебель и отделка в нем представляли собой образцы лучших творений известных мастеров современности. Тем не менее разодетые в кричащие наряды и драгоценности гости, которые этот дом посещали, пугали ее своим вульгарным поведением и безумными выходками.

«Наверняка далеко не все парижские женщины ведут себя так, как тетины знакомые, — думала Гардения. — Быть может, она общается с худшими из них? Но такое вряд ли возможно.

Ведь моя тетя — герцогиня».

— Я ничего не понимаю, абсолютно ничего, — еле слышно прошептала она, обращаясь к пустоте. — Это нелепое письмо мистеру Каннингхэму... Что бы мама посоветовала написать

ему?

С ее губ слетел тяжелый вздох. Мама умерла. А тетя была полна энергии и планов.

Медленно и нехотя она вывела на лежавшем перед ней листе:

Уважаемый мистер Каннингхэм!

Тетя решила, что я могу принять ваше любезное предложение прогуляться по Буа. При единственном условии: если кто-нибудь из ваших друзей согласится сопровождать нас.

Искренне ваша

Гардения Уидон.

Гардения перечитала письмо. Потом еще раз. Ей хотелось, чтобы оно получилось более формальным и сдержанным, но она не могла подобрать нужных слов, чтобы изменить его.

Поэтому после продолжительных раздумий решила, что оставит все как есть, запечатала свое послание в конверт, вышла из комнаты и направилась обратно в маленькую гостиную.

Дверь в ней была приоткрыта. Гардения услышала знакомый грудной голос и сразу поняла, что с тетей барон.

— О, Генрих, — сказала герцогиня томным голосом. — Я так рада, что ты пришел. У меня был трудный день.

— Говоришь, рада, что я пришел? — спросил барон игриво. — Тогда почему мы теряем время?

Гардения быстро вернулась в кабинет. Как только дверь бесшумно закрылась за ней, в коридоре послышался довольный смех герцогини и звук удалявшихся к лестнице шагов.

На протяжении нескольких минут Гардения стояла, не двигаясь.

«У меня был трудный день», — вновь и вновь звучали в ее ушах слова герцогини.

«Почему тетя так сказала? — думала она, терзаемая неприятными ощущениями. — Потому что провела этот день со мной?

Потому что я осмелилась задать ей волновавшие меня вопросы? Наверняка поэтому... Зачем я извожу себя? Мучаю предположениями и догадками? Пытаюсь найти ответы на все возникающие в голове вопросы?»

С отвратительным чувством вины — вины непонятно в чем — она медленно вышла в холл. Двое лакеев стояли на своих обычных постах.

Гардения приблизилась к одному из них.

— Это письмо необходимо срочно доставить в английское посольство, — сказала она.

Глава восьмая

— Быстрее, быстрее! — кричала Гардения Бертраму, управлявшему своими красавицами лошадьми. Они мчали черно-желтый экипаж по пыльным, почти пустым дорогам Буа.

— Если вам так нравится быстрая езда, вы должны позволить Берти покатать вас на «пежо», — сказал лорд Харткорт.

— Когда тебя везут лошади, это гораздо интереснее! — заявила Гардения. — И кажется, что они умеют бегать проворнее любого автомобиля.

Бертрам рассмеялся.

— Многое зависит от воображения. У меня, например, иногда возникает такое ощущение, что я уже пробовал летать на аэроплане.

Лорд Харткорт хмыкнул.

— На аэроплане!

— Вчера вечером я разговаривал с одним человеком по имени Густав Хаммель, — сообщил Бертрам. — Этот парень намеревается побить рекорд Блерио и долететь до Англии за половину затраченного им времени. И, знаешь, Вейн, в этом что-то есть! Не исключено, что через несколько лет у каждого из нас появится возможность на чем-нибудь полетать.

— Как все это интересно! — воскликнула Гардения. — Когда мы с мамой читали о полете мсье Блерио через Ла-Манш, у нас по коже бегали мурашки. По-моему, Франция всегда в чем-нибудь опережает остальные страны.

— Не всегда! — возразил Берти. — Старушке Англии тоже есть чем похвастаться. Ты со мной согласен, Вейн?

— Отчасти, — ответил лорд Харткорт. — Если говорить о достижениях в авиации, французы, несомненно, ушли от нас далеко вперед.

— Я с удовольствием познакомилась бы с мсье Блерио, — сказала Гардения мечтательно. — Может, кому-нибудь из вас доводилось встречаться с этим человеком?

— Я могу представить вас Густаву Хаммелю, — ответил Бертрам. — Он знает Блерио. А еще — одного англичанина, сделавшего значительный вклад в развитие авиации. Его зовут Клод Грэхам-Уайт.

— Полагаю, что дамы поднимутся в небо еще очень не скоро, — усмехнулся лорд Харткорт.

— О, перестаньте, прошу вас, — взмолилась Гардения с шутливой серьезностью. — Если вы разовьете эту тему, то скоро я примкну к рядам суфражисток 21.

— Эти дамочки просто сумасшедшие, — сказал Бертрам с чувством. — Выкидывают свои безумные номера непонятно ради чего. Привязывают себя к заборам, кричат перед зданиями парламента и позорят тем самым всех представительниц прекрасного пола.

— Что касается меня, я, конечно, не решилась бы на столь отчаянные поступки ради получения права голоса, — произнесла Гардения рассудительным тоном. — Но считаю, что женщины должны иметь больше свободы. Только подумайте, ими постоянно кто-то управляет! Сначала родители, потом муж!

— Вас я ни за что не держал бы в рамках, — тихо сказал Бертрам.

— Спасибо. — Гардения бросила на него косой взгляд. — Но если бы тетя решила не пускать меня на эту прогулку, я не ехала бы сейчас с вами.

— А почему она передумала? — спросил Бертрам, искусно заставляя лошадей обогнуть две машины, стоявшие у обочины.

— Не знаю, — быстро ответила Гардения, не желая заострять внимание на обсуждении тетиных замыслов. — Вероятно, потому что все женщины непредсказуемы.

Бертрам рассмеялся.

— В этом я с вами абсолютно согласен. Сам нередко приходил к подобному выводу. А ты, Вейн? Что ты можешь сказать по поводу женской непредсказуемости?

Лорд Харткорт не ответил, сделав вид, что вообще не расслышал вопроса кузена.

— Взгляните внимательнее на лошадей Бертрама, мисс Уидон, — сказал он, переводя беседу в другое русло. — Правда, бесподобные животные?

— Я от них в восторге! — призналась Гардения. — Замечательно, что мистер Каннингхэм до сих пор ездит в запряженном лошадьми экипаже. Теперь большинство горожан предпочитают автомобили старым добрым коляскам.

— Но самые щеголеватые из молодых людей все еще не выпускают из рук поводьев, — заметил лорд Харткорт с улыбкой. — Мимо некоторых из конкурентов Берти мы проезжали сегодня. Вы заметили, какие отличные у них скакуны?

— Больше всего мне нравятся эти лошадки. — Гардения кивнула вперед, указывая на черных кобыл Бертрама.

Берти просиял.

— Спасибо, Гардения. Вы меня порадовали. В последнее время я слышу не так много приятных слов.

— Только не балуйте его, мисс Уидон! — с шутливой серьезностью сказал лорд Харткорт. — А не то он задерет нос.

Гардения рассмеялась. Она не ожидала, что прогулка окажется настолько увлекательной. Было нечто бодрящее и захватывающее в езде в этом модном и в то же время довольно нелепом экипаже. Она сидела на высоком сиденье в обществе двух симпатичных молодых людей и чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете.

На ней было розовое платье из крепа, отделанное на воротнике и манжетах голубой лентой, плотно облегающее талию, и почти детская шляпка с букетом шелковых розочек.

На ее щеках играл румянец, а глаза оживленно горели.

— Я счастлива! — воскликнула она, поддавшись силе внезапного порыва.

Лорд Харткорт, ясно услышавший трепетную дрожь в ее голосе, повернул к ней голову и улыбнулся.

— Я начинаю верить, что вы можете почувствовать себя счастливой из-за настоящих малостей.

Гардения пожала плечами.

— Но ведь так оно и есть. Все люди устроены почти одинаково. Человек в состоянии мужественно и бесстрастно переносить серьезные лишения и невзгоды, а что-то радостное, совсем незначительное, нередко трогает его настолько, что хочется плакать.

Она говорила так пылко и взволнованно, что лорд Харткорт почувствовал себя несколько неловко.

Он долго не соглашался ехать с Бертрамом, не желая быть сводником. Но тот не отвязался бы, пока не добился бы своего.

— Умоляю тебя, Вейн! Ты ведь прекрасно понимаешь, что герцогиня не отпустит со мной свою малышку, если рядом не будет тебя, — сказал он, уговаривая кузена выполнить его просьбу. — Наверняка этим ходом ее светлость планирует подобраться поближе к тебе. Съезди со мной всего один раз, а потом я что-нибудь придумаю! Ну же, соглашайся! И я тут же напишу Лили письмо. Сообщу, что завтра утром мы с тобой заедем за ее Гарденией.

— У меня нет ни малейшего желания быть няней двух влюбленных, — сопротивлялся лорд Харткорт. — Разбирайся со своими романами сам, Берти.

— В том-то все и дело: ни о каком романе не будет и речи, если ты так и не согласишься мне помочь.

После столь честного признания лорд Харткорт сдался, хотя ужасно не хотел быть третьим лишним.

Подъезжая утром к дому герцогини, он с раздражением думал о том, что должен тратить драгоценное время на всякие глупости, но, когда увидел сбегающую вниз по ступеням Гардению, похожую на нераспустившуюся розу, напрочь забыл о своем недовольстве. Она была восхитительна и даже не пыталась скрыть, что ждет предстоящей прогулки с большим нетерпением.

— Почему вчера вы не пришли на ужасную тетину вечеринку? — поинтересовалась она, поздоровавшись.

— Вы ведь сами говорите, что вечеринка была ужасной, — ответил Берти, улыбаясь. — Значит, хорошо, что мы на нее не пришли.

Гардения уже не помнила грубости лорда Харткорта и того, что по его милости в субботу ей пришлось лечь спать в слезах.

Она знала одно: что эти два англичанина — ее друзья. И единственные в Париже люди, с которыми можно непринужденно и по-дружески поболтать.

— Почему же вчерашняя вечеринка была ужасной? — поинтересовался лорд Харткорт.

Гардения повернулась к нему. Ее выразительное лицо выглядело серьезным.

— Если бы я могла ответить на этот вопрос! Я множество раз задумывалась над тем, что мне не нравится, но так ничего и не поняла. Просто гости были какими-то странными, и тетя Лили

слишком рано отправила меня спать. Сразу после ужина.

— Только не говорите, что обаятельные черноглазые французы, которые так любят делать дамам комплименты, прились вам не по вкусу, — поддразнил Бертрам. — Женщины обожают представителей латинской расы именно потому, что они большие мастера говорить приятные вещи.

— В эти вещи трудно поверить, потому что их произносят весьма неискренне, — пробормотала Гардения, хмуря брови.

— А мне вы верите, когда я делаю вам комплименты? — спросил Бертрам.

— Меня все комплименты приводят в некоторое замешательство, — призналась Гардения. — Кстати, французы, которые приходили вчера к тете, вовсе не произвели на меня благоприятного впечатления. — Она скорчила гримасу. — Был среди гостей и совершенно отвратительный тип. Мне он не понравился в первую же секунду.

— О ком это вы? — спросил Берти.

— По-моему, его зовут Гозлин, — сказала Гардения. — Пренеприятный человек: с безобразным сальным лицом, лысеющей головой, жирный. Но самым мерзким было то, что барон велел нам с тетей держаться с ним максимально мило и обходительно.

вернуться

21

участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав.

— Вы сказали, его зовут Гозлин? — переспросил лорд Харткорт резким голосом.

Гардения не ответила, — мгновенно осознав, что опять допустила какую-то ошибку.

— Я правильно запомнил фамилию? — не унимался лорд Харткорт.

— Да, — тихо и нерешительно вымолвила Гардения. — Наверное, мне не следовало заводить речь об этом Гозлине.

Пьере Гозлине. Вполне возможно, что он хороший человек.

— Не бойтесь рассказывать нам о чем угодно, — успокоил ее Берти. — Мы — чужаки в этой стране лягушек и должны держаться вместе и доверять друг другу. Если хотите, спокойно поделитесь с нами впечатлениями о Пьере Гозлине, Мы с Вейном не болтуны. От нас никто ничего не узнает.

— В этом я не сомневаюсь, — поспешно проговорила Гардения. — Но я не должна вести себя столь непорядочно. — взяла и такими ужасными словами описала вам одного из тетиних гостей. Одного из наиболее важных гостей.

— Почему же он так важен? — полюбопытствовал лорд Харткорт.

— Не знаю, — ответила Гардения уклончиво.

Она не намеревалась рассказывать о том, как вчера перед ужином барон пришел в малую гостиную и объявил о предстоящем приходе Пьера Гозлина.

— Я пригласил Пьера Гозлина, Лили, — провозгласил он. — Поухаживай за ним, построй ему глазки. Ты ведь знаешь, как нравишься ему.

— О нет! — простонала герцогиня. — Опять этот невыносимый Гозлин! Я терпеть его не могу, вам ведь, барон, об этом известно! Он напивается как свинья! В прошлый раз после его ухода я решила приказать дворецкому всегда говорить Пьеру Гозлину, что меня нет.

— Только попробуй выкинуть нечто подобное! — прогремел барон. — Этот человек очень важен для меня, чрезвычайно важен, понимаешь? Он искренне раскаивается, что в прошлый раз все получилось так неприглядно. Дело в том, что перед той вечеринкой у него было слишком много работы. Утомленный и проголодавшийся, он выпил твоего восхитительного вина, поэтому и опьянел так сильно.

— Меня не интересуют его раскаяния, — заявила герцогиня раздраженно. — Он гадкий человек, говорит всегда не то, о чем думает, к тому же у него потные и дряблые руки.

— И несмотря на все это, ты должна быть к нему добра, — категорично сказал барон.

Гардения, тихонько сидевшая в углу, следила за происходившим в полном недоумении.

— А если я откажусь? — спросила герцогиня, вызывающе вскидывая голову.

В этот вечер она выглядела особенно красивой, в приглушенном свете гостиной морщинки и сероватый оттенок ее лица были незаметны. Вокруг ее шеи поблескивали бриллианты.

Платье выгодно скрывало все недостатки располневшего тела. Перед тем как втиснуть свою хозяйку в любой наряд, Ивонн и Другие девушки тщательно стягивали ее талию корсетом, об этом Гардения узнала совсем недавно.

Барон не ответил. И герцогиня, продолжая дерзко смотреть ему в глаза, повторила вопрос:

— Что будет, если я откажусь?

Барон на шаг приблизился к ней.

— Тогда, моя дорогая Лили, — медленно выговорил он, опять забывая, что в присутствии посторонних должен обращаться к ней официально, — я поведу его в какое-нибудь другое место.

В его фразе таилась какая-то страшная угроза. Гардения поняла это, увидев, как изменилось тетино лицо. Она прищурилась и съежилась, словно испугалась, что ее сейчас ударят.

— Нет, нет, Генрих! Не делай этого. Ты ведь понял, что я просто шучу. Я, конечно, буду мила с мсье Гозлином. Очень мила и любезна, обещаю, — прощепетала она.

— Вот и отлично! — воскликнул барон торжествующе.

В этот момент послышался зычный голос дворецкого:

— Мсье Пьер Гозлин!

Увидев этого Гозлина, Гардения тут же поняла, почему тетя его так не любит. Он совсем не походил на француза: был обрюзгшим и омерзительным и напоминал Лакея-Жабу из «Алисы в Стране Чудес».

Подплыв по отполированному полу к вышедшей ему навстречу хозяйке, он взял ее руку в белой перчатке в свою и покрыл поцелуями.

— О, мадам! Я так перед вами виноват. Умоляю, простите меня и не судите строго. — Он противно улыбнулся и взглянул на барона. — Мой хороший друг, барон фон Кнезебех, передал мне, что вы уже не сердитесь.

— Конечно, — ответила герцогиня.

— Вы очаровательны, восхитительны! Суший ангел, — пропел Гозлин томным голосом.

«Сама нелепость, этот Гозлин, — подумала Гардения. А взглянув в глаза безобразного тетиного гостя, почувствовала ледяной холод. — Нет, этот человек отнюдь не нелепость, решила она. — Воплощение зла, вот кто он такой».

За столом Гозлин сел по правую руку от герцогини. И Гардения с облегчением вздохнула, так как находилась от тети на приличном удалении. Он пил чрезмерно много, но никто не смел и намекнуть ему об этом.

У Гардении было такое впечатление, что этот гадкий зловец Гозлин — главное действующее лицо на вечеринке. И не потому что он непрерывно что-то говорил, а потому что держался как король.

Этот человек — сущее зло, вновь и вновь повторяла она про себя.

— Я знаю мсье Гозлина, — сказал лорд Харткорт спокойно. — Советую вам держаться от него подальше.

— Значит, я не ошиблась... — пробормотала Гардения. — Не ошиблась, почувствовав, что в нем есть что-то странное...

— Этот Гозлин опасен, — предупредил лорд Харткорт.

Гардения задумалась.

— Не понимаю, почему он так нравится барону, — произнесла она медленно, обращаясь как будто не к собеседникам, а к самой себе. — Вообще-то барон во всем неординарен.

— По-вашему, их связывает близкая дружба? — спросил лорд Харткорт. — Барона и мсье Гозлина?

— Еще и какая близкая! — простодушно ответила Гардения. — Целый вечер барон только и следил за тем, чтобы тетя не переставала уделять мсье Гозлину внимание и чтобы слуги своевременно наполняли его бокал. А потом, уже в гостиной, даже прервал танец с тетей и уступил ее ему. В этот момент я как раз собралась уходить.

Она резко замолчала, сообразив, что опять забыла об осторожности. Странно, что лорду Харткورتу так интересен этот жабоподобный Гозлин, подумалось ей.

— Я слишком много болтаю, — пробормотала она. — Мне не следовало ни о чем вам

рассказывать...

— Не волнуйтесь, — произнес лорд Харткорт успокаивающе. — Все это не столь важно.

Но Гардения чувствовала, что для него выданная ею информация еще как важна. Он как-то странно изменился в лице и стал более задумчивым.

«Наверное, я чего-то недопонимаю, — решила Гардения. — Какой интерес могут представлять собой для лорда Харткорта вчерашние тетины гости? Наверное, зря я рассказала так много о бароне. Из моих слов понятно, что он частый гость в доме тети. И что их с ней отношения довольно близкие и теплые».

Они проехали по всему Буа и наконец остановились у одного из ресторанов с небольшими столиками под разноцветными зонтами в саду. Посетители попивали аперитив.

— Как здесь чудесно! — воскликнула Гардения.

Лорд Харткорт помог ей выйти из экипажа. Проходя за ней сквозь белые ворота, он увидел неподалеку старого цветочника, продавшего ему цветы для Анриэтты.

— Bonjour, Monsieur, — крикнул старик, тоже его заметив.

И тут же подошел ближе.

Гардения остановилась, повернула голову, сделала шаг назад и восхищенно уставилась на цветы в корзине цветочника.

— Ландыши! — произнесла она. — Они так потрясающе пахнут!

Лорд Харткорт цинично улыбнулся.

«Оказывается, и нашей английской птахе известны излюбленные приемы дам *demi-monde*, — подумал он. — Только вот вряд ли она знает, что за подарки и внимание следует платить».

— Я куплю вам букетик! — Берти с готовностью подскочил к торговцу цветами.

— Может, уступишь мне это право? — спросил лорд Харткорт, иронично ухмыляясь.

Гардения расширила глаза.

— Что вы! Мне ничего не надо! Я просто почувствовала аромат ландышей, вот и сказала, что они потрясающи. У нашего дома их росла целая клумба. Это любимые цветы моей мамы.

Берти, казалось, ее не слушал. Решительным жестом он запустил в карман пиджака руку и вынул оттуда один золотой соверен. Другой мелочи у него, по всей вероятности, не было.

Лорд Харткорт подошел к нему и очень тихо, чтобы не услышала Гардения, произнес:

— Я заплачу за цветы, Берти. А ты поищи свободный столик и усади за него эту хитрую лисичку.

— Лично я верю каждому ее слову, — прошипел Бертрам возмущенно.

— Не сомневаюсь. — Лорд Харткорт вновь ухмыльнулся. — Только не вздумай со мной

ссориться, дружище. Не забывай, что ради этой прогулки с тобой мне пришлось отказаться от собственных планов.

— Об этом я и не забываю, — проворчал Бертрам и зашагал к Гардении.

Они сели за столик под огромным зонтом оранжевого цвета. Рядом бил небольшой фонтан.

— Чего желаете выпить? — спросил Бертрам. — Шампанского?

— Что вы! — Гардения тихо рассмеялась. — Пить шампанское в это время дня! От чего я не отказалась бы, так это от чашечки чая.

— Вряд ли сейчас здесь можно заказать чай, г ответил Берти. — Но я попробую.

Он огляделся по сторонам и, увидев, что лорд Харткорт все еще покупает ландыши, подался вперед и произнес вполголоса:

— Вы очень красивая, Гардения. И с каждым днем становитесь все прекраснее. Если бы вы только знали, как я счастлив, что сегодня мы гуляем вместе. Нам следует все продумать.

— Что продумать? — Гардения недоуменно пожала плечами.

— Как мы с вами будем встречаться впредь. Я не смогу постоянно водить за собой Вейна. У него ведь много своих дел.

— Каких дел? — прямолинейно задала вопрос Гардения.

— Гм... Разных. — Бертрам улыбнулся. — Вообще-то сейчас у него намного больше свободного времени, чем обычно.

Недавно он поссорился со своей *chère amie*.

— С кем? — Гардения непонимающе покачала головой.

— Не знаете, что означает *chère amie*? Подруга, девушка, с которой встречаешься. Его Анриэтта очень красивая.

— Лорд Харткорт был с кем-то помолвлен? — спросила Гардения бесхитростно.

— О Боже мой! — Бертрам вздохнул. — Гардения, вы наверняка не настолько наивны, какой хотите показаться! Естественно, Вейн и не думал о помолвке с Анриэттой. Она представительница *demi-monde*, понимаете? В Париже их видимо-невидимо. Если когда-нибудь ваша тетя поведет вас в «Максим», вы повстречаете там большинство из них.

Гардения почувствовала, что к ее щекам приливает кровь.

«Значит, у лорда Харткорта есть *chère amie*, — подумала она. — А мне подобная мысль и в голову не приходила. Наверное, потому что, когда я его видела, он постоянно был один...»

Странно, но ей вдруг стало ужасно тоскливо. И показалось, что яркое солнце в лазурно-голубом небе мгновенно потускнело».

«Какая я глупая, — размышляла она. — Заговорила о помолвке! Наверное, мистер Каннингхэм считает меня круглой дурачкой. И почему я не догадалась, что у такого мужчины, как лорд

Харткорт, а может, и у мистера Каннингхэма, непременно должна быть девушка для развлечений?»

Естественно, она знала о существовании женщин, которым не позволено появляться в приличном обществе, — красивых, смелых, веселых, быстрых и весьма привлекательных для мужчин. Но лорд Харткорт выглядел настолько порядочным и положительным, что представить его в обществе такой вот обольстительницы было сложно.

Неожиданно Гардении захотелось взглянуть на эту Анриэтту. Узнать, как эта красавица выглядит и чем восхищает лорда Харткорта. Но расспрашивать о ней мистера Каннингхэма она не решилась. Это было бы крайне неприглядно и неприлично. «Если бы мама узнала, какие мысли мне порой приходят в голову, наверняка встревожилась бы и завела бы со мной длинную поучительную беседу, — подумала она с грустью. — Сказала бы, что о подобных Анриэтте женщинах неприлично даже мыслить, не то чтобы разговаривать с мужчинами».

Бертрам тут же забыл, о чем они беседовали только что.

Все его думы сводились к одному — к желанию поскорее закрутить с Гарденией настоящий роман.

— Когда мы увидимся в следующий раз? — спросил он. — Может, в один из ближайших дней вам удастся выбраться из дома поздно вечером? Тогда мы направились бы в какое-нибудь из увеселительных заведений. Например, в «Мулен Руж».

Хоть там и чересчур шумно, зато весьма интересно. Обещаю, что буду как следует за вами присматривать.

— Поверьте, пойти с вами в подобное место я не смогу, — ответила Гардения, прижимая ладонь к груди. — Тетя Лили и на эту-то прогулку отпустила меня лишь только потому, что с нами согласился поехать лорд Харткорт.

Бертрам покачал головой с легким раздражением.

— Вашей тете совсем не обязательно знать о наших планах»

Она посылает вас спать рано. Удалитесь в свою спальню, а потом незаметно выйдите из дома. Мы встретимся на улице.

Никто и не догадается о том, что вы куда-то уходили. Вечеринки вашей тети настолько шумные, что, даже если кто-нибудь взорвет в ее саду бомбу, никто из веселящихся не обратит на это ни малейшего внимания.

— Нет, нет, я не могу ответить на ваше предложение согласием, честное слово, — продолжала протестовать Гардения.

Она не понимала, почему мистер Каннингхэм так настойчиво пытается заставить ее совершить столь неблагоприятный поступок, который тетю Лили привел бы в ужас.

В это мгновение к столику подошел лорд Харткорт с огромным букетом ландышей. По-видимому, он купил все, что было у цветочника.

— О, спасибо! — сказала Гардения, сильно разволновавшись. — Но не стоило тратить на меня столько денег. Теперь мне стыдно, что я обратила на эти цветы ваше внимание.

Она поднесла букет к лицу, а когда через несколько мгновений опустила его, в ее глазах блеснули слезы.

— Простите меня за проявление слабости, но иногда я так сильно скучаю по дому, что не в состоянии сдерживать глупые эмоции, — пробормотала она, оправдываясь.

Воображение лорда Харткорта живо нарисовало ему его родные края в весеннюю пору. Речные берега, поросшие рододендронами, кусты сирени в цвету и покрытые розовыми шапками вишни, кажущиеся среди нежной весенней английской листвы восточной экзотикой.

«Почему я живу на чужбине, когда мог бы наслаждаться прелестями родины?» — задался он вопросом неожиданно для самого себя.

Любимцы-лошади несказанно обрадовались бы его возвращению. А егерь, охранявший лесную дичь, в который раз с радостью рассказал бы о том, как фазаны высиживают птенцов. Вопросы, касавшиеся управления имением, раньше казались ему несносно нудными. А теперь он вдруг почувствовал, что занялся бы их решением с большим энтузиазмом.

Родной, милый, огромный дом... Дом за городом, окруженный природой, мечтательно подумал он. Но, представив себя живущим в одиночестве вдаль от города и друзей, понял, что умрет от такой жизни с тоски.

«Для подобного существования необходимы жена и дети, — решил он, невольно вспоминая о занудной дочери леди Рэмптон. — Черт! Что за странные мысли приходят порой мне в голову? Ни в какой жене я пока не нуждаюсь. И с возвращением на родину тоже должен повременить. Надо поскорее найти достойную замену Анриэтте и продолжать жить, как я жил прежде».

— Побеседуй о чем-нибудь с мисс Уидон, Вейн, — попросил Берти, прерывая ход мыслей кузена. — А я подойду к Арчи Клейдону, поговорю с ним о дерби.

Он вышел из-за столика и направился к знакомому, оставляя Гардению и лорда Харткорта одних.

Гардения чувствовала, что должна завести речь о чем-нибудь отвлеченном, но в ее голове навязчиво крутились все те же мысли — мысли, связанные с только что поведенной ей Бертрамом историей о личной жизни лорда Харткорта.

— Вам нравится наша прогулка? — спросил лорд Харткорт, и Гардения взглянула ему прямо в глаза.

— Очень нравится, — ответила она, чуть кривя душой.

— Вы красивая, — сказал он, и его простой комплимент вызвал в ней прилив невиданной радости. — А это платье вам очень идет.

— Спасибо, — пробормотала она. — Тетя Лили безгранично добра ко мне.

— Ее светлость — далеко не единственный человек, кому хочется относиться к вам по-доброму, — произнес он спокойно. И неожиданно для самого себя протянул руку и опустил ее на маленькую ручку Гардении, лежавшую на столе.

Гардения почувствовала, как ее кисть наполняется сладостным теплом, как это тепло распространяется по всему телу, как по спине побежали мурашки.

Взгляд лорда Харткорта скользнул вниз по ее лицу и задержался на губах.

Она покраснела.

Не оттого, что испытала стыд или стеснение, а от ощущения приятной новизны овладевших ею эмоций. Между ней и лордом Харткортом возникло нечто невидимое, почти осязаемое, странный магнетизм, обладавший мощной силой.

Лорд Харткорт легонько сжал пальцы вокруг руки Гардении.

— Прошу вас, всегда помните: то или иное решение вы должны принимать сами, — сказал он тихо и медленно. — Никто не вправе заставить вас делать то, что вы не желаете делать.

Каждый ваш поступок должен быть осознан вами и заранее продуман.

Его слова изумили Гардению. Она понимала, что они — составная часть тех странных отношений, которые возникли между ней и этими двумя молодыми людьми. Людьюми, появившимися в ее жизни так неожиданно и так странно. Половина из того, что они ей говорили, оставалась для нее загадкой. Ясно было одно: в присутствии лорда Харткорта ее сердце начинало колотиться беспокойно и часто.

— Вы слишком молоды и неопытны, — продолжал говорить он. — И мне хотелось бы, чтобы ваша жизнь побыстрее как-то определилась...

В который раз за время пребывания во Франции Гардения пришла в недоумение. Неизвестно почему все считали, что ей следует куда-то торопиться.

Лорд Харткорт быстро убрал руку, и она, не оборачиваясь, поняла, что возвращается Бертрам Каннингхэм.

Бертрам приблизился, опустился на свое место и положил цилиндр на свободный стул.

— По словам Арчи, вероятнее всего, выиграет Минорин, — объявил он.

— Королевская лошадь! — провозгласил лорд Харткорт — Поставлю на нее, — сказал Бертрам оживленно, потирая руки. — Если она меня не подведет, Гардения получит один из лучших подарков, какие видывал Париж!

Щеки Гардении запылали. Он обращался к ней по имени, и это сильно ее смущало. В то же время она чувствовала, что покажется старомодной и смешной, если заговорит об этом вслух. Неловкость вызывало и его обещание сделать ей дорогой подарок. Тетя Лили вряд ли обрадовалась бы, узнай она, что ее племянница принимает от мужчин дорогие презенты.

Но королевская лошадь еще не выиграла, и Гардении оставалось лишь надеяться на ее проигрыш.

— Извините, но мне пора домой, — сказала она, поднимаясь со стула десять минут спустя. — Сегодня мы собираемся в театр — на «Comedie Francaise». Не хочу опаздывать.

— А кто вас будет сопровождать? — спросил Бертрам.

— Барон, — ответила Гардения. — Он сказал, приведет с собой еще кого-нибудь, чтобы мужчин было двое. Надеюсь... — Она резко замолчала.

— ..этим вторым мужчиной не окажется Гозлин, — закончил ее фразу лорд Харткорт. — Я тоже искренне на это надеюсь. В противном случае вам не позавидуешь.

— Это точно, — с чувством сказала Гардения. — Если с нами пойдет мсье Гозлин, весь вечер будет испорчен. Наверняка барон приведет кого-нибудь другого.

На протяжении всего обратного пути ее мучили опасения.

Встречаться сегодня с Гозлином до ужаса не хотелось.

— Надеюсь, вы хорошенько подумаете над тем, что я вам предложил, — прошептал ей на ухо Берти, когда они подъехали к дому герцогини. — В четверг я обязательно приду на вечеринку к ее светлости. И расскажу вам в подробностях, каков мой план. Но ждать встречи так долго я просто не смогу. Поэтому загляну к герцогине завтра после обеда. Может, получится с вами увидеться.

— Не знаю, чем мы будем завтра заниматься, — ответила Гардения. — Тетя еще ничего мне не говорила о своих намерениях.

— К черту тетю с ее намерениями! — заявил Берти раздраженно. — Я хочу видеть вас, остальное меня не интересует.

Гардения улыбнулась:

— Большое спасибо за прогулку. Мне она надолго запомнится.

Лорд Харткорт спрыгнул на землю, помог Гардении выйти из экипажа и пожал ей руку.

— До свидания, мисс Уидон, — сказал он.

Гардения еще раз улыбнулась и торопливо зашагала вверх по лестнице.

Большие часы в холле показывали пять минут седьмого, когда она вбежала в дом. В это время герцогиня обычно еще отдыхала.

Поднявшись на второй этаж, Гардения увидела барона. Он выходил из комнаты герцогини.

— А, вот и ты, Гардения! Наконец-то вернулась. Ее светлость ожидала, что ты явишься раньше.

— Я ездила на прогулку, — ответила Гардения. — И очень хорошо провела время.

— С двумя англичанами?

Гардения кивнула.

— С мистером Каннингхэмом и лордом Харткортом. Мы катались на экипаже, запряженном черными красавицами-лошадьми.

— Ха! Эти англичане вечно что-нибудь выдумают! — проворчал барон, сильно хмуря брови. — Выкидывают деньги на ветер, серьезные вещи их не заботят! Занимались бы лучше управлением своих имений!

— Иногда о серьезных вещах можно и не думать, — возразила Гардения. — Особенно если ты в Париже, а на дворе весна.

Она пребывала в приподнятом настроении и не желала позволять барону испортить его критикой и инсинуациями.

Он постоянно говорил об англичанах что-нибудь весьма нелестное и называл их бестолковыми любителями развлечений.

— О чем же вы беседовали с лордом Харткортом? — поинтересовался барон.

— Ни о чем конкретном. — Гардения пожала плечами.

— Тебе он нравится?

Вопрос был настолько неожиданным и откровенным, что Гардения к своему великому стыду покраснела. Но ответила довольно смело и даже дерзко:

— Мне очень нравится и лорд Харткорт, и его кузен!

Барон невозмутимо кивнул.

— Отлично. Общайся с милыми молодыми людьми, сколько хочешь. Твоя тетя именно этого и желает. Но больше других ей нравится лорд Харткорт, верно?

— Извините, я должна привести себя в порядок для похода в театр, — сказала Гардения, игнорируя последний вопрос барона.

— Ах да, театр! — воскликнул барон, словно совсем позабыл о своих планах на вечер. — С нами пойдет еще один человек, Пьер Гозлин. Вчера ты его уже видела.

— О нет! — невольно слетело с губ Гардении. Она прижала руку ко рту, но было уже поздно.

Барон приподнял брови.

— Насколько понимаю, тебе этот человек не понравился?

Твоя тетя тоже не любит его. А зря. Он, конечно, не красавец, но чертовски умен. Когда ты станешь взрослее, поймешь, что это крайне важное качество. — На его мерзких губах появилась неприятная улыбка. — Можешь не переживать. Мсье Гозлин заинтересован не тобой, а твоей тетей. Все свое внимание он посвятит ей. А с тобой буду общаться я.

— Как приятно, — процедила Гардения сквозь зубы.

— Очень приятно, — прошептал барон, касаясь толстым пальцем ее подбородка.

Не успела она опомниться, как он нагнул голову и обхватил ее губы своим жутким ртом.

Задыхаясь от негодования и потрясения, едва удержавшись, чтобы не залепить обидчику звонкую пощечину, Гардения отскочила от него и побежала вверх по лестнице, тщательно вытирая губы тыльной стороной ладони.

Из-за ее спины послышался взрыв оглушительного хохота.

Она чувствовала, что ненавидит барона всей своей душой.

Глава девятая

Гардения закрылась в своей комнате и принялась тщательно вытирать губы. Вскоре они покраснели и припухли, но ей казалось, что на них все еще сохраняется след от гадкого поцелуя барона. Ее трясло от ужаса и отвращения.

— Я его ненавижу! — повторяла она вновь и вновь, расхаживая взад и вперед по устланному ковром полу. От ощущения собственной беспомощности хотелось бить по стенам кулаками. Настолько одинокой она не чувствовала себя даже после смерти мамы. Теперь ей не к кому было обращаться за помощью. Ждать защиты от тети Лили не имело ни малейшего смысла. Со слезами на глазах она размышляла об участи сотен женщин, вынужденных подчиняться воле мужчин.

Над суфражистками и их выходками смеялись, но во многом участницы этого движения были правы. Сколько бы мужчины ни рассуждали о влиянии на них женщин, последние все равно оставались их рабынями, поскольку не имели ни прав, ни привилегий и как будто относились к низшему сословию общества.

За полчаса до ужина Гардения послала тете записку, в которой сообщила, что у нее болит голова.

Голова у нее действительно болела, но настоящая беда состояла в другом: в невыносимых ощущениях, разрывавших на части душу.

Она легла на кровать и уставилась в потолок. Ее тошнило от наглости и грубости барона. А еще от шумных тетиних вечеринок, от вульгарных женщин и пьяных мужчин, которые постоянно сшивались в ее доме, от отвратительного Пьера Гозлина.

Когда на смену мрачным раздумьям пришли мысли о лорде Харткорте, она вздохнула с облегчением. Вспоминать о нем доставляло удовольствие. В этом человеке ей нравилось все: порядочность, спокойствие, сдержанность, немногословность.

Она гордилась, что он — ее соотечественник. И с замиранием сердца воспроизводила в памяти тот эпизод, когда сегодня во время прогулки его теплая рука лежала на ее руке...

«Возможно, я не правильно поняла его в тот вечер на балконе. Наверняка он вовсе не хотел меня обижать», — уверяла себя она, пытаясь оправдать тот странный поступок лорда Харткорта.

Этот человек был единственным из всех ее новых знакомых, кто вызывал в ней уважение, к кому хотелось прислушаться, в ком, как казалось» можно найти защиту.

«Почему все складывается так неудачно? — пыталась уразуметь она. — Что за странные вещи происходят в этом доме?

Зачем тете нужен негодяй барон? И как ей удастся выносить общество омерзительного Пьера Гозлина?»

По ее щекам текли прозрачные ручейки слез. Так она и заснула — беззвучно плача.

А проснувшись рано утром, почувствовала себя значительно лучше.

В доме царила тишина. Здесь никто не просыпался рано:

Подгонять слуг спозаранку было некому, да и ложились спать они слишком поздно, чтобы

вставать на заре.

Гардения больше не желала лежать в кровати. Она прекрасно знала, что выходить из дому одной ей не следовало, но Жанна наверняка еще спала.

Быстро умывшись и одевшись, она бесшумно вышла из комнаты, спустилась вниз и, самостоятельно открыв замки парадной двери, шагнула в пьянящую свежесть раннего парижского утра.

Это утро таило в себе столько естественной прелести и обещало подарить столько бодрости, что Гардения не устояла перед соблазном и решила прогуляться.

Светило солнце, а воздух наполняли дивные ароматы цветов. Гардения шла по тротуару, и ей казалось, что ее несут вперед невидимые легкие крылья.

Через несколько минут она достигла Елисейских полей. В столь ранний час ни на скамейках под цветущими каштанами, ни за столиками здесь не сидели ни дамы, ни кавалеры в шикарных нарядах. Наверняка все они еще сладко спали. Сейчас тут можно было встретить совсем других людей: мужчин в фартуках и нарукавниках, убравших мусор, женщин с наполненными продуктами корзинами в руках, рабочих, спешивших куда-то по делам, торговцев с тележками.

Гардения смотрела на все, что ее окружало, широко раскрытыми глазами и не замечала устремленных на себя любопытных взглядов прохожих. В зеленом платье и простой шляпке, скрывающей ее светлые волосы лишь наполовину, с сияющим лицом и горящими глазами она походила на лесную нимфу.

Лишь по прошествии часа, когда от голода у нее засосало под ложечкой, а ноги стали побаливать от непривычно долгой ходьбы, она поняла, что должна возвращаться домой, развернулась и зашагала в обратном направлении.

Где-то совсем рядом послышался стук лошадиных копыт и чей-то знакомый голос:

— Мисс Уидон! Какой сюрприз!

Гардения повернула голову и увидела на дороге Андрэ де Гренэля в элегантном экипаже.

— Доброе утро, — сказала она сдержанно.

— Вы рано просыпаетесь! А выглядите сегодня чудесно, как сама весна! И платье у вас замечательное! — рассыпался в похвалах молодой граф.

— Спасибо, — холодно ответила Гардения, продолжая идти вперед. — Извините, я не могу остановиться с вами, потому что должна как можно быстрее вернуться домой.

— Уверю вас, моих скакунов вам не обогнать! — крикнул Андрэ де Гренэль, усмехаясь.

Гардения смотрела только перед собой и не сбавляла шага.

Встреча с беспардонным французом изрядно испортила ей настроение. Он ехал по параллельной тротуару дороге, подстраиваясь под ее темп.

— Вы всегда просыпаетесь так рано, Ma'm'selle? — полюбопытствовал он.

— Всегда. В надежде, что хотя бы непродолжительное время смогу побыть наедине с собой, —

многозначительно ответила Гардения, не поворачивая головы.

— Вы очень неласковы со мной! — заявил граф.

Гардения ничего не ответила.

И он продолжил:

— А ведь все, чего я хочу, так это просто стать вашим другом.

— Друзей, которые у меня есть, мне вполне достаточно. В других я не нуждаюсь, — сказала Гардения строго, добавляя про себя, что страстно хотела бы, чтобы ее слова соответствовали действительности.

— Я даже знаю, о ком вы ведете речь, — произнес Андрэ. — О лорде Харткорте и его кузене, верно? Только их вы считаете своими друзьями. Но, поверьте, я в состоянии предложить вам то же, что они, и даже больше. Может, улыбнетесь мне хотя бы разок, Ma'm'selle?

У Гардении не было ни малейшего желания слушать вздор, который нес граф. Поэтому она никак не отреагировала на его слова и продолжала с неприступным видом шагать вперед.

Но, несмотря на свое недружелюбное к нему отношение и на то, что окинула его лишь мимолетным взглядом, она не могла не отметить, что, будучи трезвым, выглядит ее нежеланный собеседник просто великолепно.

Он был красив, строен и грациозен и на высоком сиденье экипажа, запряженного парой скакунов, смотрелся потрясающе.

— Я обязательно приду на ближайшую вечеринку вашей тети, — сказал граф после непродолжительного молчания. — И принесу для вас подарок. Пообещайте, что согласитесь где-нибудь со мной уединиться, чтобы я смог вручить вам его.

— Очень мило с вашей стороны, но можете не утруждать себя, — ответила Гардения с достоинством. — Тетя вряд ли позволит мне принимать подарки от незнакомцев.

— Но ведь я вовсе не незнакомец, — запротестовал Андрэ. — И потом, ваша тетя наверняка ничего не будет иметь против.

Сама она только рада, когда ей дарят что-нибудь ценное. Я слышал, в одной из презентованных ей вещей вы недавно разгуливали по Парижу.

— Я? — вскрикнула Гардения в изумлении. — Не понимаю, о чем вы толкуете.

— О шиншилловой накидке, в которой в первый день пребывания у тети вы ездили в салон мсье Борта, — пояснил Андрэ де Гренэль, насмешливо улыбаясь. — Я даже догадываюсь, кто преподнес ее светлости столь щедрый подарок.

— Неужели? — воскликнула Гардения, поворачивая голову и дерзко приподнимая подбородок.

Она чувствовала, что они ступили на зыбкую почву.

Этот человек не имел ни малейшего права сплетничать с ней о ее собственной тете, намекать на что-то грязное, недостойное. Тем не менее ей стало вдруг безумно любопытно, откуда взялась у тети эта проклятая шиншилловая накидка. Кто мог потратить сумасшедшие деньги

на столь дорогой подарок для герцогини? Разве только...

Щеки Гардении покраснели. Она почувствовала, что не вынесет, если граф продолжит говорить, поэтому рванула в сторону столиков, туда, где его экипаж никак не смог бы ее догнать. Торопливо пройдя между ними, она свернула на узкую аллею и побежала к киоску, в котом продавали газеты и табачные изделия.

— Мисс Уидон! — крикнул граф. — Мисс Уидон, подождите!

Гардения бежала все быстрее и не оглядывалась. А сбавила скорость и перевела дух лишь тогда, когда приблизилась к дому Мабийон и начала подниматься по ступеням к парадной двери. Достигнув ее, она оглянулась и посмотрела на дорогу. Графа, к счастью, не было видно.

Своими высказываниями и намеками он безнадежно испортил ей день, день, начавшийся так хорошо. И поселил в ее душе дополнительные сомнения и тревоги.

«Зачем тетя принимает дорогие подарки от мужчин, когда у нее самой невероятно много денег?» — размышляла она, все больше запутываясь в странностях своей новой жизни.

Открывший ей дверь лакей посмотрел на нее с нескрываемым изумлением, но ни слова не сказал. Она взлетела вверх по лестнице и только закрывшись в комнате, почувствовала некоторое успокоение.

— Неужели теперь так будет всегда? Неужели только в пределах этой комнаты я могу ничего не опасаться? — прошептала она, обращаясь к пустоте.

С герцогиней они увиделись только после ленча. Гардения еще раз извинилась перед ней за то, что накануне вечером была не в состоянии поехать в театр, и послушно согласилась отправиться на прогулку.

Они вернулись несколько часов спустя. Выпив чашку чая в малой гостиной, герцогиня удалилась отдыхать. Гардения решила, что не должна разгуливать по дому, боясь вновь столкнуться с бароном в одном из пустынных коридоров. Поэтому направилась в библиотеку на первом этаже и принялась просматривать свежие газеты, заранее продумав, что в случае необходимости выбежит через потайную дверь и поднимется наверх по черной лестнице.

Не прошло и пары минут, как послышался звонок в парадную. Барон никогда не приходил так рано, тем не менее Гардения быстро отложила в сторону газету, поднялась на ноги, подбежала к той стене, где располагалась потайная дверь, в надежде найти кнопку, при помощи которой в первый вечер ее пребывания здесь экономка эту дверь открыла.

Ей казалось, она запомнила это место очень отчетливо, но кнопки нигде не было. Ее руки слегка дрожали, а сердце бешено колотилось в груди, когда, задыхаясь от волнения и жуткого страха, она исследовала боковую стенку шкафа и стену.

Раздался шум раскрывающейся двери.

Гардения вздрогнула и побледнела. А когда повернула голову, увидела барона. Он выглядел более угрожающе и отталкивающе, чем когда бы то ни было.

— А, Гардения! Если бы дворецкий не подсказал мне, где ты прячешься, я был бы вынужден разыскивать тебя по всему дому.

— Нам не о чем с вами разговаривать, — жестко и враждебно произнесла Гардения.

— Милое мое дитя! — воскликнул барон. — Я должен перед тобой извиниться. Боюсь, ты напугана моим вчерашним поступком. Я допустил ошибку, признаюсь. Не подумал, что ты можешь расценить мой жест как грубость. Пойми, я смотрю на тебя как на ребенка. Ты годишься в дочери моей дорогой подруге, герцогине. Я поцеловал тебя, как целуют дяди своих племянниц. Ничего другого этот поцелуй не означал, поверь мне.

Гардения растерянно моргнула.

«Быть может, я действительно сгущаю краски? — подумала она. — Барон — немец, а иностранцы сильно друг от друга отличаются... не исключено, что в Германии отцы целуют в губы своих дочерей, дяди — племянниц».

Враждовать с кем бы то ни было ей ужасно не хотелось. А с бароном тем более. Она с облегчением вздохнула и расслабилась.

— Мы должны быть друзьями, Гардения, — продолжил говорить барон. Его голос звучал мягко и вкрадчиво. — Мы оба любим одного и того же человека и оба хотим, чтобы этот человек чувствовал себя счастливым и не переживал по пустякам. Я говорю о твоей любимой тете, ты ведь понимаешь?

— Да, конечно, — ответила Гардения.

— Нам с тобой не следует ссориться. Тетя любит тебя, она сама не раз говорила мне об этом. В ее сердце ты заняла место, предназначенное для родных детей, а их у нее никогда не было.

Я для тебя, естественно, ничего не значу, но мне дорога герцогиня, и я всей душой желаю, чтобы она жила счастливо и не знала забот. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, — ответила Гардения.

— Означает ли это, что я прощен?

— Да. — Она медленно кивнула.

— В таком случае давай забудем о неприятностях, вызванных простым недоразумением, и поговорим о другом, — сказал барон. — Я специально пришел сегодня пораньше, чтобы побеседовать с тобой наедине.

Гардения опять напряглась.

— О чем побеседовать?

— Сейчас я все тебе объясню, — ответил барон. — Сядь.

Гардения повиновалась, осторожно опустившись на край стула, сложив руки на коленях, выпрямив спину. Несмотря на то что она простила барона, верить ему не могла. Его глаза бегали, а каждое произнесенное им слово отдавало ложью. Подобные люди всегда ей не нравились.

— Как я уже сказал, — начал барон, тоже садясь на стул, — твоя тетя очень тебя любит. А что ты испытываешь по отношению к ней?

— Естественно, я тоже ее люблю, — заявила Гардения, пожимая плечами. — Она ко мне невероятно добра. К тому же, кроме нее, у меня никого не осталось.

Барон покачал головой, делая вид, что преисполнен сочувствия.

— Это очень печально. Но с тетей тебе очень повезло, согласишься. В ком еще ты нашла бы столько понимания и доброты? Кто позволил бы тебе жить в своем доме, кто так откровенно стал бы мечтать о твоём благополучии?

— Наверное, никто, — пробормотала Гардения.

— Вот именно! — Барон поднял указательный палец. — Поэтому-то я и хочу попросить тебя сделать кое-что для герцогини.

— Конечно! — с готовностью ответила Гардения. — Что от меня требуется?

— Нечто весьма сложное, но это сделает ее светлость по-настоящему счастливой. Ты действительно готова пойти ради нее на что угодно?

— Несомненно! А почему тетя сама не обратилась ко мне за помощью? — спросила Гардения, — В том-то все и дело! — провозгласил барон. — Герцогиня ничего не должна знать о нашей с тобой беседе, понимаешь? Эгоизм и себялюбие абсолютно ей не свойственны, поэтому, если она узнает о моей к тебе просьбе, потребует, чтобы ты ничего для нее не делала.

— Скорее всего вы правы, — ответила Гардения.

— А дело вот в чем. У герцогини есть один протеже. Молодой человек, англичанин, сын ее покойной близкой подруги.

Когда его родители умерли, ее светлость пообещала юноше, что будет поддерживать его материально. У него была мечта — служить в английском военно-морском флоте. Герцогиня помогла ему приступить к осуществлению этой мечты.

— Сколько этому человеку лет? — спросила Гардения. Не то чтобы это сильно ее интересовало, но барон сделал паузу и явно ждал от нее какого-то вопроса.

— Семнадцать или восемнадцать, я точно не знаю. Пока он только учится на морского офицера и относится к младшему офицерскому составу английского флота.

Барон поправил очки и немного подался вперед.

— У Дэвида — так зовут этого юношу — возникли какие-то проблемы. И твоя тетя сильно переживает.

— Почему она решила, что у него проблемы? — спросила Гардения.

— Другие молодые люди, служащие с Дэвидом, передали твоей тете несколько писем, — сообщил барон таинственным голосом. — И все они зашифрованы.

— Зашифрованы? — Гардения нахмурилась.

— По крайней мере мы считаем, что это шифр, — пояснил барон. — Герцогиня, естественно, ничего не может разобрать.

— Но почему Дэвид не пишет ей обычные письма? — спросила Гардения.

— Мы не знаем, — ответил барон, разводя руками. — Поэтому-то ее светлость и сходит с ума от переживаний. Наверное, у Дэвида страшные неприятности. Возможно, за какой-нибудь проступок его посадили в тюрьму. Не исключено, что он ввязался в какие-нибудь темные дела.

— Все это очень странно, — пробормотала Гардения.

— Твоя тетя постоянно твердит то же самое, — сказал барон. — Представляешь, как она волнуется? Не спит по ночам, потеряла аппетит. Ни на минуту не перестает думать о Дэвиде.

— А я ничего не знала.

— Естественно! — Барон вздохнул. — Во-первых, тетя не желает тебя тревожить чем бы то ни было. А во-вторых, ужасно боится за этого мальчика.

— Что вы имеете в виду? — спросила Гардения.

— Разве ты не понимаешь? Если о делах Дэвида узнают недоброжелатели, его ситуация может значительно ухудшиться.

Предположим, он находится в тюрьме — а скорее всего это именно так — и ему нельзя посылать оттуда письма. — На протяжении нескольких секунд барон пристально смотрел Гардению в глаза. — А он их посылает. Если кому-то станет об этом известно, бедного мальчика ждет суровейшее из наказаний!

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала Гардения. — Но почему вы заговорили об этом именно со мной? Разве я в состоянии что-то изменить?

— В состоянии, — произнес барон твердо. — Помочь тете избавиться от мучений в твоих силах. Важно, чтобы ты по-настоящему желала это сделать.

— Я готова на что угодно, — решительно ответила Гардения.

— Пообещай мне, что не расскажешь ей о нашем разговоре, Гардения. Это очень важно. Герцогиня придет в ярость, если узнает, что ты в курсе дела, а ее мучения усилятся вдвое.

Я этого не вынесу.

— Обещаю, — ответила Гардения. — Но что я должна делать?

— Помочь мне расшифровать письма Дэвида. Нам необходимо знать, что в них написано.

— Помочь вам расшифровать письма? — Гардения нервно рассмеялась. — Но я понятия не имею, как это делается. Уверена, что никто из моих знакомых не смог бы вам помочь.

— Ошибаешься! — торжествующе заявил барон. — Кое-кто как раз таки смог бы! Лорд Харткорт!

— Значит, вы хотите, чтобы я попросила лорда Харткорта...

— Ни в коем случае! — вскрикнул барон. — Неужели ты настолько несообразительна? Сама подумай: если лорд Харткорт узнает о том, что Дэвид использовал применяемые в английском флоте шифры для написания письма твоей тете, живущей за границей, он тут же свяжется с

капитаном корабля, на котором мальчик проходит практику. А что произойдет после, страшно представить!

— Верно, — ответила Гардения. Все, о чем говорил барон, казалось ей вполне логичным.

— Тебе следует заглянуть в книгу лорда Харткорта, в книгу с шифрами английского военно-морского флота.

— Почему вы считаете, что такая книга у него есть? — спросила Гардения.

Барон улыбнулся.

— Милое дитя, всем известно, что в обязанности человека, занимающего ту должность, которую в данный момент занимает лорд Харткорт, входит расшифровка писем и телеграмм, приходящих в посольство.

— Ах вот оно что, — сказала Гардения, сосредоточенно обдумывая полученную информацию. — Если мы заглянем в эту книгу, то сумеем прочесть письма Дэвида.

— Правильно, — ответил барон.

— Но вряд ли лорд Харткорт согласится... — пробормотала Гардения.

— Заговаривать на эту тему с лордом Харткортом ты вообще не должна, я ведь уже объяснил почему, — перебил ее барон с раздражением. — Книга с шифрами находится в его комнатах в здании посольства. Ты должна заглянуть в нее без его ведома.

— Но как это возможно? — спросила Гардения, совершенно сбита с толку. Ей начинало казаться, что барон толкует об абсолютно бессмысленных вещах.

— В этом-то и состоит наибольшая трудность, — ответил барон, вздыхая. — Поэтому я и обращаюсь за помощью именно к тебе. Ты должна проникнуть в комнаты лорда Харткорта.

Гардения поднялась на ноги.

— Я ни за что на свете не соглашусь на это, — произнесла она на одном дыхании. — Не понимаю, как вы осмелились заговорить со мной о подобном! Если бы здесь была моя мама, она пришла бы в ужас. Наверняка возмутилась бы и тетя. Боюсь, я вынуждена ответить вам отказом.

Барон тоже встал со стула.

— Извини, — сказал он сухо. — Я думал, тебе безразлична судьба герцогини. Полагал, ты признательна ей за доброту и великодушие, за щедрость и понимание. Она позволила тебе жить в своем доме, избавила от необходимости искать работу, облегчила твои страдания. Как сильно я ошибся! Совсем позабыл о том, что молодые не умеют быть благодарными.

— Но это не правда! — горячо возразила Гардения. — Вы прекрасно знаете, что я сделала бы для тети все, что в моих силах! Но пойти одной в квартиру к мужчине! Это просто неслыханно. Что обо мне подумает лорд Харткорт?

— Лорд Харткорт ничего бы не узнал. — Барон небрежно махнул рукой, — А впрочем, это уже не важно. Ты права, а я — нет. Я просто старый дурак, который не может спокойно смотреть на страдания женщины. Забудем о нашем разговоре. Будем вести себя так, словно его и вовсе не

было, договорились?

Он решительно зашагал к двери.

— Говорите, лорд Харткорт ничего не узнал бы? — медленно произнесла Гардения. — Разве это возможно?

— По прошествии некоторого времени ему стало бы известно о визите непрошенной гостьи, — с притворной неохотой ответил барон, приостановившись и повернув голову. — Но это уже не имело бы для него никакого значения.

— Выходит, я должна проникнуть к нему в квартиру в его отсутствие?

Барон угрюмо кивнул.

— У меня есть отличный план, Гардения, но ты уже ответила, что не желаешь помогать своей тете.

— Ничего подобного я не говорила! — воскликнула Гардения, чувствуя, что начинает выходить из себя. — Сказала лишь, что не могу пойти в дом к мужчине одна!

— Но если этот дом пуст, если в нем никого нет, то чего же опасаться? — спросил барон.

— Лорд Харткорт может вернуться в свою квартиру в любую минуту. Представляю, какова будет его реакция, если он застанет там меня! — Гардения нервно усмехнулась.

— Он не застанет тебя там, я абсолютно в этом уверен. — Барон дошел до двери и, остановившись возле нее, вновь обернулся. — Но какое это имеет значение? Ты считаешь, что не в состоянии осуществить мой план. Значит, все останется, как есть. Бедная герцогиня продолжит страдать, а мальчику придется самому справляться со своими бедами. Надеюсь, со временем все как-нибудь решится, так всегда бывает. Но мне невыносимо смотреть на мучения твоей тети. — Он сделал резкий жест рукой, словно хотел отделаться от гнетущих мыслей и переживаний. — Ладно, хватит об этом. Забудь о нашей беседе, Гардения. Наряжайся в свои новые дорогие платья и радуйся жизни.

— Подождите! — Гардения сделала шаг вперед. — Расскажите поподробнее, в чем состоит ваш план.

С едва заметной торжествующей улыбкой на губах барон закрыл дверь, которую успел отворить...

А через час Гардения уже подъехала на экипаже к зданию английского посольства. Было половина шестого. Барон уверил ее, что лорда Харткорта нет дома. В это время он якобы всегда играл в поло на другом конце Парижа. Но Гардения ужасно волновалась, и, когда слуга открыл ей дверь и она заговорила, ее голос слегка задрожал.

— Я хотела бы видеть лорда Харткорта.

— Лорда Харткорта нет дома, — сообщил слуга.

— Но... Наверное, произошла какая-то ошибка... Мы договорились с ним о встрече. Он сам попросил меня привезти аквариум...

Она кивнула на небольшой стеклянный ящик с водой, который находился у нее в руках. В нем

то в одном, то в другом направлении плавала рыбка.

— Одну минутку, мисс. — Слуга раскрыл дверь шире, и перед Гарденией появился другой человек — в форменной ливрее английского дворецкого. Это был не мудрый Джарвис, известный всему Парижу, а его помощник, проработавший в посольстве лишь пару месяцев. Барон сообщил Гардении, что ее встретит дворецкий-новичок и что у знаменитого Джарвиса сегодня выходной.

— Лорд Харткорт попросил привезти меня этот аквариум сегодня в половине шестого, — сказала она. — Наверное, он забыл о нашей договоренности.

— Лорд Харткорт играет в поло, мисс, — ответил дворецкий, озадаченно почесывая затылок.

Гардения вздохнула с облегчением.

— Тогда, наверное, следует поставить аквариум в его гостиной, — произнесла она. — Боюсь, мне придется самой отнести его туда. Эта рыбка требует к себе особо бережного отношения.

— Хорошо, мисс. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Новый дворецкий не придавал особого значения ни странности самой ситуации, ни несоответствующему виду девушки, привезшей аквариум лорду Харткورتу. Джарвис повел бы себя на его месте совсем иначе.

Замирая от страха и не сводя глаз с аквариума, Гардения зашагала вслед за дворецким. Барон заверил ее, что ни посол, ни его жена не повстречаются ей по пути.

— Они находятся на приеме в посольстве Персии, — сказал он, улыбаясь. — Это я знаю точно, потому что сам приглашен на этот ужин.

Они поднялись на второй этаж, дворецкий открыл дверь в квартиру лорда Харткорта, и Гардения ступила внутрь.

Ни жива ни мертва от напряжения, она прошла в гостиную и поставила свою ношу на стол в центре. Потом повернула ее на девяносто градусов.

И сказала дворецкому, прошедшему вслед за ней:

— Я должна сообщить лорду Харткорту, как правильно кормить эту рыбку, сэр. Могу я написать ему записку?

— Конечно, мисс.

Дворецкий достал из обтянутой кожей коробки лист бумаги с изображением герба, положил его на письменный стол и придвинул чернильницу с прикрепленным к ней стеклянным лотком, наполненным разнообразными ручками, ближе к листу. — Прошу вас.

— Спасибо, — ответила Гардения, улыбаясь. — Мне потребуется пара минут, не меньше. Если вы торопитесь, пожалуйста, не ждите меня.

— Вы найдете дорогу к парадному, мисс? — спросил дворецкий.

— Да, сэр, — сказала Гардения. — Я положу записку рядом с аквариумом, чтобы лорд Харткорт заметил ее, как только вернется.

— Хорошо, мисс.

Для дворецкого не представляли особого интереса ни записка, ни аквариум, ни лорд Харткорт. Его ждали другие дела, и он мечтал поскорее вернуться вниз. Поэтому поспешно вышел из квартиры, когда звук его шагов стих. Гардения выбежала к входной двери, заперла ее изнутри и вернулась к письменному столу.

От волнения у нее тряслись руки, а сердце колотилось бешено и громко.

— Наверняка эта книга лежит у задней стенки какого-нибудь из выдвижных ящиков его письменного стола, — высказал предположение барон, когда готовил ее к осуществлению своего плана. — Англичане небрежны и неорганизованны, поэтому и запикивают подальше все самое важное.

Он был прав. Отец Гардении всегда складывал счета и письма первостепенной важности в глубь выдвижных ящиков. Доставала их оттуда мама и показывала ему, когда он пребывал в наиболее хорошем настроении.

В столе лорда Хартворта лежало множество небольших книжек, документов и писем, но той книги, за которой пришла Гардения, не было.

— Вероятнее всего, она в синей или серой твердой обложке без надписей, — инструктировал ее барон. — Тебе нужно всего лишь заглянуть в нее и запомнить значение одного, двух или трех знаков. Этого мне будет вполне достаточно. Я расшифрую письма, и твоя тетя наконец успокоится.

В общем-то порученное Гардении задание было несложным. Но она, сознавая, что обманным путем проникла в чужое жилище, нервничала так сильно, что чувствовала головокружение.

Когда непроверенным оставался лишь самый нижний ящик слева, послышался щелчок замка, шум раскрывающейся двери. И чьи-то шаги.

У Гардении похолодели руки. Удушающий страх сковал все ее тело, и она не нашла в себе сил, чтобы подняться. Лишь медленно повернула голову, продолжая сидеть на полу.

В это мгновение на пороге гостиной показался лорд Харткорт в белых бриджах для игры в поло и куртке, с кепкой в руке. Выражение его лица было настолько зловещим, что у — Гардении перехватило дыхание.

— Добрый вечер, — угрожающе спокойно произнес он. — По-моему, вы что-то ищете. Вам помочь?

Если бы Гардении помешало появление кого-нибудь из слуг, она сказала бы, что ищет конверт, так научил ее барон. К данной же ситуации она не готовилась. Если бы даже и готовилась, все равно не смогла бы вымолвить сейчас и слова.

— Не думал, что мое имущество — весьма и весьма скромное — представляет для вас столь большой интерес, — сказал лорд Харткорт гневно. — И что же конкретно вы ищете?

— Вы ведь должны были играть в поло... — пролепетала Гардения.

— Я мог играть в поло, — резко поправил ее лорд Харткорт. — Вы сами объясните мне, чем здесь занимаетесь, или мне следует попросить слуг вызвать полицию?

— Полицию? — переспросила Гардения, поднимаясь на ноги. Она выглядела болезненно бледной и содрогалась всем телом. — Я... Я ничего не могу вам объяснить. Если я проболтаюсь, кое у кого возникнут серьезные проблемы...

— Охотно верю, — отрезал лорд Харткорт. — Но, боюсь, вам все-таки придется во всем мне признаться. В противном случае, как я уже сказал, я вызову полицию и обвиню вас в воровстве.

— Но я ничего не украла, — поспешно пробормотала Гардения, испуганно тараща глаза.

— А как вы можете это доказать? — спросил лорд Харткорт. — Обыскивать вас самостоятельно я не намереваюсь. Но нахожу ваше поведение более чем странным. Вы проникаете в мое жилище обманным путем, роетесь в моих вещах. — Он многозначительно посмотрел на аквариум с рыбкой. — Дворецкий рассказал мне ту нелепую ложь, которую вы ему выдали.

— Да... — пробормотала Гардения беспомощно. — Я солгала... Но мне очень нужно было прийти сюда...

— Для чего? — злобно прищуривая глаза, потребовал лорд Харткорт.

— Я не могу ответить вам, — вымолвила Гардения. — Не хочу подвергать кое-кого опасности...

— А о себе вы не думаете? — Лорд Харткорт выдержал непродолжительную паузу. — Что ж, я вынужден привлечь к этому делу полицию. Один из офицеров всегда находится на посту у здания нашего посольства.

— О нет! Прошу вас, не делайте этого! — взмолилась Гардения. — Разгорится большой скандал! Что скажет тетя Лили?

— Уж ей придется что-нибудь сказать! — выпалил лорд Харткорт. — Учтите, я тоже не буду молчать. Я должен знать, что вы тут делаете, кто вас сюда прислал, что надеялись отыскать в моем столе, сколько вам заплатили.

Гардения съежилась под шквалом его суровых слов и медленно попятилась назад, а наткнувшись на стол, пошатнулась и чуть не упала.

— Никто мне не платил. Никто, честное слово.

— Думаете, я вам верю? — выкрикнул лорд Харткорт. — Шпионам всегда платят, и платят немало!

Гардении показалось, что ее хлестнули кнутом по голове: ей вдруг стало понятно, во что ее вовлекли. Она в ужасе расширила глаза и прижала руки к сердцу, которое билось так учащенно, что вот-вот готово было выпрыгнуть наружу.

— О Боже... — простонала она. — Я ведь не знала... Сразу я просто не догадалась... Наверное, я круглая дурочка, если позволила ему так себя обмануть...

— Кому? — требовательно и грозно спросил лорд Харткорт. — Барону?

— Да, — ответила Гардения, хватаясь руками за столешницу, чтобы не упасть. — Его слова, естественно, показались мне странными, но он сказал, что тетя сильно страдает... Что я должна сделать это ради нее... — Ее голос оборвался. Еще немного, и она разразилась бы слезами.

— Может, вы присядете и успокоитесь? — предложил лорд Харткорт гораздо более доброжелательно. — А потом расскажете мне все по порядку.

Повинуясь ему как будто во сне, Гардения пересекла комнату, опустилась на диван у камина, сняла шляпу и сцепила руки в замок. Свет вечернего солнца, лившийся из окна напротив, окрасил ее светлые волосы и бледное лицо в мягкие золотистые тона. Она набрала в легкие побольше воздуха и заговорила сбивчиво и эмоционально.

— А ведь я поверила ему по-настоящему только тогда, когда он завел речь об этом мальчике, который якобы учится на морского офицера... Теперь понимаю, что никакого Дэвида не существует. И почему, почему я повела себя настолько глупо, настолько смешно?

Теперь ее голос дрожал сильнее, и она крепче сжимала пальцы, чтобы не потерять контроль над собой.

— Начните с самого начала, — спокойно и тихо предложил лорд Харткорт.

Страшно волнуясь и поражаясь собственной наивности, Гардения рассказала, как барон поведал ей о Дэвиде, его странных письмах и переживаниях герцогини, как попросил ее проникнуть в квартиру к лорду Харткورتу, как она ответила отказом.

— Когда барон решил, что я не желаю помочь тете, я пришла в негодование. Ведь я люблю ее и сделала бы все, что в моих силах, чтобы облегчить ей жизнь, но пойти одной в дом к мужчине — это я считаю верхом непорядочности... — Она перевела дыхание. — Барон сказал, что бедной тете придется продолжать мучиться, а Дэвиду пропадать в тюрьме...

— Вы маленькая глупышка, — произнес лорд Харткорт. На этот раз очень мягко. — Но я вам верю.

— Теперь я понимаю, что сделала большую глупость, приняв за чистую монету выдумку барона, — пробормотала Гардения. — Наверняка человек, который только учится на офицера, не имеет доступа к секретным шифрам.

— Конечно, не имеет, — подтвердил лорд Харткорт.

— Барон не дал мне возможности все обдумать, — продолжила Гардения. — Как только я сказала, что согласна осуществить его план, он тут же отправил меня в мою комнату, чтобы я взяла шляпу и перчатки, а когда я вновь спустилась вниз, у него в руках уже был аквариум, а во дворе меня ждал экипаж.

— Барон знает свое дело, — сказал лорд Харткорт, слегка хмурясь. — Его тактика эффективна — заставить человека действовать мгновенно, не дав ему возможности осознать, на что он идет. Верховное командование Германии давно славится своими методами управлять людьми.

— А ведь все, что он мне сказал, оказалось правдой, — задумчиво произнесла Гардения. — Вы играли в поло, в холле меня встретил дворецкий-новичок, а посол с супругой сегодня вечером отсутствуют...

— Да, все так и есть. Немцы работают основательно. — Лорд Харткорт криво улыбнулся. — Не предусмотрел барон лишь единственного: того, что игра в поло закончится сегодня намного раньше, чем обычно. Один из игроков упал с лошади и повредил себе ногу.

Гардения взглянула ему в глаза.

— Не знаю, как мне просить у вас прощения... За свою глупость... Мне ужасно стыдно. Если бы вы вызвали полицейских и я рассказала бы правду им, они не поверили бы мне, посчитали бы, что я шпионка.

Лорд Харткорт кивнул:

— Верно, все было бы именно так. В наши дни французская полиция во всех готова видеть шпионов, ведь их на самом деле очень много.

— Вы хотите сказать, что немцы шпионят за французами? — спросила Гардения, хлопая ресницами.

— Конечно, шпионят! — воскликнул лорд Харткорт. — И за англичанами тоже. Каждая пешка в их игре выполняет важную роль. И вы могли бы принести им немалую пользу. Наверное, барон решил, что я как истинный небрежный англичанин бросил книгу с шифрами где-нибудь на письменном столе. Если бы вам удалось разузнать их, то барона представили бы к награде. Если бы нет — тогда я, вернувшись домой, просто обнаружил бы на своем столе этот чудесный аквариум.

И записку — след вашего пребывания в моей гостиной.

— М-да, — задумчиво произнесла Гардения. — Все было просчитано очень тонко. Но если бы я пораскинула мозгами, то не попала бы в эту ловушку.

— Барон — человек опытный и умный, — сказал лорд Харткорт. — Вы — далеко не первая, кого он использовал для достижения своих целей.

Глаза Гардении встревоженно блеснули.

— Неужели... барон — шпион? — спросила она полупшепотом. — Но тогда почему вы его не арестуете?

— Дорогая моя, мы с Германией — друзья, — сказал лорд Харткорт, саркастически улыбаясь. — И не имеем права обвинять ни одного из немцев в том, чего не можем доказать.

— Как это не можете? Ведь сегодня барон послал меня к вам!

— А если он заявит, что ничего подобного не делал? — спросил лорд Харткорт. — Как вы думаете, кому из вас скорее поверят? Ему или вам?

— Но я расскажу все в подробностях, покажу аквариум, который мне дал барон, — пылко и решительно произнесла Гардения.

Лорд Харткорт улыбнулся.

— Взгляните на сложившуюся ситуацию со стороны. Вы, молодая красивая особа, приходите ко мне, человеку, в компании с которым вас не раз видели посторонние. Полагаете, после этого кто-то поверит в ваш рассказ о бароне?

— О! — сорвалось с губ Гардении, и она прижала к щекам ладони.

— Теперь вы понимаете, Гардения, почему барон выбрал своей жертвой именно вас? — спросил лорд Харткорт.

Его голос звучал совсем беззлобно. Гардении показалось, в нем слышатся даже нежные нотки.

Она вскочила на ноги.

— Мне пора домой.

Лорд Харткорт поспешно подошел к дивану, сел и взял Гардению за руку.

— Побудьте у меня еще немного. Пусть наша встреча, так искусно подстроенная бароном, закончится приятно для нас обоих.

Он сильнее сжал пальцы вокруг ее руки, и она покорно опустилась на край дивана.

— Только не издевайтесь надо мной, умоляю. Я и так чувствую себя до безумия одинокой и несчастной. Простите меня и скажите, что мне сказать барону, — пробормотала она тихо и жалобно.

— Правду, — ответил лорд Харткорт.

Но, помолчав, добавил:

— Или поступите по-другому. Так будет даже лучше.

Он поднялся с дивана, написал на листе бумаги три каких-то знака и напротив каждого из них по букве.

— Скажите, что нашли это в книге с шифрами, и отдайте барону.

Гардения с недоверием взглянула на лист.

— Что это такое?

— То, за чем вы сюда пришли, — ответил лорд Харткорт. — Знаки, применяемые военноморским флотом Англии для шифровки писем и телеграмм.

— Но они неверные, — произнесла Гардения утвердительно.

— Разумеется! — Лорд Харткорт негромко рассмеялся. — Эти знаки — старые, их уже не используют. Пусть барон немного порадуетя. Пока не узнает правду.

— Лучше я не буду отдавать ему этот лист, — медленно ответила Гардения. — Я ненавижу этого человека, возненавидела его, как только увидела впервые. Я вообще не хочу с ним больше разговаривать, особенно теперь, когда знаю, что он собирался с моей помощью навредить моей же стране...

— В таком случае отдайте ему это, чтобы помочь своей стране, — сказал лорд Харткорт. — Может, вам даже удастся выведать у него какую-нибудь нужную для нас информацию.

Иметь своего человека в лагере врага — это всегда полезно.

Гардения порывисто взяла лист с кодами из руки лорда Харткорта и бросила его на пол.

— Я не желаю шпионить для кого бы то ни было! — закричала она. — Это подлое и низкое занятие! Люди, сознательно ввязывающиеся в подобные делишки, напоминают мне змей и

ящериц! Я не намерена им уподобляться!

Лорд Харткорт опять рассмеялся. Но его смех прозвучал добродушно, и Гардения ничуть не обиделась.

— Когда вы сердитесь, Гардения, ваши глаза приобретают необыкновенно красивый оттенок, — сказал он. — Вы странный человек, ни на кого не похожи.

— В данный момент я несчастный человек, — пробормотала Гардения. — Мне предстоит вернуться домой и встретиться с бароном. — Она вздохнула. — Я расскажу ему все, что здесь произошло. Пусть знает, что вам известно о его гадких намерениях.

— Нет, ничего ему не говорите, — произнес лорд Харткорт со всей серьезностью. — Этим вы добьетесь лишь одного: заставите его стать более осторожным. Отдайте ему этот лист, действительно вам советую.

Гардения упрямо покачала головой.

— Тогда он еще вздумает тут же отблагодарить меня, а этого мне не вынести. — Она отвела взгляд в сторону.

Лорд Харткорт нахмурился.

— Этот тип уже пытался приставать к вам с какими-нибудь грязными предложениями?

— Вчера он поцеловал меня, — выдала Гардения неожиданно для самой себя. — Я пришла в такой ужас, что была готова его убить! Просидела весь вечер в своей комнате, даже отказалась от ужина. А сегодня он разыскал меня в библиотеке. И так ловко одурачил! О Боже! Не знаю, как мне продолжать с ним общаться.

— Вам необходимо уйти из дома герцогини, — сказал лорд Харткорт твердо.

— И куда мне деваться? — спросила Гардения жалобным голосом.

Прежде чем она успела сообразить, что сейчас произойдет, лорд Харткорт протянул руки, обнял ее и нежно привлек к себе.

— Позвольте мне забрать вас, Гардения, — прошептал он ласково. — Я буду охранять вас от всех баронов на свете, окружу вас вниманием и заботой. Мы проживем счастливо вместе.

Гардении казалось, что ей снится чудесный сон. Лорд Харткорт медленно припал к ее губам, и время замерло. Он целовал ее все более жадно и пламенно, а она таяла в его руках, полностью отдаваясь волшебной силе поцелуя, не желая возвращаться в реальность. И все невзгоды и неприятности вдруг потеряли для нее свою значимость. Она могла думать лишь об одном: о том, что теперь, как когда-то при жизни родителей, ей опять можно ничего не бояться.

Сильные руки лорда Харткорта дарили утешение и чувство защищенности, его губы сводили с ума.

— Я люблю вас, — пробормотала она, поддавшись буре наводнивших душу эмоций.

Лорд Харткорт обнял ее крепче и принялся целовать с удвоенной страстью. А Гардения затрепетала от восторга, упиваясь ни с чем не сравнимыми ощущениями. Лишь когда рука лорда Харткорта скользнула к ее груди, в ней проснулся голос разума. И она, поддавшись назад,

прошептала:

— Мне пора уходить, Я не должна здесь задерживаться.

Это крайне неприлично, вы ведь понимаете.

Ее глаза светились каким-то божественным сиянием, а губы были полураскрыты. Лорд Харткорт в молчаливом восхищении смотрел на ее лицо, как будто видел его впервые.

— Мне пора, — повторила Гардения. — Тетя начнет волноваться. Подумает, что со мной что-нибудь случилось.

Лорд Харткорт нехотя взглянул на часы. Через некоторое время ему тоже следовало идти по делам.

— Когда мы снова встретимся? — спросил он. — Сегодня вечером я, к сожалению, занят. Обязан присутствовать на трех званых вечерах вместе с послом. Освобожусь только в два ночи.

— Приходите ко мне завтра, — сказала Гардения, беря его крупные руки в свои маленькие. — Я счастлива, безумно счастлива, — добавила она шепотом.

— Я тоже, — ответил лорд Харткорт. — Вы намерены рассказать о нас тете?

— О нет! — Гардения решительно покачала головой. — Думаю, это совсем ни к чему. Она поделится новостью с бароном, а он вздумает попросить меня... В общем, я считаю, что нам не стоит раскрывать свою тайну кому бы то ни было. По крайней мере до тех пор, пока мы все как следует не обдумаем.

— Отличная мысль! — Лорд Харткорт улыбнулся. — Я заеду за вами завтра днем в половине первого. В это время у меня перерыв. Поедем куда-нибудь, перекусим. И все обсудим.

— Замечательно! — воскликнула Гардения. — Это было бы просто замечательно!

Она взяла с дивана шляпу и внимательно и задумчиво посмотрела лорду Харткورتу в глаза. Ее лицо приобрело какое-то странное выражение.

— Неужели это правда? — пробормотала она. — Мы действительно друг друга любим?

— Конечно, — ответил он, умиленно улыбаясь. — Вы необыкновенная девушка, Гардения. А я очень счастливый мужчина.

Она взволнованно вздохнула.

— Теперь мне следует вывести вас отсюда, — озабоченно сдвигая брови, сказал лорд Харткорт. — Где ваш экипаж?

— Должен стоять на улице. А почему это вас интересует? — спросила Гардения.

Лорд Харткорт на мгновение поджал губы, и она без слов все поняла: он думал о ее репутации!

— Надевайте шляпу и перчатки. Я провожу вас до экипажа. Разговаривайте со мной как можно более холодно и вежливо — так, как разговаривали бы с малознакомым человеком, — велел он.

Гардения прошла к зеркалу, висевшему над камином, поправила волосы, надела шляпу,

натянула перчатки и приблизилась к лорду Харткорт, который уже стоял у двери.

Он еще раз внимательно и с любованием рассмотрел ее лицо. И вновь поцеловал в губы. Ей хотелось навсегда остаться в этих милых комнатах, где она внезапно обрела новое счастье, никогда не прекращать пьянящий поцелуй, забыть о гадком бароне, Тетиных безумных вечеринках, ее пьяных гостях и собственных переживаниях. Но пока это было невозможно.

Через минуту они уже спускались по устланной синими ковровыми дорожками лестнице, двигаясь к парадному входу, не глядя друг на друга и ни о чем не разговаривая.

Гардения мысленно повторяла, что однажды она придет в это же здание в качестве жены лорда Харткорта, и тогда, ей будет нечего бояться.

Он помог ей сесть в экипаж и громко произнес:

— До свидания, мисс Уидон. Большое спасибо за визит и за чудесный аквариум.

Экипаж тронулся с места, и лорд Харткорт спокойно принялся подниматься по лестнице, направляясь домой.

Гардении на мгновение почудилось, что он уже забыл про нее, и она почувствовала внезапную щемящую боль в сердце.

Но тут же заставила себя отбросить глупые сомнения.

«Этот человек любит меня, и я ничего не должна бояться, — сказала она себе твердо. — Он любит меня. А я люблю его. О Господи, как сильно я его люблю!»

Глава десятая

Гардения сбегала вниз по ступеням к серой машине, в которой ее ждал лорд Харткорт. Яркое солнце слепило ей глаза и раскрашивало все вокруг золотыми праздничными красками.

Сегодня все выглядело для нее по-особому, потому что она чувствовала себя бесконечно счастливой.

На ней было новое платье, доставленное утром от мсье Борта, — цвета цикламена с голубой отделкой, очень изящного и простого покроя. Она выглядела в нем как свежий нежный цветок.

— Вы пунктуальны, — заметил лорд Харткорт с улыбкой, выйдя из машины и раскрыв для нее дверцу. — Ни одна из знакомых мне женщин не отличается этим качеством.

— Я собралась уже полчаса назад, — бесхитростно призналась Гардения.

О кокетстве она даже не помышляла, потому, имела слишком мало опыта в отношениях с мужчинами и была ослеплена вспыхнувшим в ее сердце чувством.

— Мне казалось, я никогда не дождусь этого момента, — сказала она, садясь в машину.

Лорд Харткорт вернулся на свое место и окинул спутницу продолжительным нежным взглядом.

— Я тоже ждал нашей встречи с огромным нетерпением.

— Куда мы поедем? — спросила Гардения.

— В один ресторанчик на берегу Сены, — ответил лорд Харткорт, заводя двигатель. — Надеюсь, вам он понравится.

Там чудесно готовят, и прямо из окон можно наблюдать за движущимися по реке баржами. Открыли это заведение не так давно. Вскоре в него устремятся толпы народа, и оно потеряет свою нынешнюю прелесть. Пока же его посещают лишь истинные ценители прекрасного.

Гардения рассмеялась.

— Вот, значит, какого вы о себе мнения!

Лорд Харткорт улыбнулся.

— Когда в этот ресторанчик устремятся потоки людей, Гардения, он перестанет быть подходящим местом для нас с вами.

Гардении нестерпимо захотелось прижаться щекой к его плечу, но она сдержалась.

Лишь прошептала:

— Повторите последнюю фразу еще раз. «Для нас с вами» — это звучит восхитительно. Для нас двоих...

— Для нас двоих, — произнес лорд Харткорт. — Господи, какой же вы еще ребенок, Гардения. Мне предстоит научить вас множеству вещей.

Когда они подъехали к ресторану, Гардения с удовлетворением отметила, что возле него стоит лишь несколько экипажей и пара машин.

Обстановка этого заведения была уютной и простой, но лорда Харткорта встретили в нем как почетного гостя. Официант в униформе проводил их к свободному столику, расположенному в небольшом углублении в стене.

Гардения сняла перчатки, и ей подали меню.

— Только не торопитесь, — предупредил ее лорд Харткорт. — Выбор блюд во французском ресторане — дело святое. Необходимо тщательно все обдумать и обсудить с официантом детали.

Гардения чуть было не сказала, что вовсе не голодна; но вовремя передумала, почувствовав, что таким образом испортит лорду Харткورتу трапезу.

— Может, вы выберете что-нибудь и для меня?

Лорд Харткорт ждал, что она попросит его об этом. Поэтому с готовностью кивнул.

На протяжении довольно длительного периода он обсуждал с официантом особенности разных блюд, потом — вин. А когда заказ был наконец сделан, протянул Гардении руки. Она с радостью вложила в них свои маленькие пальчики.

— У меня для вас хорошая новость, — сообщил он.

— Какая? — спросила Гардения.

— Один мой друг хочет, чтобы в квартире, за которую он заплатил вперед, кто-нибудь пожил. Дело в том, что его срочно отправляют в Швецию. Ему следует уехать уже завтра. Вы согласились бы переехать в эту квартиру?

— Конечно! — воскликнула Гардения, не веря своему счастью.

— Она не очень большая и не отличается роскошью, но расположена на левом берегу Сены недалеко от собора Парижской Богоматери. Позднее я смогу предложить вам дом, а пока вы вполне можете пожить и там.

— Как замечательно! — Гардения прижала ладони к груди. — Я не ожидала, что все решится так скоро.

— Если бы у меня была такая возможность, я переселил бы вас из дома герцогини уже сегодня, — сказал лорд Харткорт твердо. — Мне невыносимо думать, что вы живете там, где постоянно ошивается барон. Когда я вспоминаю о том, как он с вами обошелся, мне хочется задушить его собственными руками.

Гардения вздохнула.

— Я очень благодарна вам за заботу, — пробормотала она. — Я сама не могу терпеть барона и была бы счастлива, если бы больше никогда в жизни его не видела. Он отвратителен! Но вот тетя Лили... Как я скажу о своем переезде ей?

— Поведение вашей тети во многом возмутительно, — сдержанно произнес лорд Харткорт.

— Но она так добра ко мне... — тихо сказала Гардения.

— Я не вполне с вами согласен, — возразил лорд Харткорт. — Но давайте поговорим о чем-нибудь другом. Вы хотите взглянуть сегодня на квартиру?

— А это возможно? — воодушевленно спросила Гардения.

— Конечно. Ведь вам интересно?

— Еще как! — Гардения радостно улыбнулась. — Не сомневаюсь в том, что она мне понравится. Но главное, чтобы вам в ней было удобно.

— Ошибаетесь, моя милая глупышка. Главное, чтобы квартира пришлась по вкусу вам. Я ведь не смогу постоянно находиться с вами рядом.

Гардения на мгновение задумалась.

— Верно, вы ведь должны ходить на работу. Я все понимаю. По утрам я буду готовить вам завтрак. Я неплохой повар, вот увидите.

Между бровей лорда Хартворта образовалась небольшая складка.

— Но, Гардения... Быть с вами каждую ночь у меня не получится. Раз в неделю, возможно. А еще по выходным. Но на выходные лучше вообще уезжать из города. На расстоянии двадцати — тридцати миль от Парижа есть множество милых отелей...

Он резко замолчал, обратив внимание на то, что Гардения смотрит на него как-то странно.

— Но... — начала было говорить она, но тоже смолкла, увидев поразительно красивую женщину, покинувшую своего кавалера, с которым только что вошла в ресторан, и решительно направившуюся к их столику.

Приблизившись, дама бесцеремонно уставилась на лорда Харткорта.

Гардения смотрела на нее во все глаза. Зеленое платье, экстравагантная накидка из шифона и кружева, огромная шляпа со страусовыми перьями! А какая белая кожа у этой женщины.

Ее ресницы, покрашенные тушью, были очень длинными и пушистыми, а глаза — необыкновенными.

Лорд Харткорт медленно поднялся на ноги.

— Нам не о чем разговаривать, — процедил он сквозь зубы.

— Как это не о чем? Я должна объяснить тебе, что произошло. Выслушай меня хотя бы раз. Ты отказался встречаться со мной, не ответил ни на одно из моих писем. Это жестоко, Вейн!

Голос женщины звучал как дивная мелодия. Гардения не могла понять, почему на лорда Харткорта не действуют чары этой красавицы.

— Нам не о чем разговаривать, Анриэтта, я уже сказал, — заявил он безапелляционным тоном.

У Гардении все замерло внутри.

«Значит, эта обольстительная фея и есть та самая Анриэтта, — подумала она с горечью. — Та Анриэтта, о которой мне рассказывал Бертрам Каннингхэм...»

— Прощай, Анриэтта! — сказал лорд Харткорт и вновь опустился в кресло. — Наш разговор окончен.

— Окончен? — переспросила Анриэтта резко изменившимся голосом. Теперь в нем звучали неприятные, злобные нотки. — Больше ты ничего не хочешь мне сказать? Да как ты смеешь обращаться со мной как с грязью, прилипшей на улице к ботинкам? — визгливо прокричала она. — Сегодня утром ко мне приходил твой поверенный. Сказал, что я должна освободить дом. Я освобожу его, но только тогда, когда соберу вещи. Можете подавать на меня в суд, ваша милость, я все равно не потороплюсь! — Ее губы искривились в усмешке. — Но до суда дело не дойдет! Тебе ведь не хочется стать главным участником крупнейшего в Париже скандала?

Лорд Харткорт спокойно смерил бывшую подругу презрительным взглядом. Судя по всему, ее крик и угрозы абсолютно на него не действовали.

— Уходи, Анриэтта, или я велю позвать хозяина ресторана, — сказал он невозмутимо.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Анриэтта пыхтела от негодования и не двигалась с места.

— Я оставил тебя с изумрудным ожерельем, — вновь заговорил лорд Харткорт. — Но до сих пор за него не заплатил. Если ты только попытаешься разжечь скандал или не выселишься из дома как можно скорее, я свяжусь с ювелиром и сообщу ему, что отказываюсь покупать эту побрякушку. Поняла?

Анриэтта продолжала вызывающе и с ненавистью смотреть на лорда Харткорта, но по выражению ее лица было видно, что она сдалась. Он не имел ни малейшего желания возвращаться к ней и ясно дал это понять. На поиски очередного любовника, готового тратить на нее сумасшедшие деньги, ей предстояло затратить немало сил и времени, и оставаться ни с чем она явно не желала. Поэтому, боясь лишиться и ожерелья, резко развернулась, намереваясь уйти, но задержалась еще ненадолго — ее взгляд упал на Гардению.

— Может, все дело в тебе? — прошипела она с той же злобой в голосе. — Не из-за тебя ли он так настойчиво пытается от меня отделаться? Учти: через несколько недель ты до смерти ему надоешь. Ты не в его вкусе, это я точно знаю.

Можешь передать это и своей потаскухе-тетушке!

— Анриэтта! — рявкнул лорд Харткорт.

Но Анриэтта его не слушала. Она уже шагала к выходу, где ее ждал мужчина, вместе с которым они пришли.

— Пойдем отсюда! В этом заведении я встретила пренеприятных личностей! — воскликнула она как можно громче. — Не могу находиться с ними под одной крышей!

Немногочисленные посетители, не привыкшие слышать брань в подобных местах, удивленно повернули головы, но Анриэтта уже вышла, сопровождаемая кавалером и длинным шлейфом изысканного аромата.

Лорд Харткорт с облегчением вздохнул.

— Ради Бога, простите меня, Гардения! — пробормотал он. — Я и подумать не мог, что встречу здесь с Анриэттой. Если бы я предвидел, что она придет сюда и устроит сцену, ни за что на свете не подверг бы вас этой пытке.

Гардения не отвечала. Ее лицо было белым как полотно. Видя это, лорд Харткорт уже не знал, что делать.

— Наверное, вам следует чего-нибудь выпить, чтобы расслабиться. — Он сделал жест рукой, подзывая официанта, — Откройте нам, пожалуйста, шампанское.

Официант ловко откупорил бутылку с игристым вином и наполнил бокалы.

Лорд Харткорт взял свой и одним глотком опустошил его наполовину.

Гардения даже не пошевелилась. А когда официант отошел от их столика, произнесла неестественно тихо и спокойно:

— Насколько я поняла, мне можно въезжать в квартиру, о которой вы рассказали, уже завтра?

— Да, да, завтра, — оживленно ответил лорд Харткорт.

Перевести разговор на другую тему и забыть об Анриэтте — он мечтал в данную минуту только об этом.

— Но разве до завтра мы успеем пожениться? — спросила Гардения все тем же тихим голосом.

Наступило напряженное молчание. Лорд Харткорт изменился в лице, крепче сжал пальцы

вокруг ножки бокала и уставился на его содержимое — светло-желтую жидкость с поднимающимися вверх пузырьками. Потом сдавленно ответил:

— Давайте поговорим об этом позднее, Гардения.

Гардения пошевелила рукой, задев бокал с шампанским, к которому так и не притронулась. Бокал со звоном ударился о столешницу и разлетелся на куски, а вино мгновенно залило скатерть;

— О Боже! Какая я неуклюжая! Простите меня... — пробормотала Гардения.

— Не беспокойтесь, — принялся утешать ее лорд Харткорт. — Сейчас все это уберут, а скатерть поменяют. Официант!

Гардения взглянула на свое платье и ахнула.

— Наверное, мне следует сходить в уборную.

— Конечно, конечно, — согласился лорд Харткорт. — Там вам помогут привести себя в порядок.

Гардения поднялась со стула и прошла в уборную, располагавшуюся правее кухни. Женщина средних лет встретила ее у двери и предложила свою помощь.

— Я плохо себя чувствую, мадам, — пробормотала Гардения по-французски. Ее лицо выглядело болезненно бледным, и женщина помогла ей добраться до стула и сесть.

— Может, принести вам немного бренди, Ma'm'selle? спросила она.

Гардения вяло кивнула.

Несколько глотков горячительного напитка придали ей сил.

Ее щеки порозовели.

— Мне необходимо отсюда уйти, мадам, но так, чтобы Monsieur об этом не узнал, понимаете? — сказала она. — Со временем ему, конечно, все станет понятно...

Женщина кивнула. Выполнять странные просьбы посетителей давно вошло в ее каждодневные обязанности.

— Через ту дверь вы можете выйти во двор, Ma'm'selle.

Сверните налево и увидите стоянку для наемных экипажей.

— Большое вам спасибо, — произнесла Гардения, поднимаясь со стула и доставая из сумочки купюру в пять франков.

Взяв деньги, женщина просияла.

— Я ничего не скажу вашему Monsieur, — заверила она. — Он узнает о том, что вы ушли, только когда сам о вас спросит.

— Вы очень добры, — с искренней признательностью ответила Гардения и поспешно выбежала

из здания через дверь в дальней стене.

Внутренний двор был переполнен ящиками из-под вина, мусорными баками и бездомными кошками.

Гардения быстро пересекла его, свернула налево и без труда нашла стоянку для наемных экипажей. Она была пуста.

Лишь через несколько минут к ней подъехала древняя коляска, запряженная не менее древней клячей. Гардения велела извозчику отвезти ее к дому графини де Мабийон.

Лишь забравшись в экипаж и усевшись на сиденье, она прижала ладони к щекам и принялась обдумывать ситуацию, в которой оказалась.

Ее сердце нестерпимо болело, как от удара кинжалом, и она прекрасно понимала, что эту боль причинила ей отнюдь не Анриэтта, а лорд Харткорт.

«Какая я глупая, какая наивная! Решила, что вот-вот выйду замуж по любви! — размышляла она, глотая то и дело подступавший к горлу ком. — И почему мне не пришло в голову, что лорд Харткорт, высказывая желание заботиться обо мне, вовсе не думает о законном браке?»

Наверное, все дело в моем воспитании, в том, что мама и папа готовили меня совсем к иной жизни. В том, что я росла в другой среде, в окружении других людей...»

Она вспомнила роскошную Анриэтту и сравнила с ней себя.

И поняла, что бывшая подруга лорда Харткорта права: он устал бы от своей новой пассии буквально через несколько недель и тоже отделался бы от нее, как от пришедшей в негодность вещи.

Она осознала вдруг, что дом, в который лорд Харткорт обещал переселить ее позднее, был домом, где сейчас еще жила Анриэтта, и почувствовала себя настолько униженной, что едва не расплакалась.

Закрыв глаза, она медленно покачала головой, будто желая очиститься от грязи, в которую по неосторожности наступила.

Ей вспомнилось, каким словом назвала продажная Анриэтта ее тетю, и голова у нее пошла кругом.

«Неужели тетя действительно пала настолько низко? — думала она. — Неужели в этом городе порочны и развращены абсолютно все?»

В ее памяти одно за другим всплыли высказывания бывавших в доме тети мужчин, и она вдруг поняла, что в силу своей неискушенности понимала их абсолютно не правильно. Сейчас смысл всех произнесенных ими слов дошел до нее с ужасающей ясностью. Неудивительно, что тетины гости смело бросали на нее косые взгляды, что останавливавшиеся с ними в парке джентльмены рассматривали ее настолько откровенно, что она чувствовала себя обнаженной.

Ее охватило безудержное желание сегодня же уехать из Парижа, вернуться на родину, поселиться среди приличных людей и начать новую, достойную жизнь. Но от этой затеи пришлось тут же отказаться — на поездку и проживание где бы то ни было в другом месте она не имела денег.

Когда разбитая коляска остановилась у дома Мабийон, к ней поспешно подошел лакей и, открыв дверцу, помог Гардении спуститься на землю.

— Заплатите, пожалуйста, извозчику, — попросила она и уверенно зашагала вверх по лестнице, внезапно решив, что сейчас же направится к тете и заведет с ней откровенный разговор.

Сердце подсказывало ей, что люди не зря говорили о герцогине столько ужасных вещей, но она хотела услышать подтверждение им от самой тети. Допускать ошибку за ошибкой по причине своей неопытности и своего неведения становилось для нее невыносимым.

В холле ей навстречу вышел дворецкий.

— Где ее светлость? — спросила Гардения, не узнавая собственного голоса. Он прозвучал слишком резко.

— Ее светлость в своей комнате, — ответил дворецкий. — Она велела, чтобы машина ждала ее у дома в час сорок пять. — Он взглянул на часы. — А сейчас только час сорок.

— Я поднимусь к ней, — пробормотала Гардения, обращаясь больше к себе, нежели к дворецкому.

Как только она коснулась рукой поручня, со стороны парадного до нее донесся знакомый голос Бертрама Каннингхэма.

— Я хотел бы срочно увидеть мисс Уидон.

— Извините, но я занята, — громко и подчеркнуто холодно крикнула Гардения, поворачивая голову. Теперь она понимала, к чему так настойчиво склонял ее этот Бертрам, и была зла на него не меньше, чем на всех остальных.

Берти подскочил к ней и схватил за руку.

— Не упрямитесь, я пришел к вам по крайне важному делу.

Не успела Гардения опомниться, как он буквально силой потащил ее в библиотеку. А закрыв за собой дверь, выпалил:

— Сегодня герцогиню должны арестовать.

Гардения посмотрела на него так, словно перед ней стоял сбежавший из психиатрической лечебницы пациент.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, изумленно пожимая плечами.

— Прошлой ночью Сюрте 22 задержала Пьера Гозлина, — сообщил Бертрам. — Мне сказали, что он признался в том, что продавал военные секреты барону фон Кнезебеху.

— Барону? Но тетя наверняка...

— Ваша тетя — активная помощница барона, — произнес Бертрам, понизив голос. — Эту информацию я получил от проверенных людей. И у меня нет оснований сомневаться в ее правдивости.

— Тетю спасет барон! — воскликнула Гардения.

— Не спасет, — отрезал Бертрам. — Сегодня утром он покинул Париж.

— Значит, ей придется одной за все отвечать... — пробормотала она.

— Надеюсь, вы понимаете, что должны немедленно бежать отсюда? Чем раньше вы это сделаете, тем больше у вас останется шансов на спасение, — торопливо проговорил Бертрам. — Судьба герцогини меня не интересует, я страшно переживаю за вашу участь. — Он нервно сглотнул. — В последнее время вы жили в этом доме. Никто не поверит в то, что вас не привлекали к осуществлению преступных махинаций.

Гардения вспомнила о своем кошмарном походе в комнаты лорда Харткорта и почувствовала, как от страха ее сердце превращается в комок льда.

— Что же делать? — произнесла она на выдохе.

— Бежать, — с чувством ответил Бертрам. — Вашу тетю арестуют, ее деньги заморозят по крайней мере до тех пор, пока ей не вынесут судебный приговор. Но очень сомневаюсь, что после суда она получит свободу.

Гардения глубоко вздохнула.

— Значит, мне следует как можно быстрее увезти ее отсюда. Мы поедem в Англию.

— Я так и думал, что именно эта идея придет вам в голову, — сказал Берти. — Но ехать в Англию для вас небезопасно. Вы англичане, все и ожидают, что вы поспешите вернуться на родину. Направляйтесь лучше в Монте-Карло. Монако — нейтральное государство. Оттуда в Англию вы сможете перебраться на корабле.

Он извлек часы из кармана жилета и взглянул на них.

— Еще нет и двух. Поезд на Монте-Карло отходит с Лионского вокзала в четырнадцать сорок пять. У вас еще есть время.

— Но... это невозможно... — пробормотала Гардения, но тут же приказала себе не поддаваться отчаянию и панике. — Вообще-то, думаю, мы успеем на этот поезд.

— Вы умница! — похвалил ее Берти. — Уверен, у вас все получится. А теперь мне надо бежать, вы ведь понимаете. Я пришел к вам, рискуя потерять работу.

— Я очень вам благодарна, — сказала Гардения.

Бертрам открыл дверь и отступил в сторону, пропуская Гардению вперед. Она, поравнявшись с ним, приостановилась, поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку, как сестра брата.

Он улыбнулся и прошептал:

— Я безумно за вас волнуюсь.

— Еще раз огромное спасибо, — ответила Гардения и стремительно зашагала через холл к лестнице.

Взбежав на второй этаж, она без стука влетела в комнату герцогини.

Та сидела перед зеркалом в окружении служанок, заканчивавших приводить ее в должный вид.

— А вот и ты, девочка моя! — воскликнула она протяжно, увидев Гардению. — А я собиралась послать кого-нибудь к тебе в комнату. Хотела узнать, не желаешь ли ты прогуляться вместе со мной.

— Тетя Лили, я должна поговорить с вами наедине, — заявила Гардения.

Служанки молча положили на столик расчески и шипцы и направились к выходу. Ивонн окинула Гардению недовольным взглядом. Но та не обратила на нее ни малейшего внимания.

— Нам следует срочно уехать, тетя Лили, — сказала она, закрыв дверь на замок, когда девушки вышли.

вернуться

22

Французская сыскная полиция.

— Уехать? — рассеянно переспросила герцогиня, оглядывая племянницу с головы до ног. — Ты чудесно выглядишь сегодня. Это платье — настоящее произведение искусства. Только мсье Ворт мог создать подобную прелесть.

Гардения ее не слушала.

— Пьера Гозлина арестовали сегодня ночью, — выдала она. — Говорят, он во всем признался.

По резко изменившемуся выражению лица герцогини было件нятно, что ей ясен весь ужас создавшейся ситуации. Казалось, она прекратила дышать, настолько ошеломительной явилась для нее сообщенная Гарденией новость.

— Мы должны немедленно уехать, — продолжила Гардения. — Поезд уходит с Лионского вокзала в четырнадцать сорок пять.

— Поезд на Монте-Карло? — спросила герцогиня надтреснутым голосом.

— Да, — ответила Гардения. — По мнению мистера Каннингхэма, нам следует направиться именно туда. За портами и железнодорожными вокзалами наверняка вот-вот установят наблюдение. Все ждут, что мы попытаемся вернуться на родину.

— Барон... Я должна связаться с бароном! — вскрикнула герцогиня.

— Барон покинул Париж сегодня утром, не потрудившись предупредить вас об опасности, — сказала Гардения.

Герцогиня беспомощно вскинула руки, потом прижала их к лицу.

— У нас крайне мало времени, тетя, — четко и твердо заговорила Гардения. — Я скажу служанкам, чтобы они собрали чемоданы — упаковали в них самое необходимое. Для всех, кто остается в этом доме, мы едем в Англию, потому что получили оттуда печальное известие, слышите? Попросите Ивонн, чтобы она собрала и остальные ваши вещи и была готова

отправить их по адресу, который мы сообщим позднее. Вы понимаете, о чем я вам толкую, тетя Лили? — спросила она, приближаясь к герцогине и касаясь ее руки.

— О да, — ответила та еле слышно. — Я все понимаю...

Не теряя времени, Гардения открыла дверь, позвала служанок и велела им собрать вещи. А сама побежала в свою комнату и попросила Жанну уложить в чемодан сшитые в салоне мсье Вор га платья.

— Мы срочно уезжаем в Англию. Получили одно страшное известие.

Взяв свой паспорт, она полетела вниз в кабинет мсье Груаза.

— Нам с герцогиней необходимо незамедлительно выехать в Англию, — сообщила она, чувствуя, что уже устала повторять эту ложь. — Пожалуйста, дайте нам все наличные ее светлости, что у вас имеются.

Мсье Груаз всплеснул руками.

— Вчера вечером ее светлость проиграла в карты значительную сумму. Поэтому денег осталось совсем немного. Я собирался съездить в банк только завтра утром.

— Дайте нам все, что есть, — распорядилась Гардения.

Секретарь достал пачку банкнот и вручил ее ей.

Она вновь побежала наверх, в комнату герцогини.

Та все так же сидела перед зеркалом, белая как мел. Ивонн упаковывала вещи.

Гардения взглянула на часы.

— Мы выходим через пять минут! — скомандовала она.

Герцогиня беспомощно вскрикнула.

— Мои драгоценности! Ехать куда-то без них — это просто безумие.

— Конечно, — согласилась Гардения. И, взяв у тети ключ, поспешила к небольшой нише, где в металлическом сейфе хранились драгоценности.

Время неумолимо двигалось вперед, и от волнения сердце Гардении колотилось все чаще и чаще.

Она достала кожаный чемоданчик с расположенной над сейфом полки, открыла сейф и принялась переключать бархатные коробочки с драгоценностями в соответствующие отделения чемодана. Некоторые из них почему-то остались незаполненными.

— Это все, что у вас есть, тетя Лили? — крикнула она.

— Украшения из изумрудов и сапфиров я отнесла к Картье, — ответила вместо герцогини Ивонн. — Мне сказали, что почистят их только к завтрашнему утру.

Гардения закрыла чемодан и вышла из ниши.

— Нам пора.

— Ее светлость не может путешествовать в таком виде, — озабоченно произнесла Ивонн и достала из шкафа дорожную накидку из габардина кремового цвета. — Может, дать ей еще и собольи шкурки? Если на корабле будет прохладно, она укроет ими ноги.

— Хорошая мысль, — ответила Гардения, приближаясь к шкафу. На одной из полок лежала еще одна дорожная накидка. — Я возьму это для себя. Конечно, размер явно не мой, но это не столь важно.

Их с герцогиней роскошные платья абсолютно не подходили для путешествия. Поэтому Гардения была готова закрыть свой наряд какой угодно накидкой, лишь бы не привлечь к себе внимания.

Когда они спускались вниз, часы показывали четверть третьего. Времени до отправки поезда оставалось катастрофически мало, но Гардения старалась об этом не думать.

Ивонн несла чемоданы и то и дело вспоминала о чем-нибудь важном, что тоже следовало упаковать.

— Синие туфли к платью! О, кажется, я забыла их положить!

— Ни о чем не переживайте, — отвечала Гардения. — Оставшиеся вещи перешлете позднее.

Она не имела понятия о том, что упаковала Жанна в ее чемодан. Это был все тот же старенький чемодан, с которым ей пришлось уехать из дома.

Вещи уложили на багажник наверху машины. Гардения помогла тете забраться в салон и быстро села рядом.

— К Северному вокзалу! — громко крикнула она.

Шофер завел двигатель, и автомобиль рванул с места.

Гардения планировала, что где-нибудь по дороге они пересядут на такси. Но было слишком поздно — двадцать минут третьего. На укладывание чемоданов и прощание со слугами ушло слишком много драгоценного времени. Чтобы успеть на поезд, им и так следовало мчаться на максимальной скорости.

Сняв со стенки переговорный рупор, Гардения сообщила шоферу:

— Я перепутала вокзалы! Нам нужно не на Северный, а на Лионский!

— Не волнуйтесь, мисс, — ответил шофер по-английски, и Гардения поняла, что это Артур.

У герцогини было два шофера: один — француз, другой — англичанин, Артур. Именно с ним она приезжала в Англию семь лет назад, когда покупала там «роллс-ройс».

Какая удача, подумала Гардения, с облегчением вздыхая.

На Артура можно положиться. Он — англичанин.

Она торопливо пересела с заднего сиденья на небольшое сиденье напротив, опустила вниз стеклянную перегородку, отделявшую пассажиров от шофера, и негромко заговорила:

— Послушайте, Артур, езжайте как можно быстрее. Это жизненно важно для ее светлости. Мы направляемся не в Англию, а в Монте-Карло и должны успеть на поезд. Он уходит в два сорок пять. Возникли проблемы, понимаете? Серьезные проблемы. Нам нужна ваша помощь.

— Сделаю для вас все, что в моих силах, мисс; — спокойно ответил английский слуга.

— Вам станут задавать вопросы, Артур, — продолжила Гардения. — Возможно, в тот момент, когда вы вернетесь в дом Мабийон, туда уже приедет полиция. Вы прослужили ее светлости много лет. Сможете оказать ей одну серьезную услугу?

— С удовольствием, мисс, — ответил шофер все так же невозмутимо. — Ее светлость — отличная хозяйка.

— Тогда слушайте. — Гардения взволнованно сглотнула. — Как бы долго вас ни расспрашивали, говорите, что отвезли ее светлость на Северный вокзал. По крайней мере до тех пор, пока мы не достигнем Монте-Карло. Пусть все думают, что нас следует искать по пути в Англию.

— Хорошо, мисс, — сказал Артур.

А немного помолчав, поинтересовался:

— Произошло нечто, каким-то образом связанное с немецким бароном, верно?

От слуг ничего не утаишь, подумала Гардения.

— Да, Артур, — произнесла она вслух.

— Этот человек никогда мне не нравился, — пробормотал шофер едва слышно.

— Не выдавайте нас, — взмолилась Гардения. — Все слуги в доме считают, что мы едем в Англию.

— Я не подведу вас, можете не сомневаться.

Гардения уже протянула руку, чтобы поднять разделявшее их стекло, когда Артур воскликнул:

— Минутку, мисс! У меня возникла идея. Я посажу вас в поезд, а потом съезжу на Северный вокзал, немного там покатаюсь. Кто-нибудь из носильщиков обязательно запомнит, что видел мою машину. Они очень любопытны. Наверняка полиция все проверит.

— Отличная мысль! — ответила Гардения, чувствуя некоторое успокоение. — Мы почти приехали, тетя Лили, — сказала она, вновь подсаживаясь к герцогине. — Я сама куплю билеты. Когда вернусь, нам следует как можно быстрее добежать до поезда. Мы не должны привлекать к себе внимание.

Было без двадцати пяти три, когда Артур остановил машину у Лионского вокзала. Гардения помчалась за билетами.

К счастью, два купе в спальном вагоне были еще свободны.

Наняв носильщиков, они поспешили к поезду и вбежали в него буквально за минуту до отправления.

— Имейте в виду это, мисс, — предупредил Артур, протягивая несессер герцогини Гардении.

Она проследила за его взглядом и увидела на чемоданчике изображение герцогского герба, богато украшенного драгоценными камнями.

— Спасибо, Артур. Вы нам очень помогли. Герцогиня не забудет вашей доброты, я знаю, — сказала она, взяла несессер и помахала свободной рукой.

— Желаю вам удачи! — крикнул Артур, и поезд тронулся.

Гардения прошла в купе герцогини. Та полулежала на койке, закрыв лицо руками.

— Вам что-нибудь нужно, тетя Лили? — заботливо спросила Гардения.

— Бренди, — прохрипела герцогиня.

Гардения позвонила в колокольчик и сделала заказ незамедлительно появившемуся на пороге проводнику. Через некоторое время он принес бутылку «Курвуазье» и два бокала, поставил их на столик и вежливо сообщил, обращаясь к Гардении:

— Ужин в шесть часов, мисс.

— Спасибо, мы поужинаем здесь. Я позвоню вам позднее, — ответила она.

— Хорошо, мисс. Я постелю постели через три с половиной часа.

Когда он ушел, Гардения наполнила бокалы и протянула один из них тете.

Та взяла его и тут же с жадностью хлебнула бренди.

— Слава Богу, успели. — Гардения вздохнула. — Но опасность минует только утром, когда мы пересечем границу.

— Это произойдет около семи, — сказала герцогиня. — В Монте-Карло я бывала не раз.

— Значит, целых шестнадцать часов нам предстоит пребывать в страхе! За это время полиция может выяснить, куда мы едем, и отправить на одну из промежуточных станций этого направления телеграмму с просьбой ссадить нас с поезда!

Гардения погрузилась в размышления.

«Не лучше ли нам было ехать в Бельгию или Голландию? — подумала она. — Нет... И в Бельгию, и в Голландию нам пришлось бы выезжать с Северного вокзала. Правильно предположил Бертрам: вероятнее всего, полиция посчитает, что мы движемся именно на север».

Герцогиня попросила еще бренди и, когда Гардения вновь наполнила ее бокал, опустошила его так же быстро, как первый. И только после этого немного ожила.

— Позвольте, я помогу вам снять шляпу и накидку, — сказала Гардения. — Теперь, когда нас никто не видит, можно расслабиться.

— А ты уверена, что барон покинул Париж? — взволнованно спросила герцогиня. — Мне следовало попытаться связаться с ним, я должна знать наверняка, что он обо всем знает.

— Мистер Каннингхэм заверил меня, что его информация достоверна, — произнесла Гардения холодно.

— Я всегда опасалась, что случится нечто подобное, — простионала герцогиня, обращаясь как будто не к племяннице, а к воздуху. — И никогда не доверяла этому Пьеру Гозлину.

— Разве ему можно доверять? — спросила Гардения, пожимая плечами. — Гозлин скверный человек, это сразу понятно.

— Но Генрих что-нибудь придумает, — продолжила герцогиня, не слыша ее слов. — Обязательно придумает, ведь он очень умный.

Гардения собралась с духом и медленно произнесла:

— Как вы могли заниматься столь низкими вещами, тетя Лили? Ведь вы англичанка.

Герцогиня встрепенулась и повернула голову, словно только что поняла, с кем разговаривает.

— А чем я занималась? — спросила она с вызовом. — Все, что наболтал полиции Гозлин обо мне и о бароне, — ложь, слышишь? Грязная ложь! Я ни в чем никому не признавалась.

— Надеюсь, вы знаете, что ваши деньги будут заморожены? — спросила Гардения. — По крайней мере до окончания судебного разбирательства. Об этом мне сказал мистер Каннингхэм. Вы владеете чем-нибудь за пределами Франции?

Некоторое время герцогиня молчала.

— Нет, — ответила она наконец, устало качая головой. — Мой муж был французом. Все свои капиталы он вкладывал во французские банки.

— На что же нам жить?

На мгновение лицо герцогини омрачилось болью безысходности, но в следующую секунду просветлело.

— Генрих придумает, как снабдить меня деньгами, — заявила она с уверенностью. — Я в этом не сомневаюсь.

— Он уехал в Германию, — сказала Гардения, доставая из сумочки оставшиеся после покупки билетов деньги. — Здесь пятьсот сорок девять франков. Их нам хватит ненадолго.

— Эти деньги тебе дал Груаз? — спросила герцогиня, гневно сдвигая брови. — Ничего не понимаю! Обычно у него хранятся тысячи франков на случай, если они мне понадобятся!

— Он собирался съездить в банк завтра утром, — спокойно пояснила Гардения. — Вчера вы проиграли большую сумму, верно?

— Верно, — ответила герцогиня, вздыхая.

В ее глазах отразился страх, но печалилась она недолго.

— Ничего! Наличные нам не очень-то нужны. Отправимся с тобой в «Отель де Пари», там меня хорошо знают. А через некоторое время Генрих перешлет мне деньги, тогда за все и расплатимся.

— Каким образом барон узнает, где вы находитесь? — поинтересовалась Гардения.

— Я напишу ему письмо, — бойко ответила герцогиня. — Напишу, как только мы прибудем в Монте-Карло. Могу, конечно, отбить и телеграмму. Для общения друг с другом мы используем особую систему знаков, поэтому его жена никогда не узнает о нашей связи. Она занудна и чересчур ревнива.

Неудивительно, отметила про себя Гардения и принялась доставать из тетиного чемодана те вещи, которые могли ей понадобиться ночью. Потом перешла в свое купе и проделала то же самое. А когда вернулась, обнаружила, что бутылка с бренди наполовину пуста.

— Можешь ни о чем не беспокоиться, девочка моя, — сказала герцогиня, растягивая слова. — Генрих о нас позаботится.

Он великолепен, просто великолепен...

Гардения поджала губы, чувствуя, что, если даст волю эмоциям, выложит все, что думает о мерзавце-бароне.

Она прекрасно понимала, что, работая против Франции, страны, ставшей для нее домом, тетя тоже поступала возмутительно.

Но была уверена, что именно барон привлек ее к преступным деяниям, не исключено, что даже при помощи угроз. Он исчез, спасая свою шкуру, даже не подумав об участии помощницы. Гардения ненавидела его больше, чем когда бы то ни было.

Через некоторое время она вызвала проводника и заказала легкий ужин. Когда тот принес курицу и бутерброды с копченым лососем, герцогиня потребовала еще бутылку бренди.

Мало того что пить ей больше не следовало бы, подумала Гардения, но и денег у нас немного, чтобы тратить их на совершенно ненужные вещи.

Покончив с едой, она помогла герцогине раздеться и уговорила ее лечь в постеленную проводником постель.

— Постарайтесь расслабиться и уснуть. Сейчас это вам необходимо.

Она задвинула шторы, погасила большой светильник, включила ночник и повернулась к двери, намереваясь уйти.

— Не оставляй меня! — взмолилась герцогиня. — Я сойду с ума, если ты уйдешь!

Гардения медленно опустилась на край тетиной койки.

Держа в руке бокал с бренди, герцогиня начала рассказывать племяннице о своей жизни.

Глава одиннадцатая

Поезд мчался вперед по темноте ночи, мерно стуча колесами, а герцогиня сидела на койке и рассказывала, рассказывала, рассказывала. Казалось, она разговаривает не со своей молодой племянницей, а с ровесницей, умудренной жизненным опытом женщиной. С женщиной, способной все понять — насколько странно и необычно сложилась ее судьба, какие взлеты и падения ей выпало пережить.

Гардения внимательно слушала откровения тети и с каждым часом становилась все более взрослой, превращаясь из незрелой девушки в женщину.

Рассказ герцогини не шокировал ее, но помогал понять многие из тех вещей, которые в последнее время не давали ей покоя. Она осознавала, что зачастую вела себя слишком по-детски и наивно, и удивлялась тому, насколько необычные и крутые повороты иногда принимает жизнь.

Герцогиня мысленно перенеслась в прошлое и раскладывала по полочкам события минувших дней, будто хотела расстаться с воспоминаниями — горькими и сладостными, чтобы подготовить себя к неизвестности будущего.

Порой Гардении казалось, что, исчезни она из купе, тетя даже не заметит этого и будет продолжать говорить.

Она рассказывала о том, как приехала в Париж, о первом муже, который увлек ее и вырвал из монотонности и скуки родительского дома, а впоследствии проявил себя как отъявленный негодяй и зануда.

— Но это было для меня не так важно, — сказала герцогиня. — Приехав в Париж, я вдруг поняла, что обладаю огромной силой — своей красотой. Мужчины, как только я попадалась им на глаза, теряли голову. Со мной все хотели познакомиться, добивались этого любыми способами. Меня боготворили, по мне сходили с ума. Очень скоро я стала одной из самых известных женщин Парижа.

Герцогиня сделала паузу, во время которой вновь наполнила бокал. У нее уже слегка заплетался язык, но голова оставалась ясной, а мозг отлично работал. Она рассказывала о событиях своей жизни последовательно и понятно, как будто читала книгу.

— Я прожила в Париже два года и лишь потом повстречала герцога. Он, подобно другим мужчинам, сразу пал к моим ногам и заявил, что я — само воплощение красоты. Но в отличие от остальных моих поклонников оказался истинным ценителем прекрасного, своего рода экспертом. Красотой он жил, дышал, она была его страстью, его любовью.

Герцогиня усмехнулась.

— Все считали, что я в первый же день нашего с ним знакомства стала его любовницей. И очень ошибались. Все, что герцогу было нужно, так это любоваться мной.

Она искоса взглянула на племянницу.

— Никто не поверит, но он лишь смотрел на меня. Это доставляло ему наивысшее удовольствие. Я как статуя подолгу простаивала перед ним в красивых нарядах на фоне шелков с восточными узорами или на возвышении, которое он специально для этой цели велел соорудить в главной гостиной.

— И вы соглашались на подобное? — спросила Гардения.

Герцогиня улыбнулась.

— Если говорить предельно искренне, думаю, я и сама была влюблена в свою красоту. И потом, герцогу безумно нравилось смотреть на меня, а он по отношению ко мне был так добр и щедр!

— Означает ли это... что герцог никогда не был вашим мужем... по-настоящему? — осторожно поинтересовалась Гардения, стремясь лучше понять тетю.

— Он дал мне свое имя, свой титул, свои деньги, в другом я не нуждалась. В ту пору я была, что называется, холодной женщиной. Я любила, когда мной восхищались, но никому не позволяла до себя дотрагиваться. Конечно, мужчины из кожи вон лезли, надеясь вступить со мной в близость, но я не допускала ничего подобного. Никто мне не поверит, но я ни разу не опозорила своего супруга.

Герцогиня отхлебнула бренди. И продолжила:

— Женщины, естественно, меня ненавидели. Ведь мною увлекались не только холостяки и одинокие мужчины, но и чьи-то мужья, чьи-то сыновья. — Она тяжело вздохнула и задумчиво покачала головой. — Женщины мечтали, чтобы я страдала. И вскоре утешились.

— Что произошло? — встревоженно спросила Гардения.

— Герцог скончался, — ответила герцогиня. — И я почувствовала себя настолько одинокой и несчастной, что не знала, как быть. Все дело в том, что именно в тот момент я поняла, что старею. О, если бы ты знала, как страшно терять красоту, когда вся твоя жизнь построена именно на ней! Она ускользала от меня, и я была не в состоянии ее удержать...

— Но вы и сейчас красивая! — горячо возразила Гардения, всем сердцем желая утешить тетю.

Та усмехнулась.

— Я никогда не блистала умом, но душой тоже не была. Я видела, как грубеет и расплывается мое тело, как увядает и покрывается морщинами лицо. И страшно страдала от безысходности, поэтому и начала пить. Женщины злорадствовали и не принимали меня в своих кругах, несмотря на то что мужчины уже не ходили за мной толпами. Тогда-то мне и пришла в голову мысль устраивать для своих старых друзей вечера азартных игр. Три раза в неделю. Я всегда обожала азартные игры.

По прошествии некоторого времени к нам присоединились и молодые люди, но наши вечера проходили тихо и прилично. А потом я познакомилась с бароном.

Последнее слово она произнесла как-то по-особому, и Гардения удивленно взглянула на ее лицо. Уставшее и покрасневшее от переживаний и выпитого бренди, оно вдруг на глазах преобразилось.

— Мы встретились в пятницу вечером в «Максиме», — продолжила герцогиня. — Увидев его и обменявшись с ним всего несколькими фразами, я поняла, что это человек, которого я искала всю свою жизнь.

— Вы влюбились? — спросила Гардения, не веря собственным ушам.

— Влюбилась, — с нежностью в голосе ответила герцогиня. — Генрих не пялился на меня, как другие поклонники, и не превозносил. Твердый, решительный, сильный, этот человек всегда получает то, что ему нужно, и заставляет меня чувствовать себя так, будто ничто в жизни не имеет значения, кроме одного: я женщина, а он мужчина.

— Но, тетя Лили... — попыталась вставить слово Гардения, но тут же поняла, что герцогиня ничего не слышит. Ее глаза светились, а лицо выражало блаженство.

— Я была счастлива, очень счастлива. Только повстречав барона, я осознала, что раньше не имела ни малейшего представления о настоящей любви. Мужчин, которые так суетились из-за моей красоты, я просто презирала и даже жалела.

Они казались мне созданиями несовершенными и ущербными. Генрих же совсем на них не походил. Умный, твердый, порой жестокий и грубый, он стал для меня смыслом жизни.

— Вы были любовниками... — пробормотала Гардения. — Но ведь барон женат.

— Да, женат! — ответила герцогиня резко. — Ну и что? Я нуждалась в нем, а он нуждался во мне, нам ничто не могло помешать. Когда-нибудь, Гардения, ты сама поймешь, что наивысшее счастье для женщины — это дарить свою любовь кому-то, а не быть любимой.

— Если вы были так счастливы с бароном, зачем тогда начали устраивать эти шумные вечеринки? — спросила Гардения, пожимая плечами.

Лицо герцогини озарилось почти материнской любовью.

— Ради Генриха, — ответила она. — Согласно его представлениям, жизнь в Париже должна быть именно такой: наполненной смехом и шумом, шампанским и красивыми женщинами. Я стала устраивать вечеринки для него, ведь это не составляло для меня большого труда. Люди, желающие повеселиться, всегда находятся. Молодые шумят, мужчины любого возраста играют в азартные игры. Их я и сама обожаю. От игрового стола меня не оттянуть. Генриха, кстати, тоже.

— Наверное, для него ваши вечеринки были полезны. На них он приводил подобных Гозлину типов... — произнесла Гардения и тут же пожалела о сказанном.

Герцогиня изменилась в лице. Над ней как будто нависла тяжелая черная туча.

— Гозлин был далеко не первым, с кем Генрих сотрудничал, — сказала она, вздыхая. — Я понимала, что он меня использует, но мне было все равно. Понимаешь, Гардения, все равно! Я выполняла все, что барон от меня требовал, чтобы сделать его счастливым. Я сознавала, что приношу Франции вред, но ведь я не француженка, это служило для меня оправданием.

— Если немцы развяжут войну против Франции, то доберутся и до Англии, — произнесла Гардения.

— Нет! — с жаром возразила герцогиня. — Германия ни с кем не намеревается воевать. Кайзеру хочется одного: чтобы люди в его стране жили не хуже других, сам барон рассказал мне об этом. Почему у маленькой Англии больше военных кораблей, чем у Германии? Думаешь, это справедливо?

Гардения ничего не ответила, ясно понимая, что герцогиня как попугай повторяет слова барона, и ее ни в чем не переубедишь.

— Может ли Пьер Гозлин переложить большую часть вины на вас, тетя Лили? — спросила она. — Это крайне важно. Если доказательств, подтверждающих ваше участие в преступных махинациях, не найдут, вам лучше ни в чем не признаваться.

— Не знаю, существуют ли такие доказательства, — сказала герцогиня задумчиво. — Реальных денег я никогда ни от кого не принимала...

— Что значит «реальных денег»? — спросила Гардения. — Вы принимали что-то другое, какие-нибудь ценные вещи?

Герцогиня колебалась.

— Шиншилловую накидку! — воскликнула Гардения. — Правильно? Ее подарил вам барон?

— Нет, не барон, — поспешно ответила герцогиня. — У него не так много денег, чтобы делать мне столь роскошные подарки.

— Значит, правительство Германии, — догадалась Гардения. — О, тетя Лили, как вы могли принять этот презент?

— Генрих сказал, что я должна это сделать, — призналась герцогиня. — В противном случае меня не правильно бы поняли, это показалось бы странным, более того, бросило бы тень на него.

— Но, приняв этот подарок, вы автоматически стали частью преступной программы Германии, настоящим шпионом.

Разве вы не понимали этого раньше?

— Тогда я не думала, что Сюрте обо всем узнает; — сказала герцогиня. — Генрих утверждал, что наша деятельность ни для кого не имеет особого значения.

— И вы в это верили? — спросила Гардения. — Наверняка рассказ Пьера Гозлина показался полицейским весьма и весьма значительным.

— Боюсь, что так, — произнесла герцогиня жалобным голосом. — Я всегда ненавидела этого Гозлина, один его вид вызывал во мне отвращение. Но Генрих просил, чтобы я относилась к нему по-хорошему. Разве я могла сказать «нет»?

— Этот Гозлин был очень увлечен вами, не так ли? — тихо произнесла Гардения.

Герцогиня резко повернула голову. Ее рука дрогнула, бокал с бренди с шумом упал на пол и разбился.

— Давай не будем продолжать этот разговор! — крикнула она почти истерично. — Я не переносила этого Гозлина, но не могла отказать Генриху в чем бы то ни было, понимаешь?

— Не волнуйтесь так, тетя Лили. Нам действительно лучше не продолжать этот разговор.

Гардения убрала с пола осколки разбившегося бокала и принесла тете стакан из небольшой уборной, соединявшей их купе.

Было раннее утро, а герцогиня все продолжала делиться с племянницей воспоминаниями о прошлом. Она рассказала ей и о великом князе из России, когда-то безумно в нее влюбившемся. Он обещал подарить ей замок и столь шикарные драгоценности, которых не имеют европейские королевы, при условии, что она станет его любовницей. Он ей нравился, и они могли бы дать друг другу немало радости. Но благородное воспитание представительницы среднего класса английского общества не позволило ей принять его предложение.

— Я мечтала не о бриллиантовом ожерелье на шее, а об обручальном кольце на пальце, — сказала она. — Поэтому и ответила великому князю отказом, а герцога заставила на себе

жениться.

— Но ведь ожерелья у вас тоже были, — заметила Гардения.

— Все они — ничто по сравнению с тем, что мог бы мне подарить этот русский. О, Гардения, мне невыносимо думать о том, что мои изумрудные и сапфировые украшения не со мной!

— Сейчас главное для нас — это остаться на свободе, — ответила Гардения.

Она и раньше сознавала, что герцогиня должна исчезнуть из Франции, а теперь, после того, как та открыла ей душу и поведала о своих тайнах, поняла, что если тетю Лили не расстреляют как изменницу, то по крайней мере засадят в тюрьму на долгие годы, возможно, навсегда.

Сама же герцогиня вряд ли сознавала, что находится в крайне опасной ситуации. Она вновь и вновь заговаривала про барона, и при этом ее голос становился мягким и нежным.

— Я напишу Генриху письмо, как только приеду в Монте-Карло, — заявила она твердо. — Он придет, и, быть может, мы устроим себе маленькие романтические каникулы. И спокойно обсудим, как нам быть.

— Думаете, барон найдет способ выйти из создавшегося положения? — спросила Гардения.

— Генрих умеет справляться с любыми трудностями! — не терпящим возражения тоном провозгласила герцогиня. — Жаль, что ему пришлось уехать из Парижа. Он так любит этот город!

Интересно, что наболтал про нас этот мерзавец Гозлин? Наверное, барона признают виновным...

— Не сомневаюсь в этом, — ответила Гардения, с трудом подавляя в себе порыв высказать свое мнение о бароне.

Герцогиня заснула, когда на горизонте уже забрезжил рассвет. Бутылка из-под бренди была пуста.

Гардения осторожно поднялась на ноги, выключила свет, перешла в свое купе и легла в постель. Но заснуть так и не смогла. Пролежала с открытыми глазами, напряженно размышляя о том, что с ними будет, если герцогиню арестуют и их вернут обратно в Париж.

— Я не оставлю тетю, что бы ни случилось, — прошептала она, обращаясь к тишине. — Буду поддерживать ее, как только смогу. Точно так же поступили бы мама и папа.

Когда небо посветлело и начало всходить солнце, она поднялась с койки, оделась и выглянула в соседнее купе. Герцогиня спала.

Гардения знала, что наиболее опасный момент настанет для них, когда они достигнут Ниццы. Там поезд должен был стоять не меньше четверти часа, там их вполне могли арестовать...

Проводник принес ей кофе.

— Если желаете, можете пройти в соседний вагон и позавтракать, Ma'm'selle, — сказал он.

— Нет, спасибо, — ответила Гардения.

Она чувствовала, что любая еда застрянет у нее в горле, и знала наверняка, что после столь огромного количества выпитого спиртного тетя тоже не пожелает ничего есть.

— Когда мы прибудем в Ниццу? — спросила она.

— Через полчаса, Ma'm'selle, — сообщил проводник и удалился.

Гардения прошла в купе герцогини и разбудила ее.

— У меня раскалывается голова, — простонала та и лишь потом открыла глаза. — Где мы? Куда мы едем? — спросила она испуганно.

— В Монте-Карло, тетя Лили. Вы не помните? — ответила Гардения.

— Ах да! Я все помню. — Веки герцогини вновь опустились. — Только бы с Генрихом все было нормально.

В ее несессере Гардения нашла таблетки, которые Ивонн, к счастью, не забыла упаковать. С их помощью через десять минут герцогиня пришла в себя.

Поднявшись с постели и взглянув на себя в зеркало, она ужаснулась. И принялась наводить красоту — красить губы и ресницы, мазать лицо кремами.

В Ниццу поезд прибыл без опоздания. Гардения сидела в своем купе и боялась шелохнуться. С платформы до нее доносился типичный для всех вокзалов шум, по коридору туда и сюда заходили люди, кто-то звал носильщиков. Прошло пять минут, и жуткое напряжение, в котором пребывала Гардения, начало постепенно спадать.

Если бы тетю планировали посадить здесь с поезда, думала она, то полиция приехала бы на вокзал еще до его прибытия.

Когда пятнадцать минут истекли и поезд тронулся с места, Гардения глубоко вздохнула, медленно поднялась с койки и раздвинула шторы на окне.

Картина, открывшаяся ее взору, очаровывала невиданной красотой. Ярко светило солнце, а море было настолько синим, что захватывало дух. Мимо проплывали виллы с садами, полными бугенвиллий, апельсиновые и лимонные сады, у берега плескались детишки, а чуть дальше по водной глади плавно скользили лодочки с белоснежными парусами.

Гардения перешла в купе тети и воскликнула:

— Никогда не думала, что Ницца настолько прекрасна!

Герцогиня не ответила. Заговорила лишь тогда, когда покончила с приведением лица в порядок.

— Выгляжу я, конечно, как ведьма, — пробормотала она. — Но сейчас для нас важно лишь одно: чтобы люди в Монте-Карло ничего не узнали о нашей беде. Будь осторожна, Гардения, никому не рассказывай, почему мы уехали из Парижа.

— Конечно, тетя Лили, — ответила Гардения. — Об этом можете не беспокоиться.

— Я никогда не появлялась в Монте-Карло в это время года.

Сезон заканчивается. Надо что-то придумать, чтобы объяснить окружающим наш приезд. — Она помолчала. — Сделаем вид, будто я только что оправилась после какого-нибудь недуга... Нет!

О моей болезни всем бы было известно. Лучше скажем, что недавно переболела ты. Да, этот вариант мне нравится!

Гардения хотела спросить, настолько ли это важно, но промолчала, подумав, что тете будет полезно пытаться вести себя как ни в чем не бывало.

Рано или поздно люди все равно узнают о случившемся, подумала она с содроганием. А может, и не узнают. Ведь речь идет о деле государственной важности, не исключено, что его не станут предавать огласке. Со временем о Пьере Гозлине забудут. А тете уже никогда не вернуться во Францию.

— Тетя Лили, вы уверены, что не владеете ничем за пределами Франции? Имуществом, ценными бумагами? — спросила она. — Вчера мы уже разговаривали об этом, но вы были слишком утомлены, могли о чем-то просто не вспомнить.

Герцогиня категорично покачала головой., — Мой муж вкладывал все свои деньги только во Франции.

— На что же мы будем жить?

Герцогиня на мгновение погрузилась. Но тут же ожила.

— Не волнуйся об этом. Барон все уладит. Мы должны на это надеяться, Гардения, и доверять ему. В конце концов, если вопрос встанет ребром, я обращусь к правительству Германии.

Я никогда не принимала от него денег, только шиншилловую накидку, соболей и бриллиантовое ожерелье. Германия — моя должница.

Гардения ничего не ответила, хотя догадывалась, что правительству Германии больше нет дела до ее тети, ведь теперь она ничем не могла быть для него полезной. Произносить это вслух сейчас не следовало.

Достигнув границы, поезд остановился. Французский таможенник бегло просмотрел их паспорта и направился дальше. Гардении показалось, у нее с сердца упал тяжелый камень.

Через несколько минут поезд продолжил свой путь и вскоре прибыл в Монте-Карло.

С вокзала до «Отеля де Пари» они ехали на огромном роскошном автомобиле. Управляющий отеля встретил их радушной улыбкой. Создавалось такое впечатление, что он неподдельно счастлив появлению герцогини.

— Мадам, какая приятная неожиданность! — воскликнул он. — Наверное, произошло какое-то недоразумение, но мы не получали предупреждения о вашем приезде.

— Как? Вы не получили моей телеграммы? — спросила герцогиня, изумленно изгибая бровь.

— Нет, мадам, — ответил управляющий.

— По возвращении домой я лишу своего секретаря трети заработной платы! Перед самым отъездом я попросила его отбить вам телеграмму! Мы собрались приехать к вам весьма и

весьма неожиданно, мсье Блок. Дело в том, что в последние дни моей племяннице сильно нездоровилось. — Герцогиня кивнула на Гардению. — Наверное, подхватила какую-то инфекцию, Я решила, что нам следует срочно отправляться в Монте-Карло. Ничто не поправляет здоровье так, как морской климат.

— Совершенно верно, мадам, — подтвердил мсье Блок. — К счастью, ваш любимый номер-люкс свободен.

Гардения шепнула тете на ухо, что им вовсе не нужен люкс.

У них было совсем мало денег.

Герцогиня проигнорировала ее слова.

— Это просто замечательно, мсье Блок! Я обожаю открывающиеся из его окон виды на море. А еще люблю завтракать на балконе, — пропела она сладким голосом.

— Позвольте проводить вас, мадам, — галантно предложил управляющий. — Если что-то вдруг придется вам не по вкусу, немедленно сообщайте.

Через несколько минут герцогиня и Гардения остались вдвоем в огромном номере с видом на море. Обстановка гостиной, спальни и небольшой комнаты, в которой поселилась Гардения, потрясала роскошью.

Герцогиня вызвала официанта.

— Я истощена, Гардения, — вымолвила она, опускаясь на один из обитых атласом стульев. — Думаю, нам следует выпить шампанского.

— О нет, тетя! — вскрикнула Гардения. — У нас осталось всего несколько сотен франков. Не понимаю, чем вы планируете расплачиваться за проживание в этом номере. Наверняка он баснословно дорогой!

— Не суетись, детка! — Герцогиня небрежно махнула рукой. — Я сейчас же напишу барону. Даже отобью ему телеграмму, если уж ты так нервничаешь. Подай мне бланк с письменного стола и достань из моего несессера записную книжку в черном кожаном переплете. В ней записан домашний адрес барона, а также изобретенные им кодовые знаки для общения со мной.

— А это не опасно? — встревоженно спросила Гардения.

— Нисколько! — с некоторым раздражением ответила герцогиня. — Мы давно переписываемся с бароном, применяя этот метод. Его жена слишком ревнива. Он подозревает, что она читает все адресованные ему письма и, естественно, телеграммы. Но о нашей связи до сих пор не догадалась, можешь себе представить? — Она рассмеялась. — Глупая женщина!

Когда текст был написан, Гардения спустилась вниз, чтобы отдать заполненный бланк консьержу.

Тот пообещал, что отправит телеграмму незамедлительно.

Вернувшись в комнату, Гардения увидела, что тетя раздевается.

— Ты должна мне помочь, дорогая, — заявила она. — Мне очень не хватает Ивонн. Я собираюсь

принять ванну. Потом мы спустимся вниз и позавтракаем.

— Может, вам лучше сначала отдохнуть? — спросила Гардения.

— После, — решительно ответила герцогиня. — Сначала нам надо поесть. А вечером мы пойдем в казино. Наверное, для тебя это явится своего рода потрясением, но мне необходимо развлечься. А для этого нельзя придумать ничего более подходящего, чем азартные игры.

— Но, тетя Лили... У нас совсем мало денег! Мы не можем себе позволить поход в казино, — сказала Гардения, испуганно хлопая глазами.

— Чепуха! — отрезала герцогиня. — Сколько у нас осталось?

Гардения достала из сумочки оставшиеся деньги и пересчитала их. Потом — еще раз.

— Меньше, чем я думала, — произнесла она с убитым видом. — Я расплатилась в поезде за еду и бренди и... Даже не знаю, как произнести вслух эту цифру... Двести восемь франков...

— Что? Должно было остаться больше! — заявила герцогиня раздраженно.

— Но это все, что у нас есть... — пролепетала Гардения.

На мгновение лицо герцогини сделалось озадаченным. Но через пару секунд она прошла к чемоданчику с драгоценностями и извлекла из него браслет.

— Возьми это и сходи в ювелирный магазин, расположенный напротив отеля, — велела она. — Скажи, что хочешь видеть мсье Жака. Ему объясни, что тебя послала я. А также что мы собрались в дорогу неожиданно и что у меня не было времени на открытие аккредитивов. Сообщи, что мы приехали сюда по причине болезни. Этот человек никогда не задает лишних вопросов, он слишком хорошо воспитан. Скажи, что я хотела бы занять у него пять тысяч франков, и отдай этот браслет.

Гардения чувствовала себя ужасно неловко и с удовольствием отказалась бы выполнять просьбу тети, но расстраивать ее ужасно не хотела. К тому же они сильно нуждались в деньгах, а пять тысяч франков представлялись ей огромной суммой.

Она отнесла браслет в свою комнату и распаковала тетины вещи. Как выяснилось, Ивонн действительно собрала далеко не все, что требовалось. Но сообщать об этом тете до поры до времени не следовало. Она могла тут же вспылать желанием купить все, чего ей не хватало.

На одевание герцогини после ванны — подбор платья, шляпы, туфель, перчаток, сумки — ушло немало времени. Когда же с этим было покончено и Гардения сказала, что тоже хотела бы переодеться, она недовольно поморщилась.

— Нам нужна служанка! — объявила она. — Я попрошу мсье Блока, чтобы он подыскал нам подходящую девушку. Не понимаю, почему ты самостоятельно распаковала вещи. Могла бы вызвать горничную.

— Конечно, могла бы, — ответила Гардения. — Но Ивонн упаковывала чемоданы в такой спешке, что все лежало как попало. Я подумала, что горничная удивится, увидев, как уложены ваши вещи.

— Какая же ты предусмотрительная, девочка моя! — произнесла герцогиня, прижимая руки к

груди. — Я очень счастлива, что ты со мной.

— Правда? — спросила Гардения, обрадовавшись.

— Конечно, правда, — ответила герцогиня устало. — Все, что произошло, — страшный удар для меня, детка. Но, думаю, ты понимаешь: я обязана не показывать вида, что страдаю.

Никто не должен знать о моей беде. Барон сказал бы сейчас то же самое. Он считает, что сохранять внешнее спокойствие при любых обстоятельствах — крайне важно.

— Он был бы горд, если бы увидел, как вы держитесь, — сказала Гардения. — Вчера я думала, что вы впадете в депрессию.

— Нет! — Герцогиня гордо приподняла голову. — Я далеко не слабачка!

Она вылила в бокал остатки шампанского и залпом выпила его.

— Поторопись, Гардения, поторопись! Пока ты переодеваешься, я спущусь вниз и выясню, кто из моих друзей здесь присутствует. Сейчас конец сезона, людей не так много, но некоторые приезжают сюда и в это время года. Только не задерживайся. Я хочу, чтобы ты поскорее увидела здешнюю столовую. Ее оформили так потрясающе в прошлом году перед приездом короля Эдуарда.

Гардения целый день была вынуждена куда-то торопиться.

После ленча она отправилась с герцогиней на прогулку, потом помогла ей раздеться и улечься в постель, а после направилась к ювелиру.

Все прошло гораздо более приятно, чем можно было ожидать. Мсье Жак, услышав имя герцогини де Мабийон, расплылся в милой улыбке.

— Говорите, ее светлость просит пять тысяч франков? Скажу откровенно, кому угодно другому мы не рискнули бы дать столь большую сумму. Даже если бы нам оставили настолько же дорогостоящий браслет. Но герцогиня — наш очень ценный клиент, и мы готовы пойти ей навстречу. Надеюсь, через несколько дней она уладит все свои банковские дела.

— Мы выехали из Парижа очень неожиданно, — объяснила Гардения. — В тот момент все банки были закрыты.

— Я все понимаю, — ответил ювелир.

Он положил несколько банкнот в конверт и протянул его Гардении.

Мысленно благодаря Бога за то, что все складывается не так уж и плохо, она поспешила назад в отель.

Герцогиня еще спала. Гардения прошла в свою комнату и наконец-то легла в кровать, чувствуя себя до смерти уставшей.

Ей показалось, что она едва закрыла глаза, как в дверь постучали.

— Ее светлость желает видеть вас, Ma'm'selle, — сообщила горничная.

Герцогиня сидела в постели.

— Ну как, дал тебе Жак деньги? — спросила она оживленно.

— Да, тетя Лили, — ответила Гардения и протянула конверт.

— Пять тысяч франков, — произнесла герцогиня медленно. — Не так и много, но лучше, чем ничего!

— Конечно, если за этот номер нам придется заплатить... — начала Гардения.

— Прошу тебя, не надо паниковать! — перебила ее герцогиня. — По-моему, ты слишком много думаешь о деньгах. Все будет в порядке, поверь. Как только барон получит мою телеграмму, сразу придет. В худшем случае, понимая, в каком я положении, перешлет мне кругленькую сумму.

Гардении оставалось лишь надеяться, что тетя правильно оценивает ситуацию.

— Ты знаешь, который сейчас час? — спросила герцогиня. — Семь вечера! Надень лучшее платье, Гардения. Очень важно, чтобы ты произвела на окружающих хорошее впечатление. Казино посещают элегантные и богатые люди. Что касается меня, я пойду в черном платье с блестками. Я видела, что Ивонн его упаковывала. Надеюсь, она не забыла положить к нему и эгретку.

Эгретки нигде не оказалось. И герцогине пришлось украсить волосы «райской птицей». К платью она тоже отлично подходила. Гардения не могла не признать, что тетя выглядит великолепно, когда та, полностью собравшись, в последний раз подошла к зеркалу. На ее шее блестело ожерелье из бриллиантов, а платье прекрасно сидело на фигуре, скрывая недостатки.

— Зря я отдала тот браслет мсье Жаку, — сказала она, хмуря брови. — Деньги он дал бы мне и без него. Хотя у меня есть Другой браслет, который, кстати, лучше подойдет к лайковым перчаткам.

Гардения собиралась впопыхах. Она надела великолепное платье из бледно-зеленого шифона, расшитое цветами, а из украшений выбрала лишь брошь в виде букетика роз.

Подойдя к огромному зеркалу в раме из красного дерева, она взглянула на свое отражение и впервые почувствовала, как удушающей волной ее захлестывает личное несчастье. Больше суток ей приходилось заниматься лишь проблемами тети. Целую ночь она сидела рядом с ней и слушала историю ее жизни.

И только сейчас вспомнила о своей собственной трагедии. Быть красивой в чудесном платье от Ворта не имело смысла, ведь лорд Харткорт не мог ее видеть.

«Я больше никогда не услышу его голос, не почувствую руками тепло его рук», — подумала она, и у нее все похолодело внутри, Рана в сердце, о которой на некоторое время пришлось позабыть, разболелась с ужасающей силой. И очень захотелось плакать.

Она с удовольствием возненавидела бы лорда Харткорта, но не могла поселить в переполненной любовью душе и капли ненависти.

Неожиданно ей стало понятно, что их разделяет огромная пропасть. Теперь, когда тетя обо многом ей рассказала, все стало на свои места. В ее памяти неожиданно всплыли брошенные какой-то женщиной слова на одной из тетиных вечеринок: «Разве вы не знаете, что Лили де Мабийон — королева demi-Парижа?»

Королева demi-Парижа — повторила про себя Гардения. То есть королева demi-monde. Полусвет и светское общества — два отдельных мира. Единственная связь между ними — мужчины, которые имеют право появляться и там, и там. Что касается женщин, для них установлены строгие рамки. И выходить за пределы этих рамок им не разрешено.

Только теперь благодаря приобретенной за прошлую ночь зрелости Гардения поняла, что так настойчиво пытались ей сказать люди, А еще то, что лорд Харткорт воспринимал ее как составную часть дома Мабийон, дома, на порог которого не ступала нога приличных женщин...

До встречи с бароном тетя общалась и с достойными людьми, подумала Гардения. Они ее не любили и желали ей зла, и все же до поры до времени она принадлежала к их кругу. А когда по милости барона ее дом превратился в балаган — ему это не только нравилось, но для осуществления своих грязных шпионских дел было еще и чрезвычайно удобно, — тогда она окончательно и бесповоротно скатилась вниз. Лили де Мабийон, несмотря на ее титул, единогласно переместили в разряд женщины demi-monde.

Теперь Гардения прекрасно понимала поведение лорда Харткорта, тем не менее вспоминая их поход в ресторанчик на берегу Сены, чувствовала себя отвратительно — у нее начинала кружиться голова, а желудок сводило от приступа тошноты.

«Сейчас я не должна тонуть в своем горе, поразмыслию обо всем позднее, — решила она. — Поплачу об утраченной любви к человеку, с которым была знакома так недолго, подумаю, как мне жить в одиночестве. Но это потом. А сейчас мне следует заботиться о тете и надеяться на то, чтобы барон и в самом деле оказался таким, каким она его описывает».

Взгляды всех присутствовавших в зале устремились на двух женщин, когда они вошли в игорный зал казино.

Гардения не могла не отметить, что мужчины, стоявшие вокруг столов — молодые и в солидном возрасте, — приветствовали ее тетю с искренней радостью.

— Боже мой! Сейчас начнется настоящее веселье! — воскликнул один из них, человек средних лет. Герцогиня легонько шлепнула его по щеке и только после этого представила племяннице.

Прежде чем Гардения успела сообразить, что происходит, ее тетя устремилась к тому столу, за которым играли в Cheminde-Fer, села за него и достала из сумочки хрустящие банкноты, любезно предоставленные мсье Жаком.

— Тетя Лили, — прошептала ей на ухо Гардения, подбежав к столу за ней следом.

Герцогиня отмахнулась от нее.

— Не отвлекай меня, детка. Я терпеть не могу, когда во время игры кто-то пристает ко мне с разговорами. Пойди поищи себе какого-нибудь приличного молодого человека и попроси его чем-нибудь тебя угостить. Кстати, я смертельно хочу шампанского!

Несколько мужчин мгновенно поднесли столик и поставили его рядом с герцогиней. На него через несколько секунд водрузили ведро со льдом и бутылкой шампанского.

Гардения медленно побрела прочь. Ей казалось, наблюдать за игрой тети будет для нее невыносимым занятием. Подойдя к соседнему столу, она обвела невидящим взглядом толпу игравших в рулетку людей и, как будто под воздействием какого-то заклинания, вернулась к герцогине.

Та выигрывала: столбик ее фишек немного подрос.

Но впоследствии стал с катастрофической скоростью уменьшаться. А потом и вовсе исчез.

Герцогиня опять достала из сумочки деньги. Гардения с ужасом заметила, что это были те последние купюры, которые оставались от денег, выданных ей мсье Груазом.

Она страстно желала остановить тетю, но знала, что та просто не услышит ее слов.

Герцогиня весело смеялась, поворачиваясь к мужчинам то справа, то слева от нее, обмениваясь с ними какими-то шутками.

Гардения сложила вместе ладони и принялась безмолвно молиться. Если тетя проиграла бы и эти деньги, у них не осталось бы абсолютно ничего.

Герцогиня заказала еще шампанского.

Люди, толпившиеся у стола, напряглись и заволновались.

Гардении казалось, что это волнение можно ощутить руками, настолько интенсивным оно было.

— Вансо, — сказала герцогиня.

Гардения не знала правил игры, но понимала, что тетя сражается с темноволосым греком средних лет. Люди подались вперед и замерли.

Гардения догадалась, почему вдруг стало так тихо: рядом с греком лежала куча купюр, рядом с ее тетей — ничего. Все ждали исхода этой безумной схватки.

Герцогиня вновь открыла сумочку, но, увидев, что в ней больше нет денег, поднялась на ноги, неожиданно грациозным жестом сняла с шеи ожерелье и швырнула его на стол.

— Двадцать тысяч франков! — крикнула она.

Толпа ахнула.

Грек кивнул.

— Как пожелаете, мадам.

Он взял карты с лотка — две для себя, две для герцогини.

Она поднесла свои прямо к лицу.

Грек показал всем, что выпало ему.

— *Chinq a la banque!* — крикнул крупье.

— Грек взял еще карту.

— *Neuf a la banque!* — объявил крупье абсолютно бесстрастно.

Герцогиня, слегка пошатываясь, поднялась на ноги и бросила на стол карты.

Ее светлость проиграла.

Она медленно развернулась и неуверенной походкой слепца поплелась к выходу.

Гардения последовала за ней.

Тетя Лили проиграла. Они обе проиграли!

Глава двенадцатая

Гардения проплакала всю ночь. Когда они вернулись в свой роскошный номер, она раздела тетю и уложила ее в кровать.

Та, сраженная проигрышем и опьяневшая, не разговаривала и плохо соображала. Гардения понимала ее состояние и тоже не произносила ни слова.

Лишь закрывшись в своей комнате, сняв платье и подойдя к окну, она дала волю слезам. Они покатались по ее щекам обильными бесконечными ручьями. У нее было такое чувство, что ей никогда не успокоиться.

Она пыталась убедить себя в том, что плачет из-за тетиного проигрыша, из-за опасности и безнадежности ситуации, в которой они оказались, из-за неизвестности будущего. Но в глубине души знала, что все это не правда. На самом деле ее слезы были вызваны страданием по утраченной любви, так недолго радовавшей ее, ускользнувшей так внезапно в тот момент, когда она раскрыла ей свои объятия. Страх и одиночество сводили с ума, а сердце стонало и рвалось на части.

Воспоминания о пьянящем восторге тех недолгих мгновений, когда ей казалось, что ее тоже любят, до сих пор были живы в памяти. Она закрывала глаза и вновь и вновь переносилась в то чудесное утро, когда мир восторгал ее, а будущее обещало быть ярким и прекрасным.

— Дура, какая же я дура! — шептала она, умываясь слезами, но даже самобичевание не помогало ей избавиться от боли и чудовищного чувства опустошенности.

Она плакала несколько часов напролет, но потом усилием воли взяла себя в руки и осознала, что никто, кроме нее, не поможет тете. Ей надлежало решить, как им быть.

Если за ночь, проведенную в тетином купе, она превратилась из ребенка в женщину, то сейчас из несчастной и растерянной родственницы — в человека самостоятельного и твердого.

Отойдя от окна, картина за которым была чересчур великолепной, чтобы смотреть на нее в таком состоянии, она принялась ходить взад и вперед по устланному ковром полу комнаты.

Необходимо было что-то предпринять, и чем быстрее, тем лучше.

Гардения мысленно оценила все, что у них оставалось ценного: несколько бриллиантов в чемоданчике для драгоценностей — в трех брошах, паре сережек и двух кольцах. За эти богатства они могли получить какую-то сумму, но вряд ли сумели бы продать их за те деньги, которых они действительно стоили.

«Теперь весь город станет болтать о тете, — подумала Гардения, вздыхая. — Люди догадаются, что у нее возникли финансовые затруднения, в противном случае она никогда не бросила бы на игорный стол бриллиантовое ожерелье.

Завтра слухи дойдут до управляющего отелем, и он, естественно, насторожится. А вскоре и о настоящей причине внезапного отъезда тети из Парижа станет известно всем. Тогда нас попросят выселиться из отеля...»

Гардения вспомнила о тех вещах, которые остались в доме тети, — великолепных картинах на стенах, роскошной мебели, вазах из севрского фарфора, коллекции золотых табакерок, осыпанных драгоценными камнями, позолоченном туалетном столике с бриллиантами, расположенном в спальне тети. Эти богатства стоили тысячи и тысячи франков, но теперь должны были быть конфискованными французским правительством.

Тете никогда больше не увидит своих шикарных вещей, подумала Гардения.

Невольно ее мысли перенеслись к шиншиловой накидке.

Ей было известно, какова стоимость шиншилового меха и как накидка могла бы им помочь, если бы они привезли ее с собой, но сердце радовалось от того, что этот символ предательства остался в Париже. Ей казалось, взгляни она на этот подарок герцогини еще разок, и от стыда и отвращения у нее потемнеет перед глазами.

Все, что у них имелось, помимо драгоценностей, были тетины платья. Гардения плохо разбиралась в подобных вещах, но догадывалась, что за подержанную одежду много денег не получишь. Их могли купить разве что небогатые актрисы и второсортные проститутки, естественно, за гроши. Кто еще был готов опуститься до того, чтобы носить платья герцогини, в которых она больше не нуждается? Неизбалованные деньгами и нарядами женщины вообще нашли бы шифон и кружева, парчу и изысканные вечерние туалеты ненужными и смешными.

«Что же нам делать?» — подумала Гардения, закрывая, лицо руками. В ее голове отчетливо прозвучал голос лорда Харткорта, обещавший заботиться о ней и защищать от всех невзгод, от всех обидчиков.

— О, как бы было замечательно, если бы он находился рядом со мной! — прошептала Гардения, ненавидя себя за свою слабость.

Как только за окном рассвело, она оделась, вышла на улицу и, спросив у полицейского, как добраться до пристани, направилась в порт.

В судходной конторе ее приняли далеко не сразу. Ей пришлось довольно долго просидеть возле нее в коридоре.

Небритый клерк средних лет разговаривал с ней весьма учтиво до тех пор, пока она не сказала, что интересуется наиболее дешевыми пассажирскими местами на корабле, отплывающем в Англию первым. Клерк тут же забыл о хороших манерах и стал вести себя небрежно, почти нагло. А прямо перед уходом Гарденин пригласил ее поужинать с ним. Несмотря на это, ей удалось выяснить, что небольшое довольно старое торговое судно с местами для шести пассажиров направляется в Англию завтра. И что следующего надо ждать три-четыре дня.

Сердце Гарденин сжалось, когда она представила, сколько неудобств придется терпеть герцогине, но делать было нечего.

Дорогие каюты на современных кораблях стоили невероятно дорого, а им предстояло жить на то, что они еще имели, неопределенно долгое время.

Гардения заказала каюту с двумя койками и пообещала, что принесет деньги сегодня же.

— Ладно, — ответил клерк, окидывая ее с ног до головы откровенным взглядом. — Только скажите, во сколько и где мы встретимся.

— Когда принесу деньги, тогда и договоримся, — произнесла Гардения ровным голосом.

Злить клерка не следовало. Они с тетей не могли оставаться в Монте-Карло и должны были покинуть этот город чем раньше, тем лучше.

Гардению устрашало не только отсутствие у них достаточного количества денег, но и тетина страсть к азартным играм, а казино, в котором вчера она проиграла целое состояние, располагалось рядом с «Отелем де Пари».

Герцогиня еще спала, когда Гардения вернулась в номер.

Она устало опустилась на диван в дорогой гостиной, ощущая, что очень голодна. Ей ничего не стоило вызвать официанта и заказать что-нибудь из еды, но на это ушли бы дополнительные деньги, которые следовало экономить.

Время тянулось томительно долго до тех пор, пока к полудню не проснулась герцогиня. Как обычно, ее мучила кошмарная головная боль. Она выглядела старой и нездоровой.

Гардения принесла ей незаменимые таблетки и стакан воды.

Герцогиня потребовала бренди, но ее племянница категорично покачала головой.

— Этого мы не можем себе позволить, тетя Лили.

Герцогиня вознамерилась вступить в спор, но тут же вспомнила о событиях вчерашнего вечера и жалобно застонала.

— Мое ожерелье... Мое чудесное бриллиантовое ожерелье...

Его нет...

Она обхватила руками шею, словно надеялась, что свершится чудо и ее украшение вернется на место.

— Как я могла так поступить? О, Гардения, как я могла? — причитала она, жалобно глядя на племянницу.

— Боюсь, вы проиграли все, что имели, тетя Лили, — спокойно сказала Гардения. — У нас ничего не осталось.

— Как это ничего? А драгоценности? Ведь мои драгоценности еще на месте, — пробормотала герцогиня с надеждой в голосе.

— Их не так много, — ответила Гардения. — Тетя Лили, послушайте меня. Мы должны уехать в Англию. Жизнь в Монте-Карло нам не по карману. Боюсь, только за этот номер нам предьявят такой счет, который мы будем не в состоянии оплатить.

Герцогиня приподнялась и начала возражать, но резко замолчала и вновь упала в мягкие подушки.

— Генрих должен был получить мою телеграмму вчера. В худшем случае сегодня утром.

— Почему вы так уверены, что барон в Германии? — спросила Гардения. — Даже если он и там, то может находиться не в Пруссии, а где-нибудь в другом месте.

— Ты права, — ответила герцогиня, приободрившись. — В таком случае телеграмму ему перешлют, и он получит ее через день-другой. А к концу недели будет здесь.

— Тетя Лили, мы не можем так долго ждать, — сказала Гардения. — За несколько дней наши долги непомерно возрастут, мы будем не в состоянии с ними рассчитаться.

Она выдержала паузу, дав тете возможность подумать над ее словами. Потом продолжила:

— В Англии мы начнем новую жизнь, скромную, но спокойную. Я поищу работу. А вы встретитесь с друзьями. Наверняка там их у вас немало.

— Я не собираюсь ехать в Англию и куда бы то ни было, пока не увижусь с бароном! — твердо провозгласила герцогиня. — Не впадай в панику, Гардения. Неужели ты не понимаешь, что этот человек меня любит? Он приедет, как только узнает, где я нахожусь.

Гардения вздохнула. Ей хотелось обладать хотя бы частью тетиного оптимизма. Но, зная барона, она сильно сомневалась в том, что он взвалит на себя ответственность за судьбу обнищавшей любовницы. Если даже от него и пришли бы какие-то деньги, их наверняка было бы слишком мало на содержание привыкшей к невиданному расточительству герцогини.

— Отправиться в Англию было бы для нас самым верным решением, тетя Лили, — сказала Гардения тихо. — А барон может навестить вас и там. Добраться до Англии ему даже удобнее. Наш корабль отплывает завтра утром. Чем раньше мы освободим этот номер, тем меньше нам придется за него платить!

Герцогиня внимательно посмотрела ей в глаза.

— Кажется, я догадалась, чего ты так боишься на самом деле: что я опять пойду в казино! Может, ты и права. Когда я приближаюсь к игорному столу, становлюсь абсолютно ненормальной. Во мне появляется уверенность, что я вот-вот выиграю. О, мое ожерелье! Мое чудесное бриллиантовое ожерелье...

Гардения не знала, что ответить. Но намеревалась продолжать уговаривать тетю согласиться с ее планом и покинуть Монте-Карло.

— Предлагаю одеться и выйти в город. Найдем какое-нибудь недорогое кафе и перекусим. Питаться в отеле теперь для нас непозволительная роскошь. Я видела сумму в счете, который вы подписали вчера. На такие деньги мы неделю могли бы жить в Англии.

— Я не хочу есть, — проворчала герцогиня.

— Мне кажется, что вам будет лучше, если вы выпьете хотя бы чашечку кофе, — сказала Гардения.

Герцогиня опять попыталась возразить, но, увидев, как напряглось лицо племянницы, сдалась.

— Хорошо, хорошо. Пойдем поищем какое-нибудь замызганное кафе. Подобными вещами мне не приходилось заниматься никогда в жизни!

Гардения промолчала. Она чувствовала, что тетя сильно страдает, и не хотела усугублять ее

мучения.

Надев с помощью Гардении одно из элегантных платьев, герцогиня привела в порядок лицо и взглянула на свое отражение в зеркале.

Обе они выглядели как миллионерши, и ничто в их внешнем виде не говорило о том, какие чудовищные трудности им приходится преодолевать.

— Достань из чемоданчика брошь с бриллиантом, Гардения, — попросила герцогиня. — Попробуем сдать ее в каком-нибудь из ювелирных магазинов в центре. — Она помолчала в нерешительности. — Думаю, к мсье Жаку нам больше не стоит идти, верно?

— Вполне с вами согласна, — ответила Гардения. — Для нас важно, чтобы окружающие как можно дольше не знали, как обстоят ваши дела.

— Да. — Герцогиня задумчиво кивнула. — Несмотря на то что многие из них хорошо меня знают, и знают давно. Когда речь заходит о деньгах, в Монте-Карло забывают о сантиментах и сострадании. Просто этот город видывал слишком много людей разорившихся и обнищавших, не раз бывал свидетелем нервных срывов и самоубийств. Здесь не любят тех, кто безрассудно оставляет в казино все, что имеет.

— Мне пришло это в голову, — сказала Гардения. — Пойдемте, тетя Лили. Думаю, после того, как мы перекусим, сразу почувствуем себя лучше.

Лицо герцогини было, как обычно, искусно загримировано, косметика искусно скрывала следы переживаний, страданий и несчастья.

Гардения с восхищением наблюдала за тем, как, выйдя из номера, тетя взяла себя в руки и бодро и жизнерадостно зашагала по коридору. Она улыбалась горничным, попадавшимся им навстречу и желавшим доброго дня, обменялась парой любезностей с управляющим, столкнувшись с ним в холле, и грациозно выплыла на улицу.

— Все они — шакалы, — пробормотала она. — Если бы им стало известно, что мы в беде, они тут же приготовились бы разорвать нас на части.

— Понимаю, — грустно ответила Гардения. Ей страстно хотелось очнуться и понять, что происходящее — дурной сон.

Они прошли по саду, утопавшему в ярких цветах, по аллее с высокими стройными пальмами по обе стороны и приблизились к главной улице города. Было очень тепло, и дыхание герцогини участилось.

Зайдя в небольшое кафе, они выпили по чашке кофе со свежими круассанами. На полках за стойкой красовались бутылки со спиртными напитками. Герцогиня то и дело бросала на них косые взгляды, но ничего не говорила.

— Надо найти кого-нибудь из друзей, которые пригласили бы нас на ужин, — сказала она. — В «Отеле де Пари» в данный момент нет никого подходящего. А вот в «Сплендиде» таковые могут оказаться. Попрошу консьержа, чтобы выяснил по телефону, кто сейчас здесь. Скажу, что планирую организовать вечеринку. И он не станет задавать лишних вопросов.

— Полагаю, нам все же лучше уехать отсюда, тетя Лили, — устало произнесла Гардения.

А увидев, что тетя поджигает губы, поспешно добавила:

— Наверняка судно не выйдет в море до самого завтрашнего полудня. Давайте договоримся, что, если утром барон не приедет или не даст о себе знать, мы направимся в Англию?

Герцогиня поднялась из-за стола.

— Я подумаю, — холодно ответила она. — А что, если он приедет как раз в тот момент, когда мы отплывем? А о своих друзьях в Париже ты забыла? Лорд Харткорт и мистер Каннингхэм наверняка уже связались с правительством Англии и сообщили им обо всем, что произошло.

Гардения испуганно расширила глаза.

— Об этом я даже не подумала!

— Франция и Англия действуют заодно и по отношению к Германии обе настроены враждебно, — заявила герцогиня резко. — Секретами дипломатического характера они наверняка тут же обмениваются. Поэтому торопиться в Англию нам отнюдь не следует.

— Но куда же мы можем поехать?

— Пока останемся здесь.

— Но жить в «Отеле де Пари» нам нельзя, неужели вы не понимаете этого, тетя Лили? — спросила Гардения. — На те деньги, которые нам придется заплатить за номер, в Англии мы могли бы жить полмесяца, а то и целый месяц!

— Милое дитя, ты точно такая же, как твоя мать! — бросила герцогиня, недовольно сдвигая брови. — Раздуваешь трагедию из пустяков! Пошли в отель, попросим консьержа выяснить, кто здесь есть. Интересно, жив ли тот старик, владелец виллы? Он жил где-то недалеко от итальянской границы.

Она грациозно вышла из-за стола и направилась к выходу.

Гардения поплелась за ней, а, выйдя на улицу, спросила:

— А к ювелиру мы не пойдём?

Герцогиня приостановилась и задумалась.

— Поступим вот как: вернемся вместе в отель, а потом ты выйдешь опять и сходишь к нему одна. Надеюсь, ты понимаешь, моя дорогая, что мне неудобно заниматься подобными вещами.

Гардения все прекрасно понимала. Ее тетя не желала принимать участие в самых неприятных мероприятиях. Спорить было бессмысленно, поэтому она не произнесла ни слова, даже когда герцогиня наняла экипаж и велела везти их к «Отелю де Пари».

— У меня болят ноги, Гардения. Опять идти пешком я просто не смогла бы, — пояснила тетя. — А все из-за тебя! Это ты заставила меня топтать в гору!

— Но за экипаж нам придется платить, — осторожно произнесла Гардения.

— Это сделают служащие отеля. А потом впишут соответствующую сумму в наш счет.

Гардения ничего больше не сказала. Она смотрела сквозь окно на синеву моря, на дворец принцессы Монако на высоком утесе, возвышавшемся над водными просторами, и сознавала, что все эти красоты ее не радуют. Ее голова была занята одними мыслями — мыслями о том, что ждет их с тетей впереди. Ей казалось, они летят в чудовищную бездну.

Экипаж остановился у входа в отель, и герцогиня приподняла голову, намереваясь выйти на улицу с беспечно-жизнерадостным видом.

Гардения спрыгнула на землю первой и сразу узнала в человеке, только что вышедшем из отеля в сопровождении красивой женщины, барона фон Кнезебега.

Герцогиня увидела его несколько мгновений спустя.

— Генрих! — вырвался из ее груди восторженный вопль.

Она порывисто шагнула к лестнице, протягивая вперед обе руки.

— Генрих!

Барон приостановился и посмотрел прямо на нее. На нем была форменная одежда, лысеющую голову покрывала фуражка.

Поправив очки, он невозмутимо повернулся к спутнице и протянул ей руку.

— Позвольте помочь вам спуститься с лестницы, дорогая графиня.

Они спокойно сошли вниз и направились в казино, проплыв мимо Гардении и герцогини, как мимо посторонних людей, Барон поддерживал даму под локоть, перья на ее шляпе плавно покачивались при ходьбе.

На протяжении некоторого времени герцогиня молча смотрела им вслед. Ее лицо было мертвенно-бледным, и Гардения, опасаясь, что тетя не устоит на ногах, взяла ее за руку.

Медленно и чуть пошатываясь, как от удара, герцогиня поднялась по лестнице и вошла в отель. Гардения шагала с ней рядом, не выпуская ее руки из своей.

Лишь придя в номер и опустившись на диван в гостиной, герцогиня заговорила.

— Он причинил мне страшную боль, — хрипло прошептала она. — Ты это видела, Гардения?

— Свинья! Чудовище! — разразилась ругательствами Гардения. — Да как он посмел так обойтись с вами?

— Когда он посмотрел на меня, я увидела в его глазах ненависть... — Герцогиня всхлипнула, и по ее щекам покатались слезы. Вскоре тушь, при помощи которой она так искусно делала себя более привлекательной, потекла по ее покрасневшему лицу черными ручейками.

Гардения смотрела на тетю и видела несчастную, постаревшую, увядшую женщину, женщину, больше не способную одушить своим видом будоражить воображение мужчин.

— Негодяй! — закричала Гардения. — Подлец!

— Почему он ненавидит меня? — простонала герцогиня. — Ведь я люблю его. Я ни в чем и никогда ему не отказывала. Ни в чем...

— Этот тип вас просто использовал, теперь вы понимаете это, тетя Лили? — сказала Гардения, кипя от возмущения. — Он не достоин вашей любви.

Герцогиня медленно сняла шляпу и положила ее на диван рядом с собой.

— Порой я тоже думала, что он меня... просто использует... — произнесла она надтреснутым голосом. — Его просьбы выходили... за все допустимые рамки... Все эти мужчины, которых он приводил в мой дом... Но ему удавалось убедить меня в том, что все это — сущие пустяки... в сравнении с нашей любовью...

Она говорила все тише и неразборчивее, а выглядела настолько подавленной, что Гардения опустила перед ней на колени и обхватила руками, желая хоть немного утешить.

— Не надо, тетя Лили, не терзайте себя, — пробормотала она. — Он того не стоит. Постарайтесь не думать о нем. Мы уедем отсюда. Уедем в Англию.

— Где никого не знаем, — ответила герцогиня. — Ради Генриха я порвала со всеми своими друзьями. Он их ненавидел, разговаривал с ними прескверно, объясняя свое поведение тем, что ревнует меня к ним. На самом же деле ему просто хотелось поссорить меня со всеми порядочными и достойными людьми. О, Гардения, как после всего этого он смог так со мной обойтись?

Она безудержно разрыдалась и продолжала рыдать до полного изнеможения.

— Пойдемте я помогу вам лечь в кровать, — сказала Гардения ласково.

Она проводила тетю в спальню, уложила в постель, накрыла стеганым одеялом и задвинула шторы, чтобы солнце не мешало ей отдыхать.

— Постарайтесь уснуть.

— Я не смогу уснуть, Гардения. Моя голова трещит от мыслей. Я думаю о Генрихе и о том, почему он так посмотрел на меня. Может, на то у него были свои причины? Вероятно, в тот момент что-то мешало ему заговорить со мной. Как ты считаешь, детка? Наверное, скоро он придет ко мне и все объяснит...

— Это маловероятно, тетя Лили, — ответила Гардения спокойно.

— Я ничего не понимаю... Почему, ну почему все так несправедливо?

Герцогиня вновь разразилась слезами.

Гардения вспомнила, что видела в тетином несесере бутылочку со снотворными таблетками, достала ее и пошла в ванную, чтобы принести оттуда стакан воды.

Когда она вернулась, герцогиня уже не плакала.

— Кстати, барон должен мне деньги, — сказала она, вяло двигая губами. — Небольшую сумму, но сейчас она могла бы нам пригодиться. Он продал одну из моих картин какому-то немецкому генералу. Тот якобы мечтал иметь именно эту работу Ренуара. Герцог купил ее несколько лет назад. Я сказала барону, что он может продать полотно за десять тысяч франков, хотя оно стоило дороже.

— Десять тысяч франков! — воскликнула Гардения.

— Сейчас они бы нам не помещали, — пробормотала герцогиня и опять заплакала.

— Конечно, не мешали бы, — ответила Гардения, протягивая тете таблетку и стакан воды. — Выпейте это, и вам станет легче. О деньгах, которые вам задолжал барон, мы поговорим позже.

Она вышла из комнаты и плотно закрыла за собой дверь, Было половина четвертого.

«Я не дам тете возможности в очередной раз унизиться перед этим негодяем, — решила Гардения. — Но он обязан вернуть ей хотя бы то, что должен».

Она позвонила консьержу и спросила:

— Скажите, пожалуйста, барон фон Кнезебех остановился в этом отеле?

— Нет, Ma'm'selle, Барон фон Кнезебех приходил к нам сегодня на ленч. А остановился в «Сплендиде».

— Спасибо, — сказала Гардения.

Пройдя в свою комнату и усевшись на кровать, она принялась тщательно обдумывать ситуацию. Во время разговора в поезде герцогиня объяснила ей, что значит *сinq a sept*. Сейчас барон находился в казино. Но где-нибудь к половине пятого должен был вернуться в отель, чтобы подготовиться к свиданию с красавицей графиней.

В двадцать минут пятого Гардения привела себя в порядок, надела перчатки, спустилась вниз, вышла из отеля и зашагала по дороге мимо сада, окружавшего казино. Она знала, где находится «Сплендид», обратила на него внимание, когда они с тетей ходили в кафе.

У ворот она присела на одну из скамеек, расположенных вокруг небольшого бассейна с золотой рыбкой, лилиями и искусственными рифами, достала из сумочки тетину вуаль и прикрепила ее к шляпе. Идти в номер к мужчине, да еще такому недостойному, как барон, ей было ужасно стыдно.

Она понимала, что должна войти в холл отеля смело и спокойно, но ее сердце колотилось так бешено, что казалось, оно находится где-то в горле.

— Я хотела бы видеть барона фон Кнезебега, — сказала она, подойдя к окошку консьержа.

Тот ответил сразу:

— Барон фон Кнезебех ожидает вас, мисс. Он расположился в триста шестьдесят пятом номере на третьем этаже.

Швейцар открыл ей двери лифта, и, зайдя в него, Гардения задумалась. Она ожидала, что консьерж позвонит барону и сообщит о приходе посетительницы, потом спросит ее имя, и даже придумала, что ответить.

Наверное, он принял меня за графиню, решила она и вышла из лифта, остановившегося на третьем этаже.

Мальчик-паж проводил гостью к триста шестьдесят пятому номеру, стукнул в дверь и открыл ее ключом.

— Спасибо, — сказала Гардения и, войдя внутрь, увидела перед собой три двери. Средняя из

них была приоткрыта и вела в гостиную.

Никто не вышел ей навстречу, поэтому Гардения тихо прошла в комнату.

Дверь, соединявшая гостиную со спальней, была открыта.

Слышался шум воды.

«Наверное, этот негодяй совершает омовение перед встречей с графиней, — подумала Гардения. — Каково же будет его удивление, когда вместо нее он увидит здесь меня».

Она огляделась по сторонам. Гостиная была богато обставлена. На спинке стула у письменного стола, расположенного у приоткрытого окна, висел китель барона, увешанный медалями.

Гардения окинула стол рассеянным взглядом. Она пребывала в таком сильном напряжении и так сосредоточенно размышляла о предстоящем разговоре с бароном, что ничего не видела перед собой. Тем не менее что-то заставило ее внимательнее осмотреть стол, и она заметила на нем телеграмму.

Желая узнать, тетина ли это телеграмма, она, не вполне осознавая, что делает, подошла ближе к столу и увидела небольшую раскрытую книгу. И сразу догадалась, что это за книга: подобную она искала в комнатах лорда Харткорта. Только та должна была быть на английском, а эта была на немецком языке.

Вода все еще шумела где-то в соседней комнате. Гардения взяла книгу со стола, развернулась, медленно вышла из гостиной, из номера и бесшумно закрыла за собой дверь.

Идя по длинному коридору, она думала о том, что отомстила барону за все его злодеяния. Но всей важности совершенного только что поступка ей было пока не понять, главным образом потому, что в данный момент ее сковывал жуткий страх.

Она решила спуститься на первый этаж по лестнице, чтобы не привлекать к себе особого внимания. В холле толпились люди, и ей удалось выскользнуть на улицу почти незамеченной.

Только когда она поспешно зашагала назад к «Отелю де Пари», ей стало понятно, что произошло.

«Теперь я могу шантажом выудить из барона сколько угодно денег, — подумала она. — Или передать его книгу в Министерство иностранных дел Великобритании. А для этого мне придется связаться с одним человеком...»

Она чувствовала себя настолько взбудораженно, что, влетев в лифт в «Отеле де Пари», захотела, чтобы он привез ее наверх в три раза быстрее. А выскочив из него, не пошла, а побежала к своему номеру.

У нее в сумочке лежали ключи и от общей двери, и от обеих спален, в которые можно было войти прямо из коридора. Она решила, что сразу должна идти к тете, и вошла в ее комнату.

В ней царил полумрак, а воздух показался Гардении каким-то тяжелым. Она прошла к окну и раздвинула шторы.

Герцогиня спала.

— Тетя Лили! — воскликнула Гардения. — У меня потрясающая новость!

Может, не стоит ее будить, тут же подумала она. Но страстное желание рассказать тете о книге взяло в ней верх.

— Тетя Лили!

Герцогиня ничего не слышала. Только сейчас Гардения заметила, что, когда она уходила, что-то в этой комнате было не так.

«Снотворное!» — пронзила мозг Гардении чудовищная догадка.

Бутылочка из-под таблеток, которую она оставила на туалетном столике, теперь лежала на одеяле тети, а крышка валялась на полу. Теперь в бутылке ничего не было, хотя некоторое время назад, доставая из нее таблетку, Гардения отметила, что она почти полная.

Ее руки задрожали. Дотрагиваться до тети не имело смысла, все и так было попятно. Бедняга решила покончить со своими проблемами самым легким способом и добровольно ушла из жизни.

— О, несчастная тетя Лили, — прошептала Гардения, хотя теперь — как ни странно — не считала тетю несчастной.

Что за жизнь ждала герцогиню впереди? Жизнь бедной, потерявшей все женщины, не способной вызывать в мужчинах восхищение. Она возненавидела бы все, что ее окружает, а в первую очередь саму себя.

— По-своему вы правы, тетя Лили, — пробормотала Гардения, пытаясь сдержать слезы. Медленно пройдя к окну, она вновь задернула шторы. Ей предстояло позвонить управляющему, пригласить его к себе в гостиную и рассказать о случившемся.

— Я сделаю это позже, — твердо решила она. — Пусть тетя полежит в тишине, пусть хотя бы недолго обретенный ею покой ничто не нарушает. А я должна помолиться...»

Она сняла шляпу с вуалью и опустилась на колени перед тетиной кроватью.

Ей показалось, что ни одна из молитв, заученных ею в детстве, не подойдет для данного случая. Поэтому она помолилась своими словами, уверенная в том, что Господь услышит ее и все поймет.

Молитва принесла ей некоторое утешение. Поднявшись на ноги, она еще раз взглянула на покойную герцогиню и только сейчас поняла, что стала совсем одинокой. Теперь у нее не было другого выхода, как вернуться в Англию и найти какую-нибудь работу, которая помогла бы ей спастись от голодной смерти.

Гардения долго смотрела на тетю. Теперь, когда морщины на ее лице расправились, она выглядела моложе и была по-настоящему красивой.

К глазам Гардении подступили слезы, но ей удалось взять себя в руки и не поддаться их власти. Теперь она должна была стать еще более взрослой, еще более сильной, мудрой и мужественной.

Увидев, что серая книжка барона лежит на одеяле, Гардения порывисто схватила ее. Ей не хотелось, чтобы принадлежавшая этому типу вещь касалась тетиной постели. Это он убил ее, беспощадно и жестоко.

«Надеюсь, услышав о смерти тети, он поймет, что натворил», — со злобой и печалью подумала Гардения.

И вышла в гостиную.

Комнату заливал яркий солнечный свет, и в первое мгновение после полумрака тетиной спальни Гардения ничего не видела. А несколько секунд спустя, когда ее глаза привыкли к свету, заметила, что у окна стоит какой-то мужчина.

«Барон!» — мелькнуло в ее голове, но она тут же поняла, что ошибается.

У этого человека были совсем другие плечи, а также форма головы, и, узнав его, Гардения вздрогнула, как будто очнулась от долгого сна.

Мужчина повернул голову.

— Гардения! — воскликнул он и устремился к ней.

— Лорд... Харткорт... — прошептала она, с трудом шевеля языком.

— Мой поезд опоздал, — сообщил лорд Харткорт. — А когда я пришел сюда, мне сказали, что вас нет. Вот я и дожидался вашего возвращения.

— Вы приехали ко мне?

Гардения смотрела на него во все глаза и не могла поверить, что не спит.

А лорд Харткорт глядел на нее. С огромной нежностью.

Приблизившись к ней, он взял ее правую руку, поднес к губам и поцеловал каждый тонкий пальчик.

— Дорогая моя, я приехал сюда с одной целью: чтобы спросить, согласитесь ли вы стать моей женой.

— О нет, нет! — выкрикнула Гардения, вырвала руку из руки лорда Харткорта, прошла к дивану и устало опустилась на него.

— Вы меня не простили... — пробормотал он. — И я прекрасно вас понимаю. Я обошелся с вами непростительно грубо, унизил вас, причинил вам боль. И все из-за собственной глупости.

— Нет, нет, дело не в вашей глупости, — возразила Гардения. — Это я не понимала многих вещей.

— Потом я осознал, что допустил чудовищную ошибку, — продолжил лорд Харткорт. — Наверное, вы считаете, что я наглец. Простите меня, Гардения. Если вы согласитесь стать моей женой, я почувствую себя счастливейшим из мужчин.

— Позвольте мне кое-что вам объяснить, — попросила Гардения. — Выслушайте меня.

Она положила серую книжку на диванные подушки, как что-то утратившее свою ценность. Лишь намного позднее ей довелось узнать, какой мощный удар по дипломатии Германии она нанесла, похитив эту вещь.

— Понимаете, только покинув Париж и откровенно поговорив с тетей, я осознала, как глупо, наивно и по-детски себя вела. — Голос Гардении дрожал. — Я росла среди простых приличных людей. Раньше мне и в голову не приходило, что женщина, носящая титул герцогини, может относиться не к высшему обществу, а к *demi-monde*. Поэтому я не могла и предположить, что в доме тети молодые люди будут смотреть на меня как на...

Лорд Харткорт приоткрыл рот, намереваясь что-то возразить, но Гардения жестом попросила не перебивать ее.

— Не пытайтесь ни в чем меня переубедить, — продолжила она. — Теперь я твердо знаю, что и вы, и мистер Каннингхэм думали, что я такая же, как остальные женщины, посещавшие тетин дом. Многого из того, что мне говорили, я просто не понимала. Когда вы поцеловали меня... — она сделала паузу, собираясь с духом, — и когда я осознала, что... люблю вас, я по-глупому посчитала, что мы должны... пожениться и быть вместе навсегда.

На лице лорда Харткорта отразилось искреннее раскаяние.

— А в тот день, когда мы поехали в ресторан, и я узнала, что о браке со мной вы и не помышляете, почувствовала себя униженной и растоптанной.

— Дорогая моя, простите меня, умоляю... — пробормотал лорд Харткорт.

— Нет, пожалуйста... Я хочу договорить все, о чем должна сказать, — произнесла Гардения. — Теперь я понимаю, во что превратила тетя Лили свою жизнь. А в каком-то смысле и мою жизнь, ведь я ее племянница. — Она помолчала. — Я долго размышляла над всем, что произошло, и решила... если мы когда-нибудь встретимся с вами еще раз... и если вы опять пожелаете меня... то я соглашусь на все, что бы вы мне ни предложили... Потому что я люблю вас... И потому что непродолжительное счастье лучше, чем ничего...

Лорд Харткорт опустился перед Гарденией на колени, бережно взялся за край ее платья, опустил голову и поцеловал изысканную материю.

— Вот как я отношусь к вам, Гардения, — прошептал он. — Моя милая, глупенькая, смешная и прекрасная Гардения. Я недостойн целовать подол вашего платья. Неужели, неужели вы думаете, что я хочу вас только как любовницу? — Он покачал головой. — Вообще-то раньше мне и самому казалось, что это так. Я был самонадеянным, тщеславным идиотом, потому что ничего не понял сразу. Не понял, что мне предлагают настоящую, светлую, чистую любовь, лучшее, о чем можно мечтать в жизни.

Он поднялся на ноги и обнял Гардению. Кровь понеслась по ее жилам стремительным потоком.

— Я люблю вас и мечтаю, чтобы вы, и только вы, стали моей женой, — сказал он тихо и очень ласково. — Я знал многих женщин, но ни одной из них, поверьте, не предлагал руки и сердца. Я хочу видеть вас рядом с собой в единственной роли — в роли своей супруги, в роли женщины, которая родит мне детей. Я хочу заботиться о вас и восхищаться вами всю жизнь. Вы прекрасны.

Гардения содрогалась всем телом — от счастья, которое сводило с ума.

— О, Вейн, — пробормотала она. — Я очень люблю вас.

Он прильнул к ее губам, и весь мир сузился для них обоих до размеров этой комнаты. Все, что заботило их и тревожило, стало вдруг не важным и незначительным, лишь одно имело смысл —

любовь, поглотившая их подобно жадному пламени.

— Я люблю вас, Гардения, люблю, люблю, люблю, — повторял лорд Харткорт, осыпая поцелуями лицо Гардени.

Она мечтала отдаться своему чувству полностью, забыть в нем и никогда не возвращаться к проблемам и бедам, но в данный момент была обязана поговорить с лордом Харткортом еще кое о чем, поэтому осторожно отстранилась от него.

— Мне нужно кое-что сообщить вам.

— Только не запрещайте смотреть на вас, — сказал лорд Харткорт полушепотом. — Такой красавицы, как вы, я не видел никогда в жизни.

Он хотел вновь поцеловать ее, но она не дала ему такой возможности, легонько прижав к его губам ладонь.

— Пожалуйста, Вейн, вы должны меня выслушать. Тетя Лили мертва. Выпила целую бутылочку снотворных таблеток.

Ее мир рухнул, и она не смогла это вынести...

Лорд Харткорт кивнул.

— Вышел ордер на ее арест. Ей ни при каких обстоятельствах нельзя было возвращаться во Францию.

— Но там осталось буквально все, что она имела, — сказала Гардения.

— Я об этом догадывался, — ответил лорд Харткорт. — В Англии ее тоже поджидали трудности. Ехать в Монте-Карло посоветовал вам Берти, он рассказал мне о разговоре с вами. Я восхищен его поступком и благодарен ему.

— Бертрам очень нам помог. Не знаю, что бы с нами было, если бы не он.

— Если бы в тот момент я знал о том, что произошло, то поехал бы с вами. А задержался, потому что подал в отставку и занимался оформлением документов.

— Это правда? — Глаза Гардени оживленно засияли.

— Правда, — ответил лорд Харткорт. — Я мечтаю вернуться в Англию и жить там со своей женой. Мои имения нуждаются в грамотном управлении, у меня будет много детей. А главное, я смогу постоянно находиться рядом с вами.

— А вы уверены... Уверены, что я именно та, кто вам нужен? — несколько смущенно спросила Гардения. — Что скажут и что подумают люди?

— Мне все равно, что они скажут и что подумают, — твердо заявил лорд Харткорт. — И потом, это не должно вас волновать. Мы как можно быстрее уедем в Англию. Смерть вашей тети многое упростила. Власти Монте-Карло страшно не любят самоубийств. Они объявят, что ее светлость умерла от сердечного приступа. И сами организуют похороны.

— Вы считаете, что нам следует уехать уже сейчас? — спросила Гардения.

— Да, — ответил лорд Харткорт. — Вам больше не придется заниматься решением страшных проблем, обо всем буду заботиться я. Мы уедем в Англию к моей матери. Она — человек душевный и чуткий, но вовсе не обязательно рассказывать ей все, что с нами происходило в Париже. Ее жизнь — спокойная, приличная и размеренная, в ней никогда не появляются люди, подобные девицам парижского demi-monde.

Гардения вздохнула.

— Звучит заманчиво.

— Вы вполне уверены, что хотите выйти за меня замуж? — спросил лорд Харткорт.

— Я знаю лишь одно: что всем своим сердцем желаю быть рядом с вами до конца своих дней, — сказала Гардения.

— О, моя дорогая! Я мечтал услышать сейчас именно эти слова, — произнес лорд Харткорт с нежностью. — Я люблю вас.